

**Российская академия наук
Институт лингвистических исследований**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕТАЯЗЫКОВОГО
СЕМИНАРА
ИЛИ РАН**

2014 год

Санкт-Петербург
Геликон-Плюс
2015

ББК 83.3(2Рос=Рус)бя
М34

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Рецензенты:

д-р. филол. наук, зав. отделом *С. А. Мызников*
(Ин-т лингвист. иссл. РАН);
канд. филол. наук, канд. ист. наук, доцент *Д. В. Руднев*
(С.-Петерб. гос. ун-т)

Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2014 год / отв.
ред. С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Геликон-Плюс, 2015. — 206 с.

ISBN 978-5-93682-441-8

В сборнике публикуются материалы научного семинара «Метаязык авторской лексикографии», действующего на базе Института лингвистических исследований РАН. Они посвящены общим проблемам авторской лексикографии, исследованию метаязыка зарубежных словарей и грамматик, а также вопросам метаязыка «Словаря языка М. В. Ломоносова», готовящегося в ИЛИ РАН.

Издание предназначено для специалистов-лексикографов, студентов и аспирантов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, всех интересующихся проблемами лексикографии и истории языка.

ББК 83.3(2Рос=Рус)бя

*Издание подготовлено при финансовой поддержке гранта РГНФ
№ 14-04-00438 «Разработка метаязыка словаря нового типа
(«Словарь языка М. В. Ломоносова»): теоретический и прикладной
аспекты» (руководитель Е. М. Матвеев).*

ISBN 978-5-93682-441-8

© Коллектив авторов, 2015
© ИЛИ РАН, 2015
© Издательство «Геликон-Плюс», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Вопросы метаязыка лексикографии и грамматики	9
<i>Л. Л. Шестакова.</i> К характеристике современной русской авторской лексикографии	11
<i>К. В. Манерова.</i> Понятия «метаязык» и «идиолект» в немецкой авторской лексикографии	33
<i>К. А. Филиппов.</i> Наблюдения над метаязыком концеп- туальных грамматических текстов эпохи немецкого Просвещения	46
<i>Н. В. Карева.</i> Словари языка писателя во Франции XIX века	66
<i>Е. А. Иноков.</i> Польская авторская лексикография: словарь Яна Хризостома Пасека	96
<i>Т. Е. Аникина.</i> Двужычная авторская лексикография: словарь трилогии Марии Пуймановой	109
<i>О. В. Васильева, Е. В. Генералова.</i> Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков: реализация ларинских принципов на современном этапе развития лексикографии	124
Метаязык «Словаря языка М. В. Ломоносова»	141
<i>С. С. Волков.</i> Стилистическая и функциональная характеристика лексических единиц идиолекта М. В. Ломоносова	143

<i>Е. М. Матвеев.</i> Лексика поэтических произведений М. В. Ломоносова: метаязыковые приемы словарного описания	162
<i>М. Г. Шарихина.</i> Лексикографическое описание славянизмов в «Словаре языка М. В. Ломоносова» (предварительные замечания).	193

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание открывает новую серию публикаций ИЛИ РАН, которые представят научной общественности материалы научного семинара «Метаязык авторской лексикографии». Семинар работает на базе Института лингвистических исследований РАН с 2014 года.

Задача организации такого семинара, на котором бы обсуждались конкретные практические вопросы составления нормативных, исторических, авторских словарей давно стоит на повестке дня всех специалистов, работающих в этой области. Участники семинара не ставят никаких амбициозных задач: довольно часто у каждого, кто работает в конкретных словарных проектах, появляется необходимость поделиться опытом, рассказать о своих сомнениях, посоветоваться с коллегами по поводу тех или иных конкретных вопросов — как и где поставить помету, правильно отобразить особенности употребления того или иного слова средствами метаязыка словаря и проч. Заседания «Метаязыкового семинара» всегда открыты для такого рода обсуждений, а разнообразные доклады или сообщения, посвященные метаязыку словарей (пусть не всегда насыщенные «высокой» теорией), будут весьма полезно не только послушать, но и прочитать.

Не случайно период 60—80-х годов прошлого века называют «лексикографическим бумом». В те славные годы лексикографическое сообщество не только было увлечено работой над новаторскими словарными проектами (назовем только «Словарь синонимов русского языка», «Малый Академический словарь», «Фразеологический словарь русского языка», «Словарь русского языка XVIII века», «Псковский областной словарь», «Словарь автобиографической трилогии М. Горького», «Лексика и фразеология “Моления” Даниила Заточника» и мн. др.), но и регулярно

готовились и издавались серийные сборники, материалы которых были посвящены как теоретическим, так и практическим вопросам словарной работы. Эти сборники, конечно, не индексировались ни «Web of Science», ни «Scopus»-ом, но обладали огромным, как бы мы сказали сейчас, «импакт-фактором», так как в них, во-первых, делились своим опытом такие «классики» и «корифеи» отечественной лексикографии, как О. С. Ахманова, А. М. Бабкин, А. П. Евгеньева, Ф. П. Сороколетов и мн. др., а во-вторых, они служили бесценным источником сведений о новой научной литературе в области лексикографии. Среди таких сборников следует назвать прежде всего «Лексикографический сборник» (выпуски 1—6; 1957—1963), затем сборник «Современная русская лексикография» (выпуски 1—5; 1975—1981), вышедший под редакцией А. М. Бабкина, сборник «Проблемы исторической лексикографии» под редакцией Ю. С. Сорокина (Л., 1977), сборник «Теория и практика современной лексикографии» под редакцией Р. П. Рогожниковой (М., 1984), сборник «Советская лексикография» (М., 1988), который содержит весьма интересные статьи А. И. Домашнева, Ф. П. Сороколетова, Н. З. Котеловой, В. М. Мокиенко, А. С. Герда. Помимо статей, перечисленные выше издания обязательно содержали списки новой научной литературы по общей, толковой, двуязычной, авторской и учебной лексикографии и исчерпывающие описания новых словарных проектов и изданий. К большому сожалению, традиция подготовки таких сборников — а по сути дела периодических изданий по лексикографии — прервалась. Надеемся, что сборник материалов метаязыкового семинара ИЛИ РАН хоть отчасти сможет компенсировать этот пробел.

«Словарь языка Пушкина» и «Словарь автобиографической трилогии М. Горького», бесспорно, пользуются заслуженной славой и всеобщим уважением, но другим не менее важным и актуальным делом может и должно стать освоение опыта современной и исторической зарубежной лексикографии, особенно тогда, когда идет исследование отдельных идиолектов.

Такие классические лексикографические проекты как, например, «*The Oxford Dictionary of Shakespeare*» профессора Бирмингемского университета Стенли Веллза (Stanley Wells) или «Luther-Register» (см. статью К. В. Манеровой в этом издании) еще, к сожалению, недостаточно известны у нас. Хочется выразить уверенность, что, наконец, прошли те времена, когда для того, чтобы подчеркнуть свою эрудицию в области зарубежной лексикографии, коллеги ссылались только на книгу Ладислава Згусты. Поэтому всем, мы полагаем, будет интересно получить больше информации о научных трудах Рейнхарда Харманна и о деятельности организованного им DRC (*The Dictionary Research Centre*) в Великобритании, о теоретических исследованиях профессора Герберта Эрнста Виганда (*H. E. Wiegand*) и о многих других зарубежных теоретиках и практиках лексикографии. Редакторы также выражают надежду на то, что в будущих выпусках «Материалов...» найдут отражение как проекты новых словарей и информация о текущих словарных проектах, так и рецензии, отзывы, хроника конференций и заседаний, на которых затрагивались проблемы составления словарей. Для участников семинара большой интерес представляет опыт наших коллег на Украине и в Белоруссии, их также занимают вопросы осуществления словарных проектов в славянских странах, тем более, что прошедшая в конце апреля 2015 года международная конференция «Современные проблемы лексикографии» весьма способствовала установлению новых научных контактов. Важной задачей редакционная коллегия считает предоставление возможности опробовать свои силы молодым ученым, занимающимся словарным делом.

Одной из целей «Метаязыкового семинара» является исследование мирового опыта составления авторских словарей, освоение современных словарных методик и технологий для решения вопросов составления «Словаря языка М. В. Ломоносова», работа над которым идет в Институте лингвистических исследований РАН. В настоящем издании нашли отражение материалы

некоторых докладов, сделанных на семинаре, организованном сотрудниками отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» в 2014 году. Статьи сборника посвящены общим проблемам авторской лексикографии (статья Л. Л. Шестаковой), исследованию зарубежных словарей (статьи К. В. Манеровой, Н. В. Каревой, Е. А. Инокова), метаязыку грамматических трактатов XVIII века (статья К. А. Филиппова), обсуждению некоторых специальных вопросов метаязыка авторских и исторических словарей (материалы С. С. Волкова, Е. М. Матвеева, М. Г. Шарихиной, О. В. Васильевой и Е. В. Генераловой, Т. Е. Аникиной).

Благодарим дирекцию Института лингвистических исследований РАН за помощь и поддержку при публикации материалов «Метаязыкового семинара».

Редакционная коллегия

ВОПРОСЫ МЕТАЯЗЫКА ЛЕКСИКОГРАФИИ И ГРАММАТИКИ

Л. Л. Шестакова*

К характеристике современной русской авторской лексикографии

Ключевые слова: авторская лексикография, авторский словарь, толковый словарь, конкорданс, частотный словарь, корпусные методы в авторской лексикографии.

В статье характеризуются основные направления работы, выделяемые в рамках современной русской авторской лексикографии. Также разбираются некоторые актуальные вопросы, связанные с историей, теорией и методологией этой словарной отрасли.

Благодаря усилиям исследователей разных поколений, история русской авторской лексикографии (АЛ) предстает сегодня в упорядоченном виде. Новый этап в развитии отрасли можно отсчитывать с начала 1990-х гг. В работах (Шестакова 2007, 2011) мы уже давали общую характеристику данного этапа, поэтому здесь специальные акценты сделаем на отдельных событиях и тенденциях в АЛ последнего времени.

В пространстве современной русской авторской лексикографии выделяется несколько различающихся по содержанию направлений работы. Основное направление представлено художественной АЛ, то есть связано с составлением типологически и жанрово разнообразных словарей языка русских писателей, поэтов, драматургов. Имеем в виду и теоретическую работу,

---

* Лариса Леонидовна Шестакова — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронная почта: lara.shestakova@mail.ru

в том числе — как необходимое сопровождение в реализации того или иного словарного проекта, и практическую — по созданию словарей языка разных авторов и групп авторов; подробнее об этом см.: (Шестакова 2011: 210—274).

К этому, собственно писательскому, направлению АЛ при-мыкает работа по составлению словарей языковых личностей иного рода — ученых, философов, политиков, публицистов и т. п. Раньше она была представлена материалами, практически целиком связанными с проектом Словаря языка Ленина, теперь это: «Словарь языка Александра Лебеда» (Самотик 2004), содержащий выразительные средства языка А. И. Лебеда и его афоризмы; «Словарь фразеологизмов писем И. И. Пущина» (Фесенко 2007); «Словарь Л. С. Выготского» (Словарь Выготского 2010), включающий определения психологических понятий, данных в опубликованных работах ученого. См. также исследование (Шестакова, Яковлева 2009), в котором, на примере творчества Константина Леонтьева, рассматривается возможность использования частотного словаря для интерпретации философского текста.

Важно отметить, что работа в рамках нехудожественной АЛ постепенно активизируется. Свидетельство этому — некоторые новые словарные проекты и идеи. Например, проект «Словаря авторских философских терминов Н. Ф. Федорова», разрабатываемый Н. В. Козловской (Козловская 2013), идея словаря языка А. Ф. Лосева, обдумываемая В. И. Постоваловой; ср. также идею словаря языка Д. И. Менделеева, отраженную в докладе С. С. Волкова «От словаря Ломоносова к словарю Менделеева» на Первых Григорьевских Чтениях (ИРЯ РАН, март 2015). Очевидно, что подобные словари могут создаваться на широкой междисциплинарной основе.

Особого упоминания достойны проекты разной степени сложности, обнаруживающие сближение художественной и нехудожественной АЛ. Ориентированы они на описание «многоипостасных» языковых личностей. Наиболее масштабный из

таких проектов — «Словарь языка М. В. Ломоносова». По словам руководителя проекта С. С. Волкова, общий замысел словаря «должен формулироваться как создание универсального словаря-тезауруса толково-энциклопедического характера с развернутыми дефинициями, специальным справочным аппаратом и историко-культурными (историко-научными) комментариями» (Волков 2011: 2). В рамках данного проекта вышли, с одной стороны, словарь-справочник «Минералогия М. В. Ломоносова» (Словарь Ломоносова 2010), с другой — стиховедческие словари, например, (Словарь Ломоносова 2011); завершена подготовка основного текста первого тома общего словаря (А — Б) (в этом томе, кроме корпуса словарных статей, будут представлены теоретическое предисловие, инструкция для пользователя, указатели использованной литературы и словарей, индексы и справочные материалы); подготовлен основной текст первого тома словаря «М. В. Ломоносов и культура Германии XVIII века» (*Abendessen — Extrakt*); ведется работа над словарем риторических терминов «Риторика М. В. Ломоносова» (проект этого словаря см. на сайте: <http://www.ruslang.ru/doc/lomonosov.pdf>). Более подробную информацию о проекте «Словарь языка М. В. Ломоносова», а также список публикаций его участников, пробные словарные статьи можно найти на сайте: lomonosov.iling.spb.ru

Такого рода проектам противостоят словари простой структуры, как, например, словник, составленный по языку публицистики писателя Е. Носова (Разумова 2005).

Мы рассмотрим далее отдельные проблемные вопросы АЛ применительно, в основном, к первым двум направлениям, но сначала обозначим несколько других направлений.

Одно из них связано с практикой создания отечественными лексикографами словарей языка зарубежных авторов — в этом случае можно говорить не о русской, а об иноязычной части российской лексикографии. См., например, такие разные по вы-бранным авторам, жанру и описываемому материалу словари,

как: «Из Гёте: Крылатые слова. Цитаты» (Александрова 2000), «Словарь “Маятника Фуко” Умберто Эко» (Логош, Петров 2002), «Идеографический словарь языка поэмы А. Мицкевича “Пан Тадеуш”» (Слободян 2012), создаваемый глоссарий к роману Дафны дю Морье «Ребекка» (Воронцова 2011).

С названным направлением смыкается еще одно — оно представлено не практической составительской, а исследовательской работой по другим национальным АЛ. Это, в частности, труды О. М. Карповой и ее учеников по англоязычной, в первую очередь шекспировской, лексикографии. В ряду последних книг, представляющих эту ветвь АЛ, назовем «Словари языка писателей и цитат в английской лексикографии» (Карпова, Коробейникова 2007), «English Author Dictionaries (the XVIth — the XXIst cc.)» (Карпова 2011). См. также исследование по немецкой АЛ (Кокурина 2007).

Необходимо, наконец, упомянуть русскую линию в зарубежной АЛ. Как известно, она началась еще в 70-е гг., когда американскими филологами были подготовлены конкордансы к текстам русских поэтов (Батюшкова, Баратынского и др.). Линия эта продолжается и сейчас. В Японии изданы конкордансы к произведениям Пушкина (Urai 1997; Urai, Horikoshi 2002), Радищева (Urai 1998), Карамзина (Urai 2000), Достоевского (Urai, Ando, Mocyizuki 1994; Urai, Ando, Renansky 2003), в Америке — к произведениям Ахматовой, Бродского (Patera 1995, 2002). Ср. и польский опыт словарного описания прилагательных в поэзии Бунина (Ojsewicz 1996). На некоторые зарубежные словарные издания публикуют рецензии отечественные исследователи (Шайкевич 1995; Кретов 2000).

Словари языка русских писателей создаются и в ближнем зарубежье, в странах бывшего Советского Союза — в Азербайджане, в Белоруссии, в Киргизии, на Украине. См., к примеру, «Сводный частотный словарь глаголов поэзии Бродского» (Самойлова 2007), «Словарь атрибутивной сочетаемости в художественной прозе А. С. Грина» (Мельникова 2009), «Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова» (Рогозина 2011), «Фра-

зеологический словарь М. Цветаевой» (Шевченко 2011). Следует отметить, что словарями этой группы заполняются некоторые лакуны в отечественной АЛ, связанные с выбором имен, словарного жанра, предмета описания. Отдельного упоминания, в связи с этим, заслуживает полный по поэтическому материалу частеречный «Словарь языка Есенина» в пяти томах, созданный в Бакинском славянском университете (Шипулина 2012а, 2012б, 2013а, 2013б, 2013в). У нас были разные попытки создания словаря языка поэзии Есенина, однако сделать это удалось исследователю из Азербайджана; характеристику есенинской линии в отечественной АЛ, анализ и оценку словаря Г. И. Шипулиной см. в (Шестакова 2013). Добавим также, что тем же автором подготовлен и недавно опубликован «Словарь языка прозы Есенина» (Шипулина 2015).

Суммируя сказанное, можно подкорректировать понятие «русская авторская лексикография». С учетом всех выделенных направлений работы мы получаем российскую АЛ, включающую русскую и иноязычную части, плюс русскоязычную зарубежную авторскую лексикографию.

Рассмотрим далее некоторые актуальные вопросы современной АЛ, соотносимые по преимуществу с первыми двумя из называвшихся направлений и связанные с историей, теорией и методологией АЛ. Отметим, что заметный импульс к обсуждению ряда вопросов такого рода дал научный семинар «Авторская лексикография и история слов», проведенный в 2011 г. по случаю 50-летия выхода в свет «Словаря языка Пушкина»; материалы семинара представлены в сборнике (Авторская лексикография 2013).

Начнем с вопросов *истории авторской лексикографии*, так или иначе затрагивающих и аспекты ее теории.

С публикацией в начале 1990-х гг. работ О. И. Фоняковой по истории русской писательской лексикографии (Фонякова 1990, 1993), после проведенной, по инициативе Ю. Н. Караулова, в конце 1990-х гг. в ИРЯ РАН конференции по авторской лексикографии начинается, по сути, планомерное изучение того, как

всё начиналось и какой путь прошла русская АЛ. В 2003 г. вышла в свет антология «Русская авторская лексикография XIX—XX веков» (РАЛ), новые данные по истории отрасли нашли отражение в книге (Шестакова 2011).

В последние годы число таких работ увеличилось ненамного, что вполне понятно. Однако и появившиеся исследования позволяют дать более детальное представление о некоторых сюжетах ранней АЛ. В этом отношении интересна статья специалиста по творчеству Брюсова С. И. Гиндина «От писательской лексикографии — к текстологии писателя: В. Я. Брюсов и супруги Бальмонты в работе над “Пушкинским словарем”» (Гиндин 2014). Обращает на себя внимание название статьи — обозначенное в нем движение видится обычно обратным: от текстологии к писательской лексикографии. Однако название, очевидно, соответствует истории проекта первого словаря языка Пушкина и в целом заостряет вопрос об источниках словарей писателей, о прямых связях АЛ и текстологии.

В статье С. И. Гиндина подробнейшим образом, в основном по письмам, прослеживается работа Валерия Брюсова, Екатерины и Константина Бальмонтов в 1898—1899 гг. над словарем пушкинского поэтического языка. Автор убедителен в утверждении того, что идея такого словаря была выдвинута двумя поэтами раньше появления публикации князя А. И. Урусова¹. Важно, что в исследовании показана роль академика Шахматова в этом проекте, и конкретно то, что программа и методика работы над словарем определялись ее участниками в непосредственном сотрудничестве с Шахматовым. Звучит в статье и имя академика А. Н. Веселовского как поддержавшего проект.

Не менее интересной, хотя и небольшой по объему, представляется публикация С. С. Волкова «А. А. Шахматов и проблемы авторской лексикографии» (Волков 2014). Здесь речь идет о предложении академика подготовить Словарь языка Ло-

¹ О словарном проекте Урусова см.: (Шестакова 2011: 161—166).

моносова — языка «как литературного, так и научного». И, что особенно ценно, отдается должное Ивану Михайловичу Белорусову, начавшему работу над словарем в 1911 г.

Полагаем, что к исторической АЛ можно отнести работы, посвященные истории, далекой или близкой, отдельных семейств словарей писателей. Это, с одной стороны, например, работы о словарях, составивших грибоедовскую и пушкинскую лексикографию (Королькова 1999, 2000; Шестакова 1999, 2011: 266—268), с другой стороны, исследование «Словари языка произведений В. М. Шукшина: история создания и принципы составления» (Шелепова, Чеснокова 2004).

В воссоздании истории авторской лексикографии важны архивные разыскания, интенсификации которых, очевидно, требует современное состояние отрасли.

Перейдем далее к некоторым вопросам *теории авторской лексикографии*, носящим как общий, так и частный характер.

Рассматривая ранее современный этап в развитии АЛ, мы перечисляли и с разной степенью подробности разбирали актуальные вопросы теории АЛ, указывая на соответствующие исследования (Шестакова 2011: 212—218). К числу важных вопросов этого свойства, обсуждаемых в работах последнего времени, относятся, несомненно, такие, как антиномия авторского словаря и текста (Ревзина 2009) и взаимоотношения авторской и общей (толковой) лексикографии (Голованевский 2013), см. также (Щербин 2013).

Отметим значимость, для понимания перспектив развития АЛ, обращения к «неразрешимой антиномии словаря и текста», предпринятого О. Г. Ревзиной в докладе на семинаре «Теория и практика авторской лексикографии» (апрель 2009 года). По справедливому замечанию Ревзиной, перестройка текстовой информации в словарную сопровождается как потерями, так и приращениями. В этом отношении особый интерес представляет «Словарь языка Достоевского», так как в его проекте при четком сформулированных противоречиях языка и текста провоз-

глашена установка на «многогранную полипараметричность». О. Г. Ревзина убеждена, что антиномия словаря и текста сохраняется при всех подходах и до тех пор, «пока исследователь мыслит себя внутри этой антиномии». Возможен ли выход из нее? Ответом на этот вопрос может быть задуманный автором «Когнитивный словарь языка М. Цветаевой», опирающийся на когнитивные способности творческой личности (ощущения и восприятие, память и мышление, оценка и внимание) как структурный корень авторского словаря. Ср. в этой связи и проект «Когнитивного тезауруса поэтического языка Марины Цветаевой», разрабатываемый И. Ю. Беляковой (Белякова 2009, 2013).

Проблема взаимоотношений авторской и общезыковой толковой лексикографии многоаспектна. Трудно спорить с тем, что тесное взаимодействие общей лексикографии с авторской является одним из ключевых условий успешного развития национальной словарной работы (об этом говорят Д. М. Поцепня, В. К. Щербин и др.), однако обращение составителей толковых словарей к авторским (с целью уточнения значений слов, отбора цитатного материала и т. д.) до сих пор носит спорадический характер. Поэтому важны исследования, опирающиеся на данные авторских словарей и демонстрирующие, каким конкретно языковым материалом из авторского словаря может быть обогащен общий толковый словарь. См., к примеру, статью (Голованевский 2013), базирующуюся на опыте создания автором «Поэтического словаря Ф. И. Тютчева» (Голованевский 2009). В ней отмечается необходимость фиксации в общем словаре отдельных «новых» значений, в том числе связанных с философскими исканиями русских поэтов и писателей.

Один из значимых вопросов теории АЛ связан с ее метаязыковой составляющей. Он поднимается в отдельных работах, не привязанных к конкретным авторским словарям², но преиму-

щественно обсуждается при разработке отдельных словарных проектов. Имеются в виду, прежде всего, сложные проекты типа «Словаря языка Достоевского» и «Словаря языка М. В. Ломоносова» (ср. прежние опыты в АЛ, связанные с концепциями Б. А. Ларина и В. П. Григорьева — «Словарь автобиографической трилогии М. Горького» и «Поэт и слово. Опыт словаря»). Метаязыковые находки, решения, принимаемые в процессе разработки таких словарей, значимы для АЛ в целом. Поэтому важно, что участниками отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН задуман и реализуется, при поддержке РГНФ, специальный проект «Разработка метаязыка словаря нового типа («Словарь языка М. В. Ломоносова»): теоретический и прикладной аспекты». Ограничившись здесь ссылкой на него, отметим, что пользователю авторского словаря желательно, чтобы его метаязык был, с одной стороны, понятным и удобным, с другой — обладающим чертами универсальности. Именно на такую форму метаязыка ориентируются создатели «Словаря языка М. В. Ломоносова».

Коснемся еще одного вопроса — касающегося типологической и жанровой природы авторских словарей. В настоящее время наблюдается, как кажется, расширение понятия «дифференциальный авторский словарь». Оно происходит за счет оформления и распространения отдельных разновидностей словарей языка писателя — например, словарей внелитературной лексики (Яцкевич 2004; Курносова 2006, 2008а; Падерина, Самотик 2008³), и словарей иноязычной лексики, в том числе вкраплений в оригинальной графике (Макеева 2013; Проценко 2013) (мы не затрагиваем здесь вопроса интерпретации в словаре иноязычных текстов русских авторов). Названные виды словарей формируются на определенной теоретической основе (в частности, детализируется применительно к АЛ содержание

² См., например, статьи, посвященные стилистическим пометам в словарях языка писателей: (Карпова 1988; Шестакова 2006).

³ См. также соответствующие исследования: (Курносова 2008б; Самотик 2013).

терминов «внелитературная лексика», «иноязычное вкрапление (включение)») и по-своему отражают стремление к словарному описанию разных (в идеале — всех) пластов авторского языка. В связи с иноязычными вкраплениями важно добавить, что это стремление начинает последовательно отражаться и в полных по составу авторских словарях — не в относительно полных (как это часто бывало раньше), а в действительно полных. Включение в словарь такой лексики, как бы она не квалифицировалась в теории заимствований, обогащает его сущностно и функционально — лексикон автора или отдельного произведения предстает в словаре без изъятий, в единстве и взаимосвязанности всех его частей, воссоздающих языковую культуру писателя, широкий спектр смыслов и коннотаций, стоящих за выбранными им словами и выражениями. Приведем примеры словарей, в которых зафиксированы вкрапления в графике языка-оригинала: толковый «Словарь языка комедии “Горе от ума”» (Словарь Грибоедова 2007), словоуказатель с чертами конкорданса «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» (СМЦ), серия частотных словарей языка поэтов пушкинской эпохи — А. Полежаева, Н. Огарева (Васильев 2001, 2013), А. Дельвига, Н. Языкова (Васильев, Жаткин 2009, 2013). Ср. также работы (Шестакова 2014; Шестакова, Кулева 2014, 2015), в которых анализируются типы вкраплений в русской поэзии Серебряного века как предмет описания в сводном «Словаре языка русской поэзии XX века» (СЯРП).

Говоря об общей методологии АЛ последних десятилетий, ее методическом аппарате, естественно отметить, что она, как и общая лексикография, функционирует с применением методов и подходов, базирующихся на современных информационных технологиях. Уже не вызывает сомнений то, что простое использование существующих и пополняемых корпусов текстов и электронных библиотек непродуктивно при создании авторских словарей. Здесь требуются собственные корпуса, ориентированные на тот или иной проект или на проекты сходной на-

правленности. Не случайно поэтому предметом специального анализа становятся вопросы построения корпусов, пригодных для нужд именно авторской лексикографии. Например, в работе (Пильщиков 2013) такие вопросы рассматриваются применительно к поэзии Батюшкова (проект «Словаря языка Батюшкова»), но ее выводы и положения могут претендовать на общую значимость в АЛ. Это касается, в частности, вывода о необходимости «создания филологически корректных, хронологически дифференцированных (редакции и варианты текстов — беловые и черновые) и источниковедчески документированных корпусов текстов русских классиков» (Пильщиков 2013: 61).

Перспективен опыт коллег, работающих в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ. Имеется в виду, например, «Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова» (Кукушкина, Поликарпов, Суровцева 2014), представляющий собой лексикографический труд нового типа. В нем реализовано сочетание словаря и электронного корпуса текстов. Такое сочетание создает новые возможности работы со словарем, позволяет читателю проводить дальнейшее самостоятельное исследование особенностей языка и творчества писателя.

Обратим внимание на то, что названный лексикографический продукт представляет собой электронное издание, содержащее, кроме словаря и корпуса художественных текстов Чехова, программное средство «Компьютерная информационно-исследовательская система для работы с электронными корпусами текстов „ИСТОК“» и методическое руководство по работе с этой системой и корпусом чеховских текстов. Работа в системе возможна в трех режимах: «Конкорданс», «Текст» и «Справочные материалы»; она позволяет: просматривать и копировать в файл имеющиеся словари и конкордансы; получать новые словари и конкордансы путем комбинирования тех типов информации, которыми размечен корпус; заниматься каждым

произведением в полнотекстовом режиме и получать справочную информацию о нем. Об опыте интеграции сотрудниками той же Лаборатории «Словаря языка Пушкина» и пушкинских текстов в рамках единого корпусного продукта см. (Кукушкина, Поликарпов, Федотов 2006; Кукушкина, Поликарпов, Суровцева 2013).

Следует сказать и о работе по составлению авторских словарей, проводимой в рамках Казанского лингвографического фонда (<http://www.klf.kpfu.ru/rs.php>⁴). Пример этого — словарный опыт «Язык писем М. В. Ломоносова: Материалы для словаря» (ЯПЛМС), подготовленный на основе компьютерного фонда писем, формируемого в Казанском университете в рамках программы по созданию «Словаря языка М. В. Ломоносова». Этот опыт, содержащий лингвографическое описание материалов 78 русскоязычных писем, представляет собой словарь словоформ. Его основная задача — первичная инвентаризация материалов писем М. В. Ломоносова и описание в рамках конкорданса, частотного и обратного словоформоуказателей, указателя числительных и иноязычных материалов. Именно интернет-версию авторы-составители рассматривают как основную форму словаря.

Перспективной представляется также лингвографическая работа по созданию словарно-текстового фонда русской поэзии XIX в. (Галиуллин 2013). В рамках фонда уже сформировано более двадцати компьютерных подфондов русских поэтов первой половины XIX в. (среди них Е. Боратынский, К. Батюшков, А. Бестужев-Марлинский, Д. Веневитинов, Д. Давыдов, А. Дельвиг, В. Кюхельбекер, А. Одоевский и др.). «В рамках подфондов, отражающих материалы произведений одного автора, формируются: 1) конкорданс (лемм и словоформ); 2) обратный словоуказатель; 3) частотный словоуказатель; 4) алфавитный словоформоуказа-

тель; 5) обратный словоформоуказатель; 6) частотный словоформоуказатель» (Галиуллин 2013: 298), причем, например, статьи конкорданса имеют справочную зону, сближающую его со словарями объяснительного типа. Кроме прочего, совокупные сведения указанного типа могут быть широко использованы для сравнительного анализа идиостилей поэтов указанного периода.

В заключение отметим, что мы коснулись только некоторых сторон современной русской авторской лексикографии, и конкретно того, что сегодня удастся добавить к уже известным фактам по истории АЛ, какие вопросы теории данного направления приобретают особую актуальность, какие возможности предоставляют составителям авторских словарей новые технологии. Эту картину может дополнить анализ конкретных словарных трудов, опубликованных в последние годы или подготавливаемых к публикации.

Библиография

Словари

Александрова 2000 — Александрова Т. С. Из Гёте: Крылатые слова. Цитаты. М., 2000.

Васильев 2001 — Васильев Н. Л. Словарь языка А. И. Полежаева. Саранск, 2001.

Васильев 2013 — Васильев Н. Л. Словарь поэтического языка Н. П. Огарева. М., 2013.

Васильев, Жаткин 2009 — Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь языка А. А. Дельвига. М., 2009.

Васильев, Жаткин 2013 — Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь Н. М. Языкова. М., 2013.

Голованевский 2009 — Голованевский А. Л. Поэтический словарь Ф. И. Тютчева. Брянск, 2009.

Курносова 2006 — Курносова И. М. Словарь народного языка произведений И. А. Бунина. Елец, 2006.

⁴ О лингвографии, включающей в себя и лексикографию, в том числе писательскую, см.: (Компьютерная лингвография 1995; Галиуллин 2009).

Курносова 2008а — Курносова И. М. Диалектно-просторечный словарь языка Евгения Замятина. Елец, 2008.

Логош, Петров 2002 — Логош О., Петров В. Словарь «Маятника Фуко» Умберто Эко. СПб., 2002.

Мельникова 2009 — Мельникова Л. А. Словарь атрибутивной сочетаемости в художественной прозе А. С. Грина (Сочетаемость прилагательных и причастий в художественной прозе А. С. Грина: Алфавитный словарь. Сочетаемость прилагательных и причастий в художественной прозе А. С. Грина: Частотный словарь) // Мельникова Л. А. А. С. Грин: слово — образ. Минск, 2009. С. 117—484.

Падерина, Самотик 2008 — Падерина Л. Н., Самотик Л. Г. Словарь внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В. П. Астафьева. Красноярск, 2008.

Разумова 2005 — Разумова М. А. Язык публицистики Е. И. Носова: Словник. Курск, 2005.

Рогозина 2011 — Рогозина В. И. Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова. Донецк, 2011.

Самойлова 2007 — Самойлова И. Ю. Сводный частотный словарь глаголов поэзии И. Бродского. Словарь доэмиграционного периода творчества. Словарь послеэмигрантского периода творчества // Самойлова И. Ю. Динамическая картина мира И. Бродского: лингвистический аспект. Гродно, 2007. С. 117—190.

Самотик 2004 — Самотик Л. Г. Словарь языка Александра Лебеда. Красноярск, 2004.

Слободян 2012 — Слободян Е. А. Идеографический словарь языка поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» в авторской и электронной лексикографии (2012) // http://www.ruslang.ru/?id=seminar_aut_lexicogr.

Словарь Выготского 2010 — Словарь Л. С. Выготского / под ред. А. А. Леонтьева. М., 2010.

Словарь Грибоедова 2007 — Грибоедов А. С. Горе от ума: комедия в четырех действиях в стихах / А. С. Грибоедов. Словарь языка

комедии «Горе от ума» / Л. М. Баш, Н. С. Зацепина, Л. А. Илюшина, Р. С. Кимягарова. М., 2007.

Словарь Ломоносова 2010 — Словарь языка М. В. Ломоносова / гл. ред. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 5. Словарь-справочник «Минералогия М. В. Ломоносова» / отв. ред. С. С. Волков. СПб., 2010.

Словарь Ломоносова 2011 — Словарь языка М. В. Ломоносова / гл. ред. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 3—4. Словарь рифм М. В. Ломоносова / сост. Е. А. Захарова, О. С. Лалетина, Е. М. Матвеев / отв. ред. С. С. Волков, Е. В. Хворостьянова. СПб., 2011.

СМЦ — Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. 6 кн. / сост. И. Ю. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина. М., 1996—2004.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I—V / сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. М., 2001—2013.

Фесенко 2007 — Фесенко О. П. Словарь фразеологизмов писем И. И. Пущина. Омск, 2007.

Шевченко 2011 — Шевченко Н. М. Фразеологический словарь М. Цветаевой. Бишкек, 2011.

Шипулина 2012а — Шипулина Г. И. Частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии Сергея Есенина. Вып. 1. Предлоги. Баку, 2012.

Шипулина 2012б — Шипулина Г. И. Частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии Сергея Есенина. Вып. 2. Союзы. Частицы. Баку, 2012.

Шипулина 2013а — Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Имя существительное. Баку, 2013.

Шипулина 2013б — Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Глагол. Баку, 2013.

Шипулина 2013в — Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Наречие. Баку, 2013.

Шипулина 2015 — *Шипулина Г. И.* Словарь языка Есенина. Художественная проза. В 2-х т. Баку, 2015.

Яцкевич 2004 — *Яцкевич Л. Г.* Народное слово в произведениях В. И. Белова: Словарь. Вологда, 2004.

Ojcewicz 1996 — *Ojcewicz G.* Przymiotniki w poezji Iwana Bunina: studium leksykograficzne. Wyd. Bernarda Kayzera, 1996.

Patera 1995 — *Patera T.* A Concordance to the Poetry of Anna Akhmatova. Ardis, Dana point, 1995.

Patera 2002 — *Patera T.* A Concordance to the Poetry of Josef Brodsky. Book 1—4. N. Y.; L.: Edwin Mellen Press, 2002.

Urai 1997 — *Urai Y. (ed.)*. A Lemmatized Concordance to «The Captain's Daughter» of A. S. Pushkin. Fukui, 1997.

Urai 1998 — *Urai Y. (ed.)*. A Lemmatized Concordance to A Journey from Petersburg to Moscow of A. N. Radishchev. Sapporo, 1998.

Urai 2000 — *Urai Y. (ed.)*. A Lemmatized Concordance to Letters of a Russian Traveler of N. M. Karamzin. With Foreword by Robert L. Belknap and Cynthia H. Whittaker. Vol. 1—2. Sapporo, 2000.

Urai, Ando, Mocyizuki 1994 — *Urai Y., Ando A., Mocyizuki T. (eds.)*. A Concordance to Dostoevsky's Crime and Punishment. Vol. 1—3. Sapporo, 1994.

Urai, Ando, Renansky 2003 — *Urai Y., Ando A., Renansky A. (eds.)*. A Lemmatized Concordance to «The Idiot» of F. M. Dostoevsky. Vol. 1—4. Sapporo, 2003.

Urai, Horikoshi 2002 — *Urai Y., Horikoshi Sh. (eds.)*. A Lemmatized Concordance to the prose works of A. S. Pushkin: Peter the Great's blackamoor, The Tales of Belkin and The Queen of Spades. Sapporo, 2002.

Научная литература

Авторская лексикография 2013 — Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина» / отв. ред. Л. Л. Шестакова. М., 2013.

Белякова 2009 — *Белякова И. Ю.* О проекте когнитивного тезауруса поэтического языка Марины Цветаевой // http://www.ruslang.ru/?id=seminar_aut_lexicogr_09-10.

Белякова 2013 — *Белякова И. Ю.* Лексикографическое представление таксона «Глаза» в тезаурусе М. Цветаевой // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 308—312.

Волков 2011 — *Волков С. С.* Словарь языка Ломоносова // http://lomonosov.iling.spb.ru/uploads/common/publications/Volkov_Slovar%27_yazika_Lomonosova.pdf.

Волков 2014 — *Волков С. С. А. А.* Шахматов и проблемы авторской лексикографии // Материалы междунар. науч. конф., посв. 150-летию А. А. Шахматова. М., 2014. С. 91—92.

Воронцова 2011 — *Воронцова И. А.* Принципы составления писательского глоссария к роману «Ребекка» // Ивановская лексикографическая школа: традиции и инновации: сб. науч. ст. Иваново, 2011. С. 103—108.

Галиуллин 2009 — *Галиуллин К. Р.* Интернет-лингвография: русские текстописывающие словари // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2 (24). Магнитогорск; Новосибирск, 2009. С. 635—639.

Галиуллин 2013 — *Галиуллин К. Р.* Словарь языка русской поэзии первой половины XIX века: традиционная и сетевая версии // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 296—301.

Гиндин 2014 — *Гиндин С. И.* От писательской лексикографии — к текстологии писателя: В. Я. Брюсов и супруги Бальмонты в работе над «пушкинским словарем» // Известия РАН. Серия литры и языка. 2014. Т. 73. № 1. С. 37—50.

Голованевский 2013 — *Голованевский А. Л.* Что могут и чего не могут толковые словари // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 46—51.

Карпова 1988 — *Карпова О. М.* Система стилистических помет в писательском словаре // Вопросы стилистики: межвуз. науч. сб. Вып. 22. Саратов, 1988. С. 134—142.

Карпова, Коробейникова 2007 — *Карпова О. М., Коробейникова О. В.* Словари языка писателей и цитат в английской лексикографии. М., 2007.

Козловская 2013 — *Козловская Н. В.* Авторские термины в русской религиозной философии: методы и приемы анализа (2013) // http://www.ruslang.ru/?id=seminar_aut_lexicogr.

Кокурина 2007 — *Кокурина И. В.* Словарь языка Гёте // Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения: материалы VII Междунар. школы-семинара (Иваново, 12—14 сентября 2007 г.). Иваново, 2007. С. 47—49.

Компьютерная лингвография 1995 — Компьютерная лингвография / науч. ред. Н. К. Замов, К. Р. Галиуллин. Казань, 1995 // <http://www.ksu.ru/fl10/publications/1995/K1.php>.

Королькова 1999 — *Королькова А. В.* «Горе от ума». Лексикографические исследования // Русская филология. Учен. зап. СГПУ. 1999. Смоленск, 1999. С. 24—38.

Королькова 2000 — *Королькова А. В.* Лексикографические опыты исследования комедии «Горе от ума» // Грибоедов и Пушкин. Хмелитский сборник. Вып. 2. Смоленск, 2000. С. 129—145.

Кретов 2000 — *Кретов А. А.* Н. М. Карамзин в Японии: Ясуо Ураи — «Лемматизированный конкорданс «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина» / С предисл. Роберта Л. Белкнапа и Цинтии Х. Виттакер. В 2-х т. Саппоро: Хоккайдский университет, русское отделение филол. ф-та, 2000. — 1375 с. // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания: Вып. 14. Воронеж, 2000. С. 273—278.

Кукушкина, Поликарпов, Суровцева 2013 — *Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Суровцева Е. В.* Использование «Словаря языка Пушкина» в создаваемом корпусе пушкинских текстов // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 30—38.

Кукушкина, Поликарпов, Суровцева 2014 — *Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Суровцева Е. В.* и др. Частотный грамматико-

семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова (с электронным приложением) как особый лексикографический продукт (2014) // http://www.ruslang.ru/?id=seminar_aut_lexicogr.

Кукушкина, Поликарпов, Федотов 2006 — *Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Федотов В. В.* КИИСА. Корпусная информационно-поисковая система. Вып. 1: Поэзия и драматургия А. С. Пушкина и Путеводитель по Пушкину / МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. ф-т. Кафедра рус. яз. Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии. М., 2006 (CD-ROM).

Курносова 2008б — *Курносова И. М.* Диалектная лексика языка писателей как объект авторской лексикографии: к истории и теории вопроса // Филологические науки. 2008. № 5. С. 105—111.

Макеева 2013 — *Макеева Е. В.* Иноязычная лексика в идиостиле писателя: к вопросу о «Словаре заимствованной лексики западно-европейского происхождения в языке А. С. Пушкина» // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 96—100.

Пильщикова 2013 — *Пильщикова И. А.* Проблемы корпусного подхода к задачам авторской лексикографии // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 59—61.

Проценко 2013 — *Проценко Е. А.* Иноязычная лексика в системе словарного описания языка Достоевского // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 232—237.

РАЛ — Русская авторская лексикография XIX—XX веков: Антология / сост.: Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, Л. Л. Шестакова; отв. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2003.

Ревзина 2009 — *Ревзина О. Г.* «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» и проблемы авторской лексикографии (2009) // http://www.ruslang.ru/?id=seminar_aut_lexicogr_09-10.

Самотик 2013 — *Самотик Л. Г.* Словари внелитературной лексики как разновидность авторских словарей: проблемы и решения

// Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 274—279.

Фонякова 1990 — *Фонякова О. И.* У истоков русской писательской лексикографии // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1990. Вып. 4. С. 31—35.

Фонякова 1993 — *Фонякова О. И.* Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языковедении (1883—1990) // Из истории науки о языке: межвуз. сб. памяти проф. Ю. С. Маслова. СПб., 1993. С. 113—134.

Шайкевич 1995 — *Шайкевич А. Я.* Конкорданс к прозаическому тексту (к выходу в свет конкорданса к «Преступлению и наказанию») // Русистика сегодня. 1995. № 2. С. 5—30.

Шелепова, Чеснокова 2004 — *Шелепова Л. И., Чеснокова В. А.* Словари языка произведений В. М. Шукшина: история создания и принципы составления // В. М. Шукшин: взгляд из XXI века: тезисы докл. к VII Междунар. науч. конф. «В. М. Шукшин. Жизнь и творчество» (Барнаул, 23—26 июля 2004 г.). Барнаул, 2004. С. 35—38.

Шестакова 1999 — *Шестакова Л. Л.* Из истории авторской лексикографии: словари языка Пушкина // Вестник междунар. славян. ун-та. Сер. Филология. 1999. Т. 2. № 4. Харьков, 1999. С. 20—22.

Шестакова 2006 — *Шестакова Л. Л.* Стилистические пометы в словарях языка писателей // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 617—627.

Шестакова 2007 — *Шестакова Л. Л.* Авторская лексикография на рубеже веков // Вопросы языковедения. 2007. № 6. С. 116—129.

Шестакова 2011 — *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М., 2011.

Шестакова 2013 — *Шестакова Л. Л.* Вклад в историю писательской лексикографии: Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Баку: Мутарджим, 2012, 2013 // Русский язык и литература в Азербайджане. 2013. № 2. С. 78—80.

Шестакова 2014 — *Шестакова Л. Л.* Одно- и двусловные иноязычные включения в языке поэзии Серебряного века (по материалам «Словаря языка русской поэзии XX века») // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18—21 марта 2014 г.). Труды и материалы / сост.: М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. М., 2014. С. 282.

Шестакова, Кулева 2014 — *Шестакова Л. Л., Кулева А. С.* Имя собственное как тип иноязычных вкраплений в поэзии Серебряного века // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы IX Междунар. науч. конф. Майкоп, 2014. С. 309—312.

Шестакова, Кулева 2015 — *Шестакова Л. Л., Кулева А. С.* Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 1. С. 68—76.

Шестакова, Яковлева 2009 — *Шестакова Л. Л., Яковлева А. Ф.* Частотный словарь как средство интерпретации философского текста // Язык как медиатор между знанием и искусством: сб. докл. междунар. науч. семинара. М., 2009. С. 94—106.

Щербин 2013 — *Щербин В. К.* Система взаимодействий между авторскими и толковыми словарями как часть лексикографического мейнстрима // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 52—58.

Karpova 2011 — *Karpova O.* English Author Dictionaries (the XVIth — the XXIst cc.). Cambridge, 2011.

L. Shestakova. To the characterization of a modern Russian author's lexicography

The article focuses on the basic fields of research within modern Russian author's lexicography. Also, some topical issues connected with history, theory and methodology of this lexicography branch have been analyzed.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проектов № 14-04-№00354 «Лексикологическое исследование и словарное описание иноязычных слов в поэзии Серебряного века» и № 15-04-00434 «Лексикографическое представление современного русского языка».

К. В. Манерова*

Понятия «метаязык» и «идиолект» в немецкой авторской лексикографии

Ключевые слова: метаязык, идиолект, немецкий язык, авторский словарь, Лютеровский индекс, словари по произведениям И. Канта, словарь И.-В. Гёте.

В статье кратко представлено использование метаязыка лексикографии на примере применения помет в немецких авторских (исторических) словарях. Метаязык словарного описания включает универсальные средства для представления лингвистических объектов. Метаязыковая концепция авторских словарей в немецкой лексикографической традиции связана со способом фиксации идиолекта.

Метаязык представляет собой «язык о языке», что следует понимать как язык, служащий для описания фактов «себя» или другого языка (Ахманова 1966: 232) или как знаковую систему, служащую для описания или интерпретации другой знаковой системы. Метаязык входит в число функциональных или специальных языков (нем. Fachsprachen). В нашей статье мы кратко представим область использования данного типа знаковой системы в немецкой лексикографии на примере употребления метаязыковых помет в авторских (исторических) словарях. Метаязык словарного описания — сложная семиотическая система — может включать универсальные средства для описания

---

* Кристина Валерьевна Манерова – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: martinus2003@mail.ru

лингвистических объектов в двух и более языках, часто неродственных и в языках, стихии которых разделены целыми историческими эпохами.

В немецкой лингвистике метаязык понимают как знаковую систему «высшего порядка», используемую, в первую очередь, в науке, и, в частности, в лингвистике для описания языковых явлений и для формирования аппарата языковедческой терминологии, ср.: «M[etasprache]. ist z.B. die Muttersprache bei der Erklärung einer Fremd- oder Zweitsprache, die Definition eines sprachlichen Ausdrucks mit Hilfe anderer Ausdrücke, die grammatische und sprachtheoretische Terminologie» (Lewandowski 1994: 2, 709—710).

Метаязык является формализованной, но открытой системой, которая расширяется за счет включения в нее новых помет в виде знаков, формальных знаков, символов. Так, метаязык лексикографии может включать разные виды знаков: типичные слова-знаки, разнообразные аббревиатуры, условные символы, графические значки. В словарях метаязык лексикографического описания служит для полной характеристики леммы, определения слов и понятий, существующих в языке. В авторском словаре совокупность словоупотреблений определенного автора основывается только на полном корпусе текстов (тезаурус): «В словаре писателя, поэта ничего нельзя обходить, пропускать. В нем должен быть показан — со всем мастерством и опытом экспозиции — авторский стиль» (Ларин 1962: 3—7). Таким образом, задача авторского словаря — инвентаризация и систематизированное представление с максимальной полнотой лексического и фразеологического состава, особенностей морфологии и синтаксиса текстов отдельного автора (группы авторов) как отражающего сложившееся мировоззрение, личность и диалект ученого, писателя, поэта. Предполагается, что метаязык в словарях диалекта основывается на особой концепции (Волков, Манерова 2014: 13). Рассмотрим отдельные примеры метаязыковой концепции на примере двух типов немецких авторских словарей.

В немецкой традиции авторской лексикографии (нем. *Autorenlexikographie*) представлены два взгляда или два подхода к проблеме авторских словарей: типологический и узколексикографический или собственно метаязыковой. В рамках типологического подхода лексикографы занимаются разработкой общей типологии авторских словарей и используемых в них средств архитектоники языкового материала (напр.: *гlossарий, конкорданс, индекс, тезаурус*). В рамках метаязыкового подхода изучаются концепции авторских словарей, ключевые понятия которых — «метаязык» и «диалект». Макроструктура таких словарей ориентирована не на линейное развертывание текста автором или авторами, а на повторяемость отдельных лемм в контекстах. Согласно лексикографическому подходу через метаязык к диалекту, словарь призван отражать диалект автора через систему метаязыковых помет, ориентированных на исследование и описание концепции диалекта. Это второе направление активно разрабатывает в своих работах Герберт Эрнст Виганд (Wiegand 1984). В немецкой лексикографии для общесловарного направления существует термин «*Langue-Lexikographie*» для направления авторских словарей — «*Parole-Lexikographie*». Г.-Э. Виганд определяет авторскую лексикографию как часть общей лексикографии и отмечает тесную связь с исторической и текстовой лексикографией. Материалом общей лексикографии служит язык на уровне *langue* (в современной терминологии *type*), объектом исследования авторской лексикографии является язык на уровне *parole* (в современной терминологии *token*). Основой авторской лексикографии служит конкретный текст или корпус текстов, который, в свою очередь, является словотворческим продуктом установленного или не идентифицированного автора или авторов. Научный интерес к авторским текстам возникает в условиях определенного социально-исторического или историко-культурного контекста. Отличительной чертой авторской лексикографии, согласно Виганду, является не только отнесенность всего словарного материала, всех разрабатывае-

мых лемм к идиолекту автора, но и наличие в этом материале черт, которые можно анализировать и описывать, лишь учитывая влияние названного контекста. Исследователь приводит два основных типа авторских словарей:

- 1) словарь словоформ (нем. Formwörterbuch);
- 2) толковый авторский словарь (нем. Bedeutungswörterbuch).

В словарной статье словаря первого типа фиксируются лемма и ее словоформы, а в качестве примеров приводятся отрывки текста, где была указана лемма, в виде цельных сегментов или же составляется индекс словоформ с указанием места в источнике (нем. Belegstelle), т. е. конкорданс (нем. Belegtextwörterbuch). Этот тип словаря также называют документирующим словарем (нем. Dokumentationswörterbuch), он не содержит семантического или иного типа комментариев, пословно фиксирует исключительно вокабуляр автора, без анализа других уровней языка (напр. грамматики или же семантики). Если определять суть идиолекта в подобных словарях, то можно сказать, что идиолект это — совокупность всех высказываний и слов отдельного автора, индекс или же конкорданс с примерами из текста. Таким образом, можно сформулировать метаязыковую концепцию такого словаря: критерий выбора метаязыка в малой степени зависит от способа фиксации идиолекта.

Примером первого типа авторских словарей является Лютеровский индекс (Luther-Register), разработкой которого занимается Гейдельбергская академия наук совместно с университетом г. Тюбингена. Идея создания Индекса была озвучена в 1948 году Георгом Бухвальдом, составителем Веймарского 70-томного издания произведений реформатора. Индекс подготовлен на двух языках: латынь, на которой Лютер писал тексты, и немецкий — язык перевода лютеровской Библии. Эмпирический материал насчитывает более 3 млн. словоупотреблений. Цель создания названного Индекса составители видят в лексикографической фиксации письменного наследия автора, повлиявшего на становление нормы немецкого

языка. Как указывают сами разработчики, создание особого метаязыкового инструментария подобных словарей — важное обстоятельство для исследования исторического состояния национального языка в научных целях. Ср.: «Das Luther-Register soll für die verschiedenen wissenschaftlichen Interessen am Werk Martin Luthers ein lexikographisches Instrumentarium bereitstellen, das für die Erforschung der Reformationszeit als eines Brennpunktes der abendländischen Geschichte in kirchen- und theologiegeschichtlicher, aber auch in allgemeinhistorischer, geistes-, kultur- und sprachgeschichtlicher Hinsicht erforderlich ist» (Das Luther-Register)¹.

Заголовочное слово в статье Лютеровского Индекса — исходная лемма (нем. Stichwort) и ее орфографические варианты, что обусловлено отсутствием установленной нормы в немецком языке XVI века. Словарная статья содержит дефиницию (нем. Wortklärung) и первичную разработку семантических связей, но не содержит семантических или иного рода комментариев. В начале статьи приводятся произведения, в которых употребляется лемма, а также известные поговорки, устойчивые словосочетания, комментарии самого Лютера к словоупотреблению. Указаны ключевые слова для тематических разделов. В случае полисемантической леммы в словарной статье дается соответствующая филиация значений. Короткие цитаты или иллюстративный материал показывает словоупотребление леммы. В конце статьи приводятся указания на связи леммы с другими лексемами словаря (придаются лексико-семантические группы). Словарь Лютера, по замыслу разработчиков, должен представлять собой одновременно идеографический индекс,

¹ «Лютеровский индекс призван предоставить лексикографический инструментарий в научных целях, связанных с произведениями М. Лютера, необходимый для изучения эпохи Реформации как ключевого события в западноевропейской истории с позиции истории церкви и вероучения, общей истории, истории культуры и языка» — перевод авт.

составленный в рамках семасиологического подхода. Индекс содержит следующие тематические разделы, оформленные в виде отдельных изданий: библейские цитаты, цитирование других авторов, топонимы (вышел в 1986 г.), имена собственные (вышел в 1987 г.), обозначение объектов. Последний раздел охватывает не все реалии из произведений Лютера, а только те, которые передают содержательно-тематическую соотнесенность идиолекта религиозного реформатора.

Вернемся к названному выше лексикографическому подходу «через метаязык к идиолекту». Лютеровский Индекс, в силу своей специфики, предлагает лишь ограниченный набор метаязыковых помет. Но, используя метод селективной выборки, составители и одновременно разработчики концепции словаря могут интерпретировать идиолект, вокабуляр автора как семиотическую систему. Как пишет лексикограф Й. Маттауш, в рамках названного подхода идиолект отдельного автора является основой для дальнейшего изучения взаимосвязей, влияния культурных и других факторов, предпосылкой, необходимой для лучшего понимания текста, культурного кода эпохи и, следовательно, личности самого автора (Lewandowski 1994: 2, 1554).

Среди конкордансов в немецкой авторской лексикографии существуют издания, объединенные одной тематикой или же именем одного автора. В качестве примера можно привести словари, охватывающие вокабуляр философии И. Канта, изданные в разное время:

- 1797—1804: *Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie, oder Versuch einer fasslichen und vollständigen Erklärung der in Kants kritischen und dogmatischen Schriften erhaltenen Begriffe und Sätze.* Jena und Leipzig. 6 Bände.

- 1798: *Kunstsprache der kritischen Philosophie oder Sammlung aller Kunstwörter derselben, mit Kants eigenen Erklärungen, Beyspielen, Erläuterungen von Georg Samuel Albert Mellin.* Jena, Leipzig.

- 1798: Schmid, Carl. *Wörterbuch zum leichten Gebrauch der kantischen Schriften,* Jena.

- 1929: Rathke, Heinrich. *Systematisches Handlexikon zu Kants Kritik der reinen Vernunft.* Hamburg.

- 1930: *Kants Lexikon* von Rudolf Eisler. Wien.

В последнем из указанных изданий, в энциклопедии, составленной Рудольфом Айслером, основным языком отражения идиолекта И. Канта является немецкий, встречаются ранние работы на латыни, цитируются произведения других авторов на древнегреческом, английском, французском. Идеографическая дифференциация идиолекта проявляется в том, что основная масса лемм принадлежит вокабуляру философии. Встречаются термины и лексика из области механики, геологии, метеорологии, биологии, антропологии, психологии, теологии. В качестве примера приведем словарную статью с леммой *Beurteilung* (суждение):

Beurteilung. Die Maxime der «Beurteilung» ist verschieden von einer theoretischen «Behauptung». Etwas als zweckmäßig oder nach Analogie von Zwecktätigkeit u. dgl. beurteilen heißt noch nicht, wirkliche Absicht u. dgl. den Dingen zuschreiben, Rel. 2. St, 2. Abs. letzte Anm. (IV 101). Das Prinzip der Beurteilung gibt für sich keine Einsicht in die «Erzeugung» der Naturzwecke (Organismen), welche auf kausalmechanische Weise jedenfalls versucht werden muß, KU § 80 (II 285). Die teleologische «Beurteilung» der Erscheinungen ist noch keine Erklärung oder Ableitung derselben, ibid. §§ 61, 66 (II 223 u. 239 ff.). Vgl. *Urteilkraft, Zweck, Ästhetik, Analogie.* (URL: <http://www.textlog.de/32264.html>, дата обращения 03.03.2015)

Другой тип авторского словаря — толковый, согласно названной выше типологии Г.-Э. Виганда, содержит, помимо индексов и конкорданса, разветвленный семантический и иной комментарий и систему метаязыковых помет. Метаязыковая концепция толкового авторского словаря подразумевает прямую зависимость выбора системы метаязыковых помет от

способа фиксации идиолекта автора в словаре. Определение, данное идиолекту Гёраном Хаммарстрёмом, подходит для концепции авторского толкового словаря, разрабатываемого в рамках метаязыкового подхода: «Идиолект — язык отдельного индивидуума. Он охватывает не только языковую систему, но и знания, благодаря которым индивидуум порождает высказывания, а также и сами высказывания» (Hammarström 1980: 429). По мнению немецкого лексиколога Торстена Рёльке, авторский толковый словарь не заменяет интерпретацию текста произведения пользователем (читателем), но является вспомогательным средством для подобной интерпретации благодаря описанию отдельных значений и их структурированию в словарной статье. Таким образом, пользователь (читатель) знакомится с вокабуляром автора через материал, описанный, истолкованный и прокомментированный лексикографом (Roelcke 1994: 14). В подобных авторских словарях в статьях приводятся не только леммы и их дефиниции, но и те интерлингвистические и экстралингвистические сведения, которые могут облегчить и разнообразить герменевтическое толкование текстов. Т. Рёльке приводит типы выборки материала для авторских словарей-тезаурусов:

1. Полная выборка из всего идиолекта.
2. Выборка из отдельно взятых текстов автора, которые коллектив составителей считает важными.
3. Выборка их текстов определенного периода — цензур времени.
4. Выборка по тематическим областям идиолекта (напр., философия).

В качестве примера толкового авторского словаря можно привести масштабный проект многотомного словаря И.-В. фон Гёте (Das Goethe Wörterbuch; Wörterbuchportal www.woerterbuchportal.de), результат совместной работы трех академий: Берлин-Бранденбургской, Гейдельбергской и Геттингенской (общим количеством 92 тыс. лемм). Составление словаря начал в

1898 году Отто Пниовер, выбравший 38 000 лемм из произведений Гёте. После смерти Пниовера, проект составления словаря продолжил Конрад Бурдах, член прусской Академии наук и Юлиус Петерсен, оба по образованию германисты. Затем проектом руководил Вольфганг Шадевальд, классик и литературовед, благодаря чьим усилиям словарь получил новую лексикографическую основу — концепцию полного толкового тезауруса. В. Шадевальд опирался на концепцию словаря *Thesaurus lingua latinae*, как на образец: так, краткие комментарии к леммам он считал для словаря идиолекта Гёте идеальной моделью. В. Шадевальд придерживался принципа «Гёте из Гёте», понимая по этим богатое представление обширного словарного материала и минимум лексикографической и метаязыковой интерпретации. В центре антропоцентрической концепции толкового словаря в версии Шадевальда находилась разработка идеологически значимых слов — основы идиолекта Гёте — таких как *Gott, Natur, Geist, Leben, Liebe* и других, одним словом, денотатов, имеющих в авторской картине мира Гёте преимущественное значение. Именно эти леммы потребуют тщательной разработки, писал В. Шадевальд, а остальные слова будут представлены в краткой словарной статье с минимумом метаязыковых помет. Проект развивался, и вскоре в некоторых городах (Гамбург, Гейдельберг) были созданы рабочие коллективы. Ведущие группы разработчиков находились в Берлине и Лейпциге. Об объеме запланированной работы может свидетельствовать и тот факт, что в Гамбурге лексикографически разработано эпистолярное наследие Гёте, отдельно изданы словари по произведению „*Götz von Berlichingen*“ (авторы Ал-Глюк, Ютта Нойендорф, год издания 1966), „*Die Leiden des jungen Werthers*“ (автора Эрн Меркер, год издания 1966).

Работа ведется и сейчас, ее результатом является электронная версия словаря Гёте на портале университета г. Трир (Das Goethe-Wörterbuch <http://gwb.uni-trier.de/de/>). Современный словарь Гёте призван отобразить все компоненты идиолекта

немецкого поэта в соответствии с критерием сплошной выборки. Этот словарь уникален тем, что в нем описан и истолкован идиолект не только поэта и писателя Гёте, но и разностороннего ученого, автора работ в области анатомии, химии, ботаники, геологии, минералогии, оптики; учтена специальная лексика, диалектальные, региональные, разговорные лексемы, гапаксы. Кроме этого, на примере презентации идиолекта Гёте в словаре представлен и вокабуляр просвещенной Германии эпохи конца XVIII—начала XIX веков.

Словарная статья включает полное семантическое описание леммы, приводятся разные типы комментариев (культурно-исторический, терминологический, грамматический), подробная филиация значений в случае полисемии. При ранжировании очередности ввода словоформ учтен цензус времени лексем (хронологическая отнесенность): указаны случаи более раннего или более позднего употребления слов у Гёте. Приводится дистрибуция слова, подробно разработаны словообразовательные гнезда и семантические связи леммы (Vernetzung). Метаязыковые средства в концепции словаря Гёте разработаны с учетом названных особенностей. Приведем лишь некоторые из них на примере словарной статьи «Erz».

- Указание орфографической вариативности, например «einmal», «vereinzelt»:

Erz einmal -tz, vereinzelt -zt

- Стилистическая характеристика:

1. *metallhaltiges Mineral, auch für das abgebaute (Roh-) Metall; einmal im bildhaften Vergl*

- Иллюстративный материал, точное указание на источник, например: «Faust I 1731»

2.a *als charakterist, sich von anderen unterscheidende (elementare) Substanz; auch im Vergl [Faust zu Meph bezügl des Paktabschlusses:] Was willst du böser Geist von mir? | E., Marmor, Pergament, Papier? | Soll ich mit Griffel, Meißel, Feder schreiben? Faust I 1731*

- Сочетаемость, например, «mehrf»:

mehrf 'in E. gießen', auch 'in E. graben, prägen, schreiben'

- Дистрибутивное окружение, например, «iZshg» :

iZshg mit der Technik des Glockengusses der Glockengießer sah mit Verwunderung sein tönendes E. in bedeutende Gestalten verwandelt 44,340,20 CellAnh X Florentin Zustände

- Переносное значение, например, «metonym für» :

metonym für Metallgegenstände od -teile (Waffen, Musikinstrumente ua) ehrwürdig .. erscheint .. | Jener, der nahe bedrängt von Schand' und Jammer, entschlossen | Selber die Schärfe des E-es zum zarten Leibe gewendet Achilleis 53

- Семантические связи, например, «Syn zu» :

Syn zu 1 Erzart zu 2 Bronze Metall

В заключение можно отметить, что метаязыковая концепция авторских словарей в немецкой лексикографической традиции связана со способом фиксации идиолекта: в словарях словоформ критерий выбора метаязыка мало зависит от способа фиксации идиолекта. В свою очередь метаязыковая концепция толкового авторского словаря подразумевает прямую зависимость выбора системы метаязыковых помет от способа фиксации идиолекта автора в словаре.

Библиография

Словари

Das Goethe-Wörterbuch — Das Goethe-Wörterbuch. URL: <http://www.gwb.uni-trier.de/> Das Goethe Wörterbuch

Das Luther-Register — Das Luther-Register. URL: <http://www.uni-heidelberg.de/institute/sonst/adw/luther>

Encyclopädisches Wörterbuch 1797—1804 — Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie, oder Versuch einer fasslichen und vollständigen Erklärung der in Kants kritischen und dogmatischen Schriften erhaltenen Begriffe und Sätze. 6 Bände. Jena; Leipzig, 1797—1804.

Eisler 1930 — *Eisler R.* Kants Lexikon von Rudolf Eisler. Wien. 1930. URL: <http://www.textlog.de/31952.html>

Lewandowski 1994 — *Lewandowski Th.* Linguistisches Wörterbuch 2. 6. Auflage. Heidelberg; Wiesbaden, 1994.

Mellin 1798 — *Mellin G. S.* Kunstsprache der kritischen Philosophie oder Sammlung aller Kunstwörter derselben, mit Kants eigenen Erklärungen, Beyspielen, Erläuterungen von Georg Samuel Albert Mellin. Jena; Leipzig, 1798.

Rathke 1929 — *Rathke H.* Systematisches Handlexikon zu Kants Kritik der reinen Vernunft. Hamburg, 1929.

Schmid 1798 — *Schmid C.* Wörterbuch zum leichten Gebrauch der kantischen Schriften. Jena, 1798.

Wörterbuchportal—Wörterbuchportal. URL: http://www.wjerterbuchportal.de/woebus_allt/Woebu25/InhaltAnzeigen?fileurl=http://www.woerterbuch-portal.de/woebus_alle/Woebu25/Konzeption_und_Ziel

Научная литература

Ахманова 1966 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Волков, Манерова 2014 — *Волков С. С., Манерова К. В.* К проблеме создания авторского словаря нового типа // *Филологос*. Выпуск 23 (4). Елец, 2014. С. 12—23.

Ларин 1962 — *Ларин Б. А.* Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // *Словоупотребление и стиль М. Горького*. Л., 1962. С. 3—7.

Якобсон 1975 — *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»*. М., 1975. С. 193—230.

Hammarström 1980 — *Hammarström G.* Idiolekt // *Lexikon der Germanistischen Linguistik* / Hrsg. von H. P. Althaus, H. Henne, H. E. Wiegand. 2., vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen, 1980. S. 428—433.

Mattausch 1990 — *Mattausch J.* Das Autoren-Bedeutungswörterbuch // *Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie.* / Hrsg. von Fr. J. Hausmann, O. Reichmann, H. E. Wiegand und L. Zgusta. 2. Teilband. Berlin, New York: de Gruyter, 1990 (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 5.2). S. 1549—1562.

Roelcke 1994 — *Roelcke Th.* Individualsprache und Autorenlexikographie // *Lexicographica*. 10. 1994. S. 1—20.

Wiegand 1984 — *Wiegand H. E.* Prinzipien und Methoden historischer Lexikographie // *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung* / Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann und St. Sonderegger. 1. Halbband. Berlin; New York, 1984 (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2. 1). S. 557—620.

K. Manerova. Concepts “metalanguage” and “idiolect” in German author’s lexicography

The paper concerns the application of the metalanguage in lexicography by the example of metalanguage labels in German author’s (historical) dictionaries. The metalanguage in the lexicographical description includes universal means for the description of linguistic objects in the language; the metalanguage concept of the German author’s dictionaries depends on the way of the idiolect exposition.

К. А. Филиппов*

Наблюдения над метаязыком концептуальных грамматических текстов¹ эпохи немецкого Просвещения

Ключевые слова: научный дискурс XVIII века, немецкий язык, грамматика, метаязык, терминология, научный стиль, Готшед, Аделунг.

В статье рассматриваются некоторые характерные черты метаязыка грамматики И. К. Готшета «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» (1748) и И. К. Аделунга «Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache» (1782). На примере этих концептуальных грамматических текстов можно увидеть действие основополагающих тенденций эпохи Просвещения в Германии. Ориентация на рациональное объяснение грамматических фактов, четкая авторская позиция, разнообразные подходы к описанию структуры и правил функционирования немецкого литературного языка отражают общие тенденции развития научной ситуации в Германии XVIII века. Отдавая несомненный приоритет немецкому языку, авторы также умело пользуются терминологическим арсеналом латинского и других европейских языков для доступного изложения своей концепции.

* Константин Анатольевич Филиппов — доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: k-fili@mail.ru

¹ В основе словосочетания *концептуальные грамматические тексты* лежит понимание прилагательного *концептуальный*, принятое в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой как «имеющий серьезную самостоятельную концепцию» (Ожегов, Шведова 1999: 293). Иными словами, предметом исследования данной статьи выступают грамматические тексты XVIII века, имеющие серьезную самостоятельную концепцию.

В современной лингвистике разграничение понятий метаязыка (как языка «второго порядка») и языка-объекта (как предмета языковедческого исследования) признается необходимой предпосылкой успешного научного описания естественного языка. При этом в качестве метаязыка может использоваться естественный (обычный, разговорный) язык или же формализованный язык. Метаязык должен содержать, во-первых, имена всех выражений языка объекта и, во-вторых, выражения для различных синтаксических и семантических характеристик языка-объекта, т. е. быть логически более богатым, чем язык-объект (Философский словарь 1991: 258).

По мнению И. В. Арнольд, «в метаязык лингвистики входят терминология, общенаучная лексика, свойственная научной литературе вообще в любой области знания, буквенная символика и графика. Графический метаязык включает таблицы, схемы, графики, графы, матрицы и т. п. Графические средства имеют вспомогательный характер и должны сочетаться с вербальными» (Арнольд 1991: 84). Совершенно справедливо И. В. Арнольд на первое место среди метаязыковых средств определяет терминологию, которая не только играет исключительно важную роль в формировании строгой научной концепции автора, но и выступает определяющим звеном в понимании читателем излагаемого содержания.

При этом нужно помнить, что «в языкознании системы понятий, закрепленные в соответствующем метаязыке, обнаруживают определенную методологическую ориентацию, т. е. оказываются методологически обусловленными. При рассмотрении научных дефиниций могут быть выявлены различия в трактовке, казалось бы, одного и того же термина, который по-разному осмысливается в соответствии с философскими (методологическими) основами данного направления исследования» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 297). Это положение необходимо постоянно иметь в виду в исследованиях сопоставительного характера, когда материалом научного анализа выступают метаязыковые

особенности концептуальных лингвистических (в нашем случае грамматических) текстов.

Материалом для настоящих наблюдений над метаязыком немецких грамматических текстов XVIII века послужили два немецких грамматических текста, сыгравших исключительно важную роль в становлении немецкой грамматической теории и вошедших в золотой фонд немецкого научного дискурса XVIII века. Авторами этих грамматических концепций выступили два выдающихся немецких просветителя XVIII века — Иоганн Кристоф Готшед (1700—1766) и Иоганн Кристоф Аделунг (1732—1806). Учебники по грамматике немецкого языка И. К. Готшеда *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst* (1748) и И. К. Аделунга *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache* (1782) определили направления дальнейшего развития грамматической науки в Германии XVIII века. Ориентация на разумное объяснение фактов действительности, в том числе и языковых феноменов, характерное для научного творчества ученых эпохи Просвещения, четко представлена также в грамматических трудах Готшеда и Аделунга.

В своей грамматике *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst* Готшед неоднократно апеллирует к разуму и мыслительным способностям человека при объяснении самых разных грамматических категорий. В этой связи показателен фрагмент из § 1 первой главы второй части учебника (*II. Theil. Die Wortforschung. Das I Hauptstück. Von den verschiedenen Gattungen und Arten deutscher Wörter*): «Слова любого языка — это знаки мыслей и поэтому в речи и письме они занимают их место. Таким образом, сколь много у нас мыслей, столь много слов должно быть в каждом языке для того, чтобы благодаря им всё, о чем мы думаем, можно было

выразить и сделать доступным пониманию. Если бы в языке отсутствовал хотя бы один класс слов, то невозможно было бы понятно донести свое мнение другим людям в повседневном общении, и тем более преподнести его в науках» <перевод здесь и далее мой — К. Ф.>².

Похожую точку зрения высказывает Аделунг во Введении к своему учебнику *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache*: «Грамматика присуща разумному и научному сообщению в той же степени, что любая другая наука, и обязанность любого учителя грамматики — дать всем понятиям в языке высшую, насколько это возможно, степень определенности и разъяснить начала всех явлений, насколько это позволяет природа вещей»³.

В данном случае оба автора продолжают традицию своих просвещенных предшественников — Готфрида Вильгельма Лейбница и Христиана фон Вольфа, которые запомнились не

² *Die Wörter einer jeden Sprache sind die Zeichen der Gedanken; und vertreten daher im Sprechen und Schreiben ihre Stelle. So vielerley Gedanken wir also haben können, so vielerley Wörter muß auch jede Sprache haben; damit man durch sie, alles, was man denket, ausdrücken und zu verstehen geben könne. Sollte es an einer Classe derselben fehlen: so würde die Sprache nicht zulänglich seyn, im täglichen Umgange, andern Menschen, seine Meynung hinreichend zu erklären, geschweige dann Wissenschaften vorzutragen* (Gottsched 1752: 145).

³ *Die Sprachlehre ist des vernünftigen und wissenschaftlichen Vortrages eben so sehr fähig als eine jede andere Lehre, und es ist die Pflicht eines jeden Sprachlehrers, allen Begriffen in der Sprache den höchsten nur möglichen Grad der Deutlichkeit zu geben und die Gründe aller Erscheinungen aufzusuchen, als die Natur der Sache es verstatet* (Adelung 1782, Bd 1: S. 116).

только своими выдающимися трудами в области естественных и гуманитарных наук, но и яркими высказываниями в пользу рационального подхода к интерпретации природных и общественных феноменов. Выразительная метафора Лейбница «Язык — зеркало разума» (*ein Spiegel des Verstandes*) (Leibniz 1983: 5) упоминается практически во всех справочниках по языкознанию XVIII века. Менее известная, но не менее колоритная фраза Вольфа «Разуму нельзя приказать» (*Der Verstand lässt sich nicht befehlen*) (Wolff 1733: 130) также достойна включения в список самых известных афоризмов эпохи немецкого Просвещения.

Классическое понимание грамматики как составной части семи свободных искусств, характерное для большинства грамматистов XVIII века, свойственно взглядам Готшета и Аделунга. Так, в самом начале Введения к грамматике *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst* Готшед считает необходимым подчеркнуть, что «грамматика с древнейших времен причисляется к семи свободным искусствам» (*Die Sprachkunst ist von den ältesten Zeiten her unter die sieben freyen Künste gezählet worden*) (Gottsched 1752: 2).

Позднее в самом начале своей «Академической риторики» (*Akademische Redekunst*), увидевшей свет в 1759 году, Готшед излагает свое понимание связи между грамматикой и риторикой, прибегая к выразительному сравнению: «§ 1. Красноречие предполагает наличие речи; но не речи посредством рук или манеры поведения, а речи посредством уст, в сопровождении отчетливых и приятных тонов. § 2. Поэтому искусство говорить и искусство произносить речь различаются, как различаются между собой грамматика и риторика. Первым искусством обладает любой человек, не являющийся немым: вторым — только тот, кто научился ему благодаря правилам и упражнениям. Это так же, как умение ходить и умение танцевать»⁴.

⁴ § 1. Die Beredsamkeit setzt eine Sprache voraus; und zwar, keine Sprache mit Händen und Gebärden, sondern mit dem Munde, in deutlichen

Аделунг в свою очередь считает своим долгом подчеркнуть принадлежность грамматики к свободным искусствам: «Грамматика издавна причисляется к свободным искусствам, т. е. к тем искусствам, которыми могли заниматься свободные лица...»⁵. Подобно Готшеду Аделунг рассматривает грамматику в неразрывной связи с риторикой и логикой: «Соответственно, языковые правила — это общие предписания, согласно которым следует образовывать, произносить, изменять, соединять и писать слова какого-либо языка. Совокупность правил составляет грамматику (или учение о языке), которая по этой причине занимается всего лишь правильностью выражений, в то время как предметом логики выступает истина, а украшение выражений относится к области риторики»⁶.

При описании характерных черт метаязыка грамматических текстов Готшета и Аделунга необходимо учитывать то обстоятельство, что вплоть до середины XVIII века значительная часть научной литературы в Германии публиковалась на латинском языке. По этой причине авторам учебников по грамматике немецкого языка приходилось прибегать как к немецким словарным ресурсам, так и к традиционной латинской терминологии. Следование

und vornehmlichen Tönen. § 2. Indessen ist sprechen und reden zweyerley; so wie die Sprachkunst und Redekunst unterschieden sind. Das erste kann jeder, der nicht stumm ist: das zweyte nur der, so es durch Regeln und Uebung gelernet hat. Es ist somit, die mit dem Gehen und Tanzen (Gottsched 1759: 3).

⁵ Die Sprachkunst ist von Alters her zu den freyen Künsten gerechnet werden, d.i. zu denjenigen Künsten, welche von den freyen Personen geübet werden konnten... (Adelung 1782, Bd 1: 114).

⁶ Sprachregeln sind demnach allgemeine Vorschriften, nach welchen die Wörter einer Sprache gebildet, gesprochen, gebeuget, verbunden und geschrieben werden. Ihr Inbegriff macht die Grammatik oder Sprachlehre aus, welche sich daher bloß mit der Richtigkeit der Ausdrücke beschäftigt, so wie ihre Wahrheit ein Gegenstand der Logik ist, und ihr Schmuck in das Gebieth der Redekunst gehöret)(Adelung 1782, Bd 1: 91).

латинской традиции в композиции, определении номенклатуры частей речи, интерпретации грамматических понятий, описании грамматических форм и т. п. характерно для многих учебников по грамматике того времени.

В подзаголовке учебника Готшеда *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst* представлен концептуальный подход автора к пониманию немецкой грамматики. Согласно Готшеду, «грамматика вообще — это обоснованные указания, как следует правильно и изящно говорить и писать на языке какого-либо народа, в соответствии с его лучшим диалектом и в согласии с лучшими писателями»⁷. По мнению видного специалиста в области теории немецкого языка Л. Айхингера, основу грамматики Готшеда составляет «правильный разумный язык образованных людей» (*die gebildete, geregelte Sprache der Vernunft*) (Eichinger 2008: 248).

Аделунг как грамматист считается, с одной стороны, продолжателем традиций Готшеда, а с другой стороны, новатором, стремившимся вывести грамматическое описание на новую ступень развития. В подзаголовке учебника *Umständliches Gebäude der Deutschen Sprache* (1782) Аделунг специально определяет адресную направленность грамматики «Для объяснения немецкой грамматики в школах» (*Zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen*). Работа для школы, т. е. в целях просвещения населения, составляла важную часть грамматических трудов Аделунга⁸. При этом определяя граммати-

⁷ *Eine Sprachkunst überhaupt ist eine gegründete Anweisung, wie man die Sprache eines gewissen Volkes, nach der besten Mundart desselben, und nach der Einstimmung seiner besten Schriftsteller, richtig und zierlich, sowohl reden, als schreiben solle* (Gottsched 1752: 37).

⁸ В подтверждение этой мысли приведем названия нескольких трудов Аделунга (и не только по немецкой грамматике). Ср.: *Unterweisung in den vornehmsten Künsten und Wissenschaften zum Nutzen der niedrigen Schulen* (1771); *Kurzer Begriff menschlichen Fertigkeiten und Kenntnisse*,

ку как свод правил, «согласно которым следует образовывать, произносить, изменять, соединять и писать слова какого-либо языка» (см. цитату выше), Аделунг ставит грамматику в один ряд с другими науками гуманитарного направления.

Выше мы уже указывали на то, что основу метаязыка лингвистического описания составляет терминология. По этому поводу в грамматических концепциях Готшеда и Аделунга наличествует существенная разница.

В своем подходе к выбору терминов для описания того или иного грамматического явления И. К. Готшед ориентируется прежде всего на немецкий язык, понятный его современникам. В предисловии к первому изданию учебника Готшед пишет: «По поводу немецких терминов я должен заметить еще следующее. Поскольку моя книга предназначена немцам, а в особенности молодым людям, которые не всегда учили латинскую грамматику, в особенности если они посвятили себя солдатскому делу, ремеслу писца, торговле и сельской жизни, то я не посчитал себя вправе пользоваться исключительно латинскими терминами. Обо всех этих [словах] подобные новички не имеют ни малейшего понятия, однако они заучивают их наизусть по необходимости, как монахиня учит псалтырь: тогда как благодаря немецким названиям они напротив сразу получают некоторое понимание о предмете» <перевод здесь и далее мой — К. Ф.> (Gottsched 1752: Vorrede der ersten Auflage)⁹.

so fern sie auf Erwerbung des Unterhalts, auf Vergnügen, und auf Regierung der Gesellschaften abzielen Für Realschulen und das bürgerliche Leben. (1778—1881, 2. Aufl. 1783—1789); *Deutsche Sprachlehre. Zum Gebrauche der Schulen in den Königlich Preussischen Landen* (1781); *Auszug aus der Deutschen Sprachlehre für Schulen* (1781); *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, Zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen* (1782)» <выделение моё — К. Ф.>.

⁹ *Wegen der deutschen Kunstwörter muß ich noch etwas erinnern. Da ich mein Buch den Deutschen, und sonderlich der Jugend, zu gut abgefasst, die nicht allezeit die lateinische Grammatik gelernt hat; sonderlich wenn*

Решение дилеммы выбора между немецким названием и традиционным латинским термином Готшед видит в обращении к грамматическим трудам предшествующих поколений немецких грамматистов: «К счастью, моими предшественниками были наши старые учителя грамматики, которые приложили немало усилий для такого изложения своих правил, чтобы они были бы понятны простому немецкому читателю. И что же может быть удивительнее требования, чтобы немец сначала овладел латинской или французской грамматикой, прежде чем научиться правильно говорить и писать на родном языке? Но среди всех грамматических терминов наших предшественников я выбрал, по моему разумению, самые лучшие, самые удобные, самые подходящие для обычного общения»¹⁰.

В своем решении терминологического вопроса Аделунг, на мой взгляд, занимает более рациональную позицию по сравнению с подходом Готшеда. В предисловии к учебнику *Umständliches Gebäude der Deutschen Sprache* Аделунг пишет: «Я уже много раз сетовал на то, что почти все наши прежние

---

sie sich dem Soldatenstande, der Schreiberey, dem Handel und Landleben widmet: so habe ich es für unbillig gehalten, mich lauter lateinischer Kunstwörter zu bedienen. Von allen denselben haben solche Anfänger nicht den geringsten Begriff, sondern lernen sie zur Noth auswendig, wie die Nonne den Psalter: da sie hingegen durch deutsche Benennungen sogleich einigen Verstand von der Sache bekommen (Gottsched 1752: Vorrede der ersten Auflage).

¹⁰ *Zu allem Glücke hatte ich auch schon unsere alten Sprachlehrer zu Vorgängern, welche sich um die Wette bemühet haben, ihre Regeln so vorzutragen, daß sie auch einem bloß deutschen Leser verständlich seyn möchten. Und was kann in der That wunderlicher seyn, als zu fordern: daß ein Deutscher erst eine lateinische, oder französische Grammatik können müsse, ehe er seine Muttersprache recht richtig reden und schreiben lernen kann? Ich habe aber unter allen grammatischen Kunstwörtern unserer Alten, nach meinem Bedünken, die besten, bequemsten, und der gemeinen Art zu reden gemäßesten erwählet (Ibid.).*

немецкие грамматики являются копиями латинских грамматик, в которых сохранены все принятые там понятия и рубрики. Поэтому я должен был отойти от них настолько далеко, насколько этого требовала природа немецкого языка и ясность понятий, — моё первое и самое важное намерение; там же, где эта необходимость отсутствовала, я следовал обычному ходу вещей. Новшества ради новшеств я никогда не любил. Если предлагаемое новое не имеет неоспоримо существенных преимуществ перед старым, и эти преимущества одновременно недостаточны, чтобы уравновесить неприятное чувство от непривычного [понятия], то лучше уж остаться со старым [понятием]. Новаторский зуд точно так же достоин осуждения, как упрямая приверженность к старому, даже если новое обладает неоспоримыми и значительными преимуществами перед старым»¹¹.

Такой взвешенный подход, в основу которого Аделунг положил, с одной стороны, «ПРИРОДУ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА» и «ЯСНОСТЬ ПОНЯТИЙ», с другой стороны (см. цитату выше), обусловил чисто практическое решение вопроса об использовании немецкого или латинского термина для обозначения того или иного грамматического явления. Основываясь на приведенных

---

¹¹ *Ich habe bereits mehrmals geklaget, daß fast alle unsere bisherige Deutsche Sprachlehren Copien der Lateinischen sind, wo man die dort üblichen Begriffe und Rubriken beybehalten hat. Ich habe mich daher so oft von ihnen entfernen müssen, als die Natur der Deutschen Sprache, und die Deutlichkeit der Begriffe, meine erste und wichtigste Absicht, es erforderte; wo aber diese Nothwendigkeit nicht vorhanden, da bin ich ihrem gewöhnlichen Gange gern gefolget. Neuerungen, als bloße Neuerungen habe ich nie geliebt. Wenn das Neue, welches man aufstellet, nicht unleugbare wesentliche Vorzüge vor dem Alten hat, und diese Vorzüge nicht zugleich so wichtig sind, daß sie das Unangenehme des Ungewohnten mi aufwiegen: so lasse man es doch lieber bey dem Alten. Der Neuerungskitzel ist eben so tadelhaft als die hartnäckige Anhänglichkeit an dem Alten, wenn das Neue unstreitige und überwiegende Vorzüge vor demselben hat (Adelung 1782: Bd. 1, XI).*

выше положениях, Аделунг пишет: «Именно по этой причине я сохранил все принятые до сих пор латинские термины, поскольку не сумел заменить их бесспорно лучшими. Почти все немецкие грамматисты считали одной из своих первых обязанностей придумать и ввести [в обиход] немецкие термины; но так как имя существительное, видимо, было единственной частью речи, которому они сумели дать правильное определение, то можно себе легко представить, какими должны были получиться их термины. Хороший термин должен содержать правильное исчерпывающее понятие о вещи, должен быть понятным и при этом не оскорблять ни языковую практику, ни вкус и благозвучие. Среди невероятного множества старых и новых грамматических терминов я едва отыскал дюжину слов, обладающих этими свойствами, и их я с готовностью принял. Во всех иных случаях я сохранил старые латинские, пусть даже неудобные, термины, так как они всем хорошо известны, об их словесном содержании очень редко задумываются и поэтому любое понятие связывается с ними без особого труда¹².

¹² *Um eben deßwillen habe ich auch die bisher üblichen Lateinischen Kunstwörter beybehalten, so oft ich sie nicht mit unleugbar bessern ersetzen wußte. Fast alle Deutsche Sprachlehrer haben es für eine der ersten ihrer Pflichten gehalten, Deutsche Kunstwörter auszusinnen und einzuführen; allein, da das Substantivum bey nahe der einige Redetheil war, welchen sie richtig zu definieren wußten, so kann man sich leicht vorstellen, wie ihre Kunstwörter gerathen seyn müssen. Ein gutes Kunstwort muß den richtigen Begriff der Sache erschöpfen, leicht verständlich seyn, und dabey weder den Sprachgebrauch, noch den Geschmack und Wohllaut beleidigen. Unter den ungeheuern Menge alter und neuer grammatischer Kunstwörter habe ich kaum ein Dutzend gefunden, welche diese Eigenschaften an sich haben, und diese habe ich willig aufgenommen. In allen übrigen Fällen habe ich die alten Lateinischen, so unschicklich sie auch seyn mögen, behalten, weil sie einmahl allgemein bekannt sind, man an ihren Wortverstand selten mehr denkt, und daher jeden Begriff ohne viele Mühe mit ihnen verbinden kann (Adelung 1782: Bd. 1, XII).*

Стремление Готшеда к использованию исключительно немецкой терминологии прослеживается, прежде всего, в названиях введения (*Grundriß einer deutschen Sprachkunst*) и его разделов (1. *Von der Sprachkunst überhaupt*, 2. *Von der Vollkommenheit einer Sprache überhaupt*, 3. *Von der Abtheilung der Sprachlehre*), а также в наименованиях четырех частей грамматики, предваряющих изложение соответствующего грамматического материала в тексте учебника (*Der deutschen Sprachkunst I. Theil. Die Rechtschreibung; Der deutschen Sprachkunst II. Theil. Die Wortbildung; Der deutschen Sprachkunst III. Theil. Die Wortfügung; Der deutschen Sprachkunst IV. Theil. Die Tonmessung*).

Похожая картина наблюдается в подходе Аделунга к наименованию введения (*Über Sprache, Deutsche Sprache und Sprachlehre*), четырех разделов введения (*Von der Sprache überhaupt; Geschichte der Deutschen Sprache; Deutsche Mundarten; Deutsche Sprachlehre*), а также в названиях двух частей грамматики (*Erster Theil. Von der Fertigkeit richtig zu reden; Zweiter Theil. Von der Fertigkeit richtig zu schreiben oder von der Orthographie*), хотя в последнем случае соответственно заявленной позиции автор использует для уточнения также хорошо известный латинский термин *Orthographie*.

Что касается названий отдельных глав, то в этом случае в учебнике Готшеда наблюдается более пестрая картина по сравнению с названиями введения и четырех частей грамматики. Как правило, при наименовании более мелких частей грамматики (глав) Готшед пользуется немецким лексическим запасом; ср. примеры из разных частей учебника: *Von den deutschen Buchstaben und ihrem Laute; Von verschiedenen Gattungen und Arten deutscher Wörter; Von Fügung der Geschlechtswörter; Von den gewöhnlichen Versarten der Deutschen*. Однако в некоторых случаях автор считает необходимым прибегнуть как к немецкой, так и к латинской терминологии; ср.: *Von den Abänderungen (Declinationibus) der Hauptwörter; Von den Zeitwörtern (Verbis), ihren Gattungen, Arten und Abwandlungen; Von Fügung der*

Hauptwörter und Beywörter (Syntaxis Nominum). Таким образом, несмотря на очевидное стремление к использованию исключительно немецкой терминологии, Готшед в чисто дидактических целях не отказывается от латинских терминов. При этом в зависимости от конкретных задач ученый применяет различные способы сочетания традиционных латинских терминов и немецких наименований.

Что касается основного текста учебника, то, например, во введении *Grundriß einer deutschen Sprachkunst*, Готшед, как правило, избегает иноязычных терминов, помещая пояснения терминологического плана в многочисленные сноски по ходу изложения своей позиции. И только в последнем разделе введения можно встретить фрагменты основного текста, в которых для объяснения грамматических понятий автор использует два наименования: сначала приводится иноязычное (как правило, латинское) наименование, за которым следует немецкое.

Наглядным примером такого положения дел может служить третий раздел Введения (*III Abschnitt. Von der Abtheilung der Sprachlehre*), в котором Готшед объясняет причины, по которым он выделяет в учебнике четыре части: орфографию, этимологию, синтаксис и просодию. Сочетание латинского и немецкого терминов, обозначающих части грамматики, мы встречаем в §§ 1, 3, 4, 5 раздела, причем каждый из параграфов завершается одной и той же формулой, ср.:

— § 1 «Dieser machet billig den ersten Theil derselben aus, und wird griechisch die **Orthographie**, deutsch die **Rechtschreibung**, genennet» (Gottsched 1752: 20);

— § 3 «Diesen Unterschied und diese Verwandtschaft der Wörter, erkläret die **Etymologie**, oder die Lehre von der **Wortforschung**, als der zweyte Theil der Sprachkunst» (Op. cit., S.21);

— § 4 «Alle diese Regeln von geschickter Verbindung der Wörter machen den dritten Theil der Sprachlehre aus: und dieser heißt **Syntaxis** oder die **Wortfügung**» (Op. cit., S.22);

— § 5 «...und diese machen den vierten Theil der Sprachkunst aus, den man die Prosodie, oder die Tonmessung nennet» (Op. cit., S.23) <выделение моё — К. Ф.>.

Вероятно, в данном случае Готшед, опираясь на классическую традицию выделения частей грамматики, сначала приводит традиционное латинское название, а затем приходит к менее употребительным немецким наименованиям.

Аделунг старается придерживаться первоначально выбранного подхода к выбору соответствующего термина, не отдавая преимущества немецкому или латинскому варианту при наименовании разделов и отдельных глав; ср., например, названия четырех разделов первой части грамматики (*Erster Theil. Von der Fertigkeit richtig zu reden*): 1. *Bildung der Wörter, oder die Etymologie*; 2. *Von den Wörtern als Redetheilen und ihrer Biegung*; 3. *Von der Composition oder Zusammensetzung der Wörter*; 4. *Von dem Syntaxe oder Redesatze*. Другим показательным примером приверженности принципу «равных возможностей» могут служить названия глав второго раздела первой части учебника Аделунга (*Erster Theil. Von der Fertigkeit richtig zu reden 2. Abschn. Von den Wörtern als Redetheilen und ihrer Biegung*). Ср.: 1. *Von den Arten der Wörter, oder den Redetheilen überhaupt*; 2. *Von dem Substantive oder dem Hauptworte*; 3. *Von dem Artikel*; 4. *Von den Zahlwörtern*; 5. *Von dem Adjektiv*; 6. *Von dem Pronomine*; 7. *Von dem Verbo*; 8. *Von dem Participio*; 9. *Von dem Adverbio*; 10. *Von den Präpositionen*; 11. *Von den Conjunctionen*; 12. *Von den Interjectionen oder Empfindungswörtern* <выделение моё — К. Ф.>. Как мы видим, здесь вполне естественным образом соседствуют немецкие названия с традиционными латинскими наименованиями.

Следует заметить, что в названиях отдельных разделов грамматики, построенных по одинаковой модели, как у Готшеда, (ср. *Von der Sprachkunst überhaupt, Von der Vollkommenheit einer Sprache überhaupt, Von der Abtheilung der Sprachlehre* и т. п.), так и у Аделунга (ср.: *Von der Fertigkeit richtig zu reden, Von den*

Wörtern als Redetheilen und ihrer Biegung, Von dem Substantive oder dem Hauptworte, Von dem Artikel, Von den Zahlwörtern) явно прослеживается приверженность классической традиции наименования научных трактатов и их частей (подробнее об этом см.: (Филиппов, Волков 2014: 25—27)).

В основном тексте своей двухтомной грамматики Аделунг последовательно обращается как к немецкому, так латинскому терминологическому арсеналу. Одним из показательных примеров вполне естественного соединения разноязычных терминов в одном фрагменте может служить § 772, в котором Аделунг дает пояснения, касающиеся сочетаемости глагола: «Глагол может быть определен самыми разными способами, и почти всеми прочими частями речи. И тем самым он, взятый вместе со всеми своими определениями, собственно говоря образует предикат, важнейшей частью которого он является. Эти определения обозначают тем самым или нечто самостоятельное, или нечто несамостоятельное. Под первым подразумеваются как предметы и лица, или *casus verbi*, так и различные обстоятельства и определения, поскольку они выражены предлогами со своими существительными. К несамостоятельным относятся как прилагательное в роли предикатива и наречие, так и инфинитив и причастие; в двух последних случаях это относится преимущественно к глаголам с неполными предикатами»¹³

¹³ *Das Verbum kann auf sehr vielfache Art, und fast durch alle übrige Redetheile bestimmt werden, und macht alsdann mit allen seinen Bestimmungen zusammen genommen, eigentlich das Prädikat aus, dessen vornehmster Theil es ist. Diese Bestimmungen bezeichnen demnach entweder etwas Selbständiges oder etwas Unselbständiges. Jene begreifen sowohl die Gegenstände der Sache oder der Person, oder die Casus Verbi, als auch die allerley Umstände und Bestimmungen, sofern sie durch Präpositionen mit ihren Substantiven ausgedrückt werden. Zu dem Unselbständigen gehören sowohl das Beschaffenheits- und Umstandswort, als auch der Infinitiv und das Participium, und zwar die beyden letztern vorzüglich bey den Verbis mit unvollständigen Prädicaten* (Adelung 1782: Bd. 2, 517).

<латинские термины в немецком тексте фрагмента выделены мной — К. Ф.>.

При всей последовательности в применении немецких и латинских терминов Аделунг не смог удержаться от попытки внести свой вклад в терминоведение. В § 45 ученый говорит о причинах разделения своего учебника на две части и предлагает свой вариант наименования второй части грамматики: «Язык — это воспринимаемое выражение представлений и понятий посредством слов. Последние или произносятся или пишут, и из этого следует выделение двух главных частей грамматики, первая из которых затрагивает способность правильно говорить и вторая — правильно писать. Вторая часть грамматики уже известна под названием орфография или правописание; у первой части ещё нет своего собственного названия, и если уж у неё должно быть какое-нибудь имя, то её можно было бы назвать орфологией или правоговорением; только следовало бы под последним немецким именем понимать не простое произношение букв и слогов, как это понимается некоторыми новыми грамматистами. Почти во всех грамматиках орфография преподносится в самом начале непосредственно после учения о произношении; правда, очень неудобным и противоречивым образом. Умение правильно писать предполагает полное умение правильно говорить; и его согласно природе вещей нельзя излагать раньше, чем другое <т. е. умение правильно говорить — К. Ф.>¹⁴». Как показывает

¹⁴ *Die Sprache ist vernehmlicher Ausdruck der Vorstellungen und Begriffe durch Worte. Diese werden entweder gesprochen oder geschrieben, und daraus ergeben sich zwey Haupttheile der Sprachlehre, wovon der erste die Fertigkeit richtig zu reden, und der andere richtig zu schreiben betrifft. Der letzte Theil ist bereits unter dem Nahmen Orthographie oder Rechtschreibung bekannt; der erste hat noch keinen eigenen Nahmen, indessen könnte man ihn, wenn er einen haben müßte, die Orthologie oder Rechtsprechung nennen; nur müßte man den letztern Deutschen Nahmen nicht von der bloßen Aussprache der Buchstaben und Sylben verstehen, in welchem Verstande von einigen neuern Sprachlehrern gebrauch worden.*

дальнейшее развитие немецкой лингвистической терминологии, ни латинский, ни немецкий варианты предложенного Аделунгом названия первой (и главной) части грамматики (*Orthologie, Rechtsprechung*) не оказали заметного воздействия на немецкую грамматическую терминосистему.

Очевидная ориентация Готшеда на лучшие образцы текстов немецких писателей «прошлого и нынешнего веков» позволяет некоторым авторам назвать грамматическую позицию Готшеда «просвещенным разумным вариантом старого образца» (*eine aufgeklärt vernünftige Variante des alten Musters*) (Eichinger 2008: 248). Грамматику Готшеда отличает четкая грамматическая позиция, в основе которой лежит опора на классические научные традиции, продуманная структура, богатый речевой материал, ясный стиль изложения. Отдавая несомненный приоритет немецкому языку, автор тем не менее также умело пользуется терминологическим арсеналом латинского языка и других иностранных языков для доступного изложения своей концепции.

Что же касается позиции Аделунга, то современные авторы предпочитают говорить о грамматических взглядах Аделунга как о переходном этапе от традиционной школьной грамматики к научной грамматике в сегодняшнем смысле этого слова (Voeste 2008: 179). Характерно, что один из параграфов четвертого раздела введения, посвященного изложению позиции Аделунга по отношению к немецкой грамматике (*Deutsche Sprachlehre*) называется «господство речевого обихода» (*Herrschaft des Sprachgebrauchs*), что красноречиво свидетельствует об авторских грамматических предпочтениях.

In fast allen Sprachlehren wird die Orthographie gleich zu Anfange unmittelbar nach der Lehre von der Aussprache vorgetragen; allein auf eine sehr unschickliche und widersinnige Art. Die Fertigkeit richtig zu schreiben setzt die ganze Fertigkeit richtig zu reden voraus, und kann der Natur der Sache nach nicht eher, als nach dieser, vorgetragen werden (Adelung 1782: Bd. 1, 117).

Таким образом, на примере двух концептуальных грамматических текстов Иоганна Кристофа Готшеда и Иоганна Кристофа Аделунга можно увидеть действие основополагающих тенденций эпохи Просвещения в Германии. Ориентация на рациональное объяснение грамматических фактов, четкая авторская позиция, разнообразные подходы к описанию структуры и правил функционирования немецкого литературного языка отражают общие тенденции развития научной ситуации в Германии. Для современных исследователей авторские грамматические теории не только представляют богатый материал для воссоздания картины становления немецкого научного дискурса, но и позволяют более полно описать историко-культурную и языковую ситуацию в Германии XVIII века.

Библиография

Источники

Gottsched 1752 — *Gottsched J. Chr.* Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst, und bey dieser dritten Auflage merklich vermehret von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, 1752.

Gottsched 1759 — *Gottsched J. Chr.* Akademische Redekunst, zum Gebrauche der Vorlesungen auf hohen Schulen als ein bequemes Handbuch eingerichtet und mit den schönsten Zeugnissen der Alten, erläutert von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, 1759.

Leibniz 1983 — *Leibniz G. W.* Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache // Leibniz G. W. Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache: Zwei Aufsätze / Hrsg. von Uwe Pörksen; kommentiert von Uwe von Uwe Pörksen und Jürgen Schiewe. Stuttgart, 1983. S. 5—46.

Wolff 1733 — *Wolff Chr. Christian Wolffens Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schriften die er in deutscher Sprache von verschiedenen Theilen der Welt-Weisheit heraus gegeben*. 2. Ausgabe. Franckrfurt am Mayn, 1733.

Словари

Лингвистический энциклопедический словарь 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.

Ожегов, Шведова 1999 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999.

Философский словарь 1991 — Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд. М., 1991.

Adelung 1782 — *Adelung J. Chr.* Umständliches Lehrgebäude der Deutschen Sprache zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen. 1. Band. Leipzig, 1782. 2. Band. Leipzig, 1782.

Научная литература

Арнольд 1991 — *Арнольд И. В.* Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. М., 1991.

Филиппов, Волков 2014 — *Филиппов К. А., Волков С. С.* М. В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века: Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, И. К. Готшед: научный доклад. СПб., 2014.

Eichiger 2008 — *Eichiger L. M.* Vom Glück, Regeln zu befolgen — Adelung im Stil des 18. Jahrhunderts // Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732—1806) / Hrsg. von H. Kämper, A. Klose, O. Vietze. Tübingen, 2008. S. 247—270.

Voeste 2008 — *Voeste A.* Präskription und Deskription — Adelungsgrammatiken zwischen Tradition und Moderne // Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732—1806) / Hrsg. von H. Kämper, A. Klose, O. Vietze. Tübingen, 2008. S. 179—192.

K. Filippov. German Enlightenment: A remark on metalanguage of original grammar texts

The paper presents some of the distinctive features of metalanguage used in grammar essays «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» by J. Chr. Gottsched (1748) and «Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache» by J. Chr. Adelung (1782). These highly original grammar texts illustrate basic Enlightenment tendencies in Germany. Rational explanation of numerous facts of grammar, a clearly stated author's position, various approaches to the structure and functioning rules of standard German language are features reflecting general tendencies of 18th century science formation in Germany. Giving an undisputable priority to the German language, the authors also aptly use the terminology of Latin and other foreign languages to provide an insight into their scientific conceptions.

Н. В. Карева*

Словари языка писателя во Франции XIX века

Ключевые слова: французская лексикография, авторская лексикография, словарь языка писателя.

XIX век является важным этапом в истории французской лексикографии: помимо энциклопедических и нормативных словарей, в это время создаются различные специальные словари — в частности, первые словари языка писателей. В статье представлены основные типы авторских словарей, созданных во Франции в период с 1840 по 1900-е гг., даны краткие биографические сведения о лексикографах, описана структура словарной статьи в словарях различных типов.

В работе «Histoire de la langue française dès origines à nos jours» Ф. Брюно отмечает, что первая половина XIX в. (1815—1850-е гг.) была наиболее важным этапом в истории французской лексикографии (Brunot 1948: 541). Эпоха Просвещения была отмечена двумя крупными словарными проектами — «Dictionnaire de l'Académie française»¹ и «Dictionnaire de Trévoux»². XIX в. характеризуется ростом числа публикуе-

* Наталия Владимировна Карева — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН. Электронная почта: natasha.titova@gmail.com

¹ На протяжении XVIII в. было выпущено четыре переиздания «Dictionnaire de l'Académie française» (1718; 1740; 1762; 1798); в XIX в. было подготовлено еще два переиздания (1835; 1878); концепция словаря при этом менялась от переиздания к переизданию.

² «Dictionnaire de Trévoux» также несколько раз переиздавался на протяжении XVIII в., подвергаясь при этом радикальной переработке (1704; 1721; 1732; 1734; 1738—1742; 1743; 1752; 1771).

мых словарей и их разнообразием. Помимо энциклопедических (*dictionnaires encyclopédiques*) и нормативных словарей (*dictionnaires de l'usage*) создаются различные специальные словари (*dictionnaires spécieux*) — например, адресованные литераторам словари поэтического языка (Planche 1819—1822; Carpentier 1822 и др.). Литераторам адресовались также словари неологизмов (*dictionnaires néologiques*), парадоксальным образом включавшие в себя не только новые слова, но и архаизмы — по мысли составителей, эти слова снова могли бы войти в литературный язык (Pougens 1821—1825; Noël, Carpentier 1831). В 1840-е гг. появились и первые словари языка писателей. В нашем очерке мы представим основные типы авторских словарей, созданных в 1840—1900 гг., дадим краткие биографические сведения о лексикографах, опишем структуру словарной статьи в словарях различных типов и покажем, какие лексикографические принципы были выработаны в этот период.

1. Сопоставительные словари³

В 1846 г. в Париже был опубликован «*Lexique comparé de la langue de Molière et des écrivains du XVIIe siècle suivi d'une lettre à M. A. F. Didot sur quelques points de philologie*

³ Сопоставительные словари — когда в центре описания стоит конкретный автор, а остальной материал служит фоном для описания его языка — мало распространены в современной лексикографии. В начале XX в. В. Ф. Саводник в статье «К вопросу о пушкинском словаре» характеризовал такой тип словарей следующим образом: «... другие вносят сюда сравнительный метод, сопоставляя язык изучаемого автора с языком современной литературы вообще, ... пользуются словарною формой для того, чтобы собрать и сгруппировать материал для изучения личности данного писателя, его творчества и его мирозерцания, как оно отражается в его произведениях» (Саводник 1904: 14). Об этом типе словарей см. также (Гельгардт 1983; Шестакова 2011: 45—60).

française» (463 p.). Автор словаря Франсуа Женан (François Génin, 1803—1856) сначала преподавал в гимназиях Лана и Страсбурга, затем стал редактором газеты «Le National», с 1846 г. занимал должность профессора на филологическом факультете страсбургского университета, а после революции 1848 г. и вплоть до 1852 г. был заведующим отделением литературы в министерстве образования Франции (Larousse: 8, 1159d—1160a). Ф. Женан является автором нескольких работ о диалектах старофранцузского языка: «Des variations du langage français depuis le XIIIe siècle ou Recherches des principes qui devraient régler l'orthographe et la prononciation» (Paris, 1845), «De la prononciation du vieux français. Lettre à M. Littré de l'Institut» (Paris, 1856) и др. Получивший награду Французской Академии «Словарь языка Мольера», над которым Ф. Женан работал во время своего профессорства в Страсбурге, состоит из четырех частей: предисловия *Préface* (Génin 1846: III—X), жизнеописания Мольера *Vie de Molière* (Génin 1846: XI—LXXXVI), словаря *Lexique de la langue de Molière* (Génin 1846: 1—423) и работы «Lettre à Monsieur A. Firmin Didot sur quelques points de philologie française» (Génin 1846: 425—463). В предисловии Ф. Женан излагает свои взгляды на развитие французского языка и объясняет замысел «Словаря». Он описывает разрушительные, по его мнению, изменения, произошедшие в XVI—XVII вв., когда сначала ученые эпохи Возрождения, а позже — грамматисты и литераторы-пуристы перестроили французский язык по образцу греческого и латыни:

«Au XVIe siècle, la ferveur de la renaissance méconnut, rejeta dédaigneusement tout ce qui s'était produit jusqu'alors; et l'esprit d'érudition, pour ne rien dire de pis, recommença la langue, mais sans garder aucune des règles et des lois qui avaient présidé jadis à sa naissance. Les savants renversent brusquement toutes les digues, pour laisser le latin et le grec faire irruption chez nous. Le déluge, à leur gré, ne pouvait jamais être assez prompt ni assez considérable. Ce flot turbulent jeta le désordre dans notre langue jusque-là si calme et si reposée; et elle éprouva de cette secousse un

dérangement si profond, que jamais elle ne put reprendre son cours dans la direction précise où elle l'avait commencé» (Génin 1846: III)⁴.

«Les grammairiens se mêlant de l'affaire, ont achevé de tout gâter avec leur décisions arbitraires, leurs distinctions, leur finesses, et ... en appelant sans cesse leur triste imagination au secours de leur ignorance, pour expliquer, définir, motiver ce qu'ils ne soupçonnent pas» (Génin 1846: V)⁵.

К счастью, продолжает Ф. Женан, народ продолжил говорить на том же языке, на котором говорил и прежде, однако возникло две разновидности французского — французский устный и французский письменный, народный французский и французский ученого сословия. «Гений» французского языка (*genie de la langue*) сохранился именно в народном языке, потому необходимо как можно скорее вернуть французский язык к его истокам — именно эта мысль заставила Ф. Женана приняться за составление «Словаря». Сравнивая язык Мольера с языком писателей XVII в. и более раннего периода (Лафонтена, Паскаля, Расина, Боссюэ, Лабрюйера, Монтеня, Рабле, средневековых поэтов), Ф. Женан обращает внимание на ушедшие из современного ему французского лексические элементы. Он включает в «Словарь» архаизмы, «неточности» (*négligences*),

⁴ «В XVI веке, пыл ренессанса отринул с презрением все то, что было произведено до этого, и дух учености, чтобы не сказать хуже, снова начал создавать язык, отвергая правила и законы, управлявшие им прежде, с момента его рождения. Ученые обрушили все плотины, и латынь с греческим ворвались к нам. Разрушения, причиняемые быстрым потоком, не могли бы быть столь же значительными. Этот бурный поток внес беспорядок в наш до той поры спокойный и организованный язык; и это потрясение столь сильно взволновало его, что более он не смог продолжить свое движение в выбранном им изначально направлении» <здесь и далее перевод наш — Н. К.>

⁵ «Вмешавшиеся грамматисты с своими произвольными решениями, различиями и нюансами в конец все испортили, и ... призывая беспрестанно свое бедное воображение на помощь своему незнанию, объясняли, определяли, мотивировали то, о чем они и понятия не имели».

«рискованные выражения» (*expressions risquées*), «плохие метафоры» (*mauvaises métaphores*) и, наконец, «ошибки, свойственные как самому Мольеру, так и его эпохе в целом» (*des fautes à lui particulières ou communes à toute son époque*) (Génin 1846: VII).

Чтобы охарактеризовать лексикографические принципы, разработанные Ф. Женаном для описания отобранных им лексических единиц, приведем словарную статью *ACCOISER* из «Словаря языка Мольера»:

ACCOISER, calmer :

1er MÉDECIN. Adoucissons, lénisions et *accoisons* l'aigreur de ses esprits. (*Pourc. I. 2.*)

L'orthographe primitive est *quoi, quoie*, de *quietus* : on devrait donc écrire aussi *aquoisier* ; mais l'écriture s'applique à saisir les sons plutôt qu'à garder les étymologies. C'est une des causes qui transforment les mots.

Accoiser était du langage usuel ; Bossuet s'en est servit dans sa *Connaissance de Dieu* ; les éditeurs modernes ont changé mal à propos cette expression. Voici le passage tel qu'on le lit dans l'édition originale donnée par l'auteur :

« Si les couleurs semblent vaguer au milieu de l'air, si elles s'affoiblissent peu à peu, si enfin elles se dissipent, c'est que le coup que donnoit l'objet présent ayant cessé, le mouvement qui reste dans le nerf est moins fixe, qu'il se ralentit, et enfin s'accoise tout à fait. »

On a substitué *qu'il cesse tout à fait* (P. 93, éd. de 1846) (Génin 1846: VII).

Как мы видим, заголовочная единица сопровождается кратким толкованием и иллюстрируется одним или несколькими примерами употребления. Ф. Женан указывает в предисловии, что в своей работе он использовал различные издания произведений Мольера, сверяя их с прижизненными публикациями, однако списка использованных им источников нет, цитаты сопровождаются сокращенным названием произведения, указанием

на номер сцены и акта. В ряде случаев сфера употребления заголовочного слова характеризуется с помощью следующих помет: *métaphoriquement* (метафорически), *au sens métaphorique* (в метафорическом смысле), *archaïsme* (архаизм), *patois* (местное наречие), *figurément* (образно), *au figuré* (в образном смысле), *ironiquement* (иронически). Также в некоторых случаях дается краткая грамматическая характеристика слова: *au pluriel* (во множ. числе), *verbe actif* (действительный глагол), *verbe neutre* (средний глагол), *verbe passif* (страдательный глагол), *substantif* (существительное), *substantivement* (именное употребление), *impersonnel* (безлично) и пр. Указания на частотность нет, однако в предисловии Ф. Женан отмечает, что в словарных статьях он старался привести все контексты употребления отобранных им лексических единиц и расположил контексты в хронологическом порядке, чтобы показать эволюцию стиля Мольера. В случаях, когда употребление того или иного слова характерно для определенной речевой маски — врач, лакей, педант, жеманница и др. — это специально указывается. Следом за иллюстрациями следуют изложенные в свободной форме комментарии Ф. Женана относительно орфографии слов, их происхождения и сферы употребления; отмечаются допущенные при переизданиях неточности.

Наблюдения над особенностями грамматики и версификации Мольера также включены в «Словарь»: см., например, статьи *ARTICLE* (Génin 1846: 21—22); *PRONOM* (Génin 1846: 327—328); *VERS BLANCS* (Génin 1846: 412—416) и др. Завершает словарь работа «Lettre à Monsieur A. Firmin Didot sur quelques points de philologie française», представляющая собой полемическое эссе об истории французского языка, посвященная Антуану-Фирману Дидо (1790—1876) — издателю, представителю знаменитой династии французских книгопечатников.

Через шесть лет после выхода «Словаря языка Мольера» был опубликован еще один словарь — *«Vocabulaire pour*

les œuvres de La Fontaine ou explication et définition des mots, locutions, formes grammaticales, etc. employés par La Fontaine et qui ne sont pas plus usités» (Paris, 1852). Автор словаря Теодор Лоран (Théodor-Quentin Lorin, 1775—1857) изучал в Высшей нормальной школе (*Ecole normale supérieure*)⁶ сирийский, арабский и иврит, позже работал там стенографом и занимался литературской деятельностью: в 1839 г. он опубликовал поэтический сборник «*Épîtres, fables et poésies fugitives*», а в 1850 г. сборник басен «*Fables*» (Larousse: 10, 1340a). Интерес к жанру басни, по-видимому, и заставил Т. Лорана обратиться к изучению лексического своеобразия Лафонтена. Цель своей работы Т. Лоран видит в том, чтобы пояснить значение устаревших слов и выражений и показать, в какой период они вышли из употребления; работа эта, как надеется автор, возможно, позволит вернуть некоторые лексические единицы в современный ему французский:

«Expliquer celles de ces expressions qui pourraient être devenues obscures; examiner sous le rapport grammatical celles qui s'écartent des règles et de l'usage actuel ; rechercher à quelle époque elles ont été bannies du langage; en signaler quelques-unes que nous avons rejetées par une délicatesse excessive et que l'on pourrait espérer de rajeunir avec succès» (Lorin 1852: II)⁷.

Таким образом, так же, как и «Словарь языка Мольера» Ф. Женана, «Словарь к произведениям Лафонтена» принадле-

⁶ Высшая нормальная школа (*Ecole normale supérieure*) — одно из самых престижных учебных заведений в области высшего образования во Франции; была основана 9 брюмера III года Республики (30.10.1794) Национальным конвентом.

⁷ «Объяснить те из этих выражений, которые могли стать непонятными; исследовать с грамматической точки зрения те, чье употребление отклоняется от современных норм; выяснить, когда некоторые из них ушли из языка; отметить те, что были исключены из-за чрезмерной деликатности и могли бы снова войти в язык».

жит к дифференцированному типу словарей: Т. Лоран включил в словник только элементы, отсутствующие в современном ему французском языке, и некоторые имена собственные. При этом при составлении словника были учтены все доступные тексты Лафонтена, в том числе и *dubia et spuria*.

Приведем пример словарной статьи *AGUIMPÉ*:

AGUIMPÉ, EÉ, *part. pass. et adj.* Orné ou affublé d'une guimpe.

Tant ne songeoient au service divin
Qu'à soi montrer ès parloirs *aguimpées*.

Contes. *Mazet de Lamporechio*.

Je ferai observer que quelques écrivains ont également forgé du mot *guimpe* le verbe actif *guimper*, employé dans le style badin pour dire : *faire prendre la guimpe*, faire entrer en religion ; mais ce dernier ne me paraît pas de nature à être jamais admis dans aucun genre. *Voy. Dict. de Trévoux* (Lorin 1852: 7).

За заголовочным словом следует сокращенное указание на его частеречную принадлежность. Толкование семантики дается только в случае, если слово изменило свое значение: так, дано толкование для ушедшей из языка лексемы *AGUIMPÉ*, однако нет толкования для сохранившейся в языке и изменившей лишь родовую принадлежность лексемы *AIGLE*. Одному значению соответствует один иллюстрирующий контекст; далее следуют обширные авторские комментарии. В комментариях цитируются многочисленные грамматики и словари XVII—XVIII вв. (см. *Table des principaux auteurs consultés*, Lorin 1852: 303—308), порой даются обширные этимологические комментарии — в предисловии Т. Лоран признается, что он буквально одержим этимологией:

«Entraîné par mon goût (peut-être dira-t-on ma manie) pour les étymologies, je n'ai pas toujours su y résister» (Lorin 1852: IV)⁸.

⁸ «Движимый моим пристрастием (можно было бы сказать манией) к этимологиям, я не всегда мог ему противостоять».

См., например, рассуждения об этимологии слова *ALIBORON*:

ALIBORON, nom ou sobriquet de l'âne.

Arrive un troisième larron
Qui saisit maître *aliboron*.

Liv. I, fab. 13.

Le mot *Aliboron* a donné la torture aux étymologistes. Parmi les nombreuses étymologies qui ont été mises en avant, la plus vraisemblable est, selon moi, celle que propose M. Quitard qui le dérive de ces deux mots : *arri-bouron*, marche, baudet. Voy. *Dict. des Proverbes*, p. 33. On pourrait aussi dériver le mot *aliboron* de l'article arabe *al* et du substantif *Bo'ran* qui, dans la même langue, signifie, âne, et en général bête de somme. *Al-bo'ran*, l'âne, la bête de somme. Brantôme, cap. franç., t. III, p. 456, désigne par le mot *aliboron* un homme qui se mêle de tout, un *factotum* ; mais j'estime que cette acception n'est qu'une extension du sens primitif. C'est ainsi que le mot *bardot*, espèce de mullet, signifie au figuré une personne sur laquelle on se décharge, comme sur une bête de somme, de tous les fardeaux dont on est embarrassé : Consultez Ménage, *Dict. étym.* — Mouchet, *Gloss. de l'anc. franç.*, col. 618, etc. (Lorin 1852: 8).

Еще один сопоставительный словарь — двухтомный «*Lexique comparé de la langue de Corneille et de la langue du 17e siècle en général. Par M. Frédéric Godefroy*» — появился в 1862 г. Его автор Фредерик Эжен Гodefруа (Frédéric-Eugène Godefroy, 1826—1897), журналист и филолог, известен своими фундаментальными работами «*Histoire de la littérature française depuis le XVIe siècle jusqu'à nos jours*» (15 vol., 1859—1882), а также «*Dictionnaire de l'ancienne langue française du IXe siècle au XVe siècle et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècles*» (10 vol., 1881—1902) (Larousse: 8, 1340a). В предисловии к «Словарю языка Корнеля» (*Préface*, Godefroy 1862: 1, I—IV) Ф. Годфруа обозначает задачи своей

работы: объяснить значение вышедших из употребления слов и выражений; дать ответ на замечания, высказанные Вольтером в «Комментариях к Корнелю»; предоставить сведения о некоторых малоизученных аспектах языка XVII в.:

«Notre *Lexique*, — véritable complément de tous les dictionnaires français existants, — a pour objet :

1. D'expliquer tous les locutions difficiles, et en particulier les locutions que le temps a frappées de désuétude, qui s'offrent dans la langue du plus grands de nos poètes, et dont le nombre est si considérable, qu'à part une faible élite de littérateurs érudits, presque tout le monde aujourd'hui serait arrêté, pour ainsi dire à chaque pas, dans la lecture des célèbres tragédies...

2. D'offrir, pour la première fois, la réfutation à fond des faux jugements, en fait de langue poétique, que Voltaire a portés, et des erreurs qu'il a commises, — surtout au point de vue historique, — dans son fameux *Commentaire* ;

3. De donner, à l'occasion des locutions de Corneille, la solution de quantité de difficultés délicates de la langue générale du dix-septième siècle, qui n'ont jamais été étudiées nulle part d'une manière solide, dont beaucoup paraissent même avoir à peine été remarquées jusqu'à présent, et que nous avons été amené à approfondir, parce que nous nous sommes dévoué avec passion, depuis bientôt quinze ans, à des études de lexicographie embrassant toute notre langue depuis ses origines jusqu'à notre siècle» (Godefroy 1862: 1, II)⁹.

⁹ «Наш Словарь, являющийся дополнением к уже существующим словарям французского языка, имеет своей целью:

1. Объяснить все сложные выражения, в особенности те, которые вышли из употребления; они встречаются в языке нашего самого великого поэта, и количество их столь велико, что, они на каждом шагу, затрудняют всем, за исключением небольшого числа эрудированных литераторов, чтение великих трагедий ...

2. В первый раз опровергнуть высказанное Вольтером в его знаменитом «Комментарии» мнение, основанное на неверных суждениях о

Обширное введение (*Introduction*, Godefroy 1862: 1, I—СХХIII) состоит из двух частей. Первая часть посвящена особенностям языка П. Корнеля и французского языка XVII в. в целом: исследуются синтаксис, особенности словоупотребления, необычное использование различных частей речи. Вторая часть посвящена вольтеровским «Комментариям к Корнелю» — тексту, в котором Вольтер подверг уничтожающей критике язык и стиль произведений великого трагика. Ф. Годфруа показывает, что в течение столетия, разделяющего Корнеля (1606—1684) и Вольтера (1694—1778), во французском языке произошли серьезные изменения, коснувшиеся всех языковых уровней. Показать эти изменения и является одной из задач «Словаря». Ф. Годфруа подчеркивает, что адресованный широкому кругу читателей «Словарь языка Корнеля» призван служить дополнением к существующим словарям французского языка и не является конкордансом: в словник включены только лексемы, затрудняющие читателю XIX в. восприятие текстов Корнеля, — то есть полностью ушедшие из языка слова; слова, сохранившиеся в языке, однако изменившие свое значение или/и грамматическую характеристику; слова, получившие в поэтическом тексте необычное, нуждающееся в комментарии употребление.

В качестве примера приведем словарную статью *PACTION*:

PACION, pacte, accord, convention :

L'injure d'une paix à la fraude enchainée,

поэтическом языке, на допущенных им, особенно с исторической точки зрения, ошибках;

3. Отталкиваясь от лексики Корнеля, дать толкование множеству трудностей французского языка 17 века, которые никогда и нигде не были основательно изучены, многие из которых едва ли были замечены до настоящего времени и знания о которых мы углубили, посвятив себя последние пятнадцать лет лексикографическим исследованиям нашего языка от его начала до наших дней».

*Les dures pactions d'un royal hyménée,
Tremblent sous les raisons et la facilité
Qu'aura de s'en venger un roi si redouté.*

(*Vict. du roi*, en 1667.)

Paction était autrefois préféré à *pacte* ; témoin cette remarque de Vaugelas :

« *Pact* ne vaut rien du tout ; *pacte* est bon. On dit un *pacte tacite*, et que *les sorciers font un pacte avec le diable*, mais *paction* est le meilleur et le plus usité, *faire une paction*. »

On rencontre assez souvent *paction* dans les tragédies du commencement et même de la seconde moitié du dix-septième siècle :

Considérez, seigneur, qu'il n'est adresse humaine
Que pour m'ôter à vous et pour vous mettre en peine,
Après la paction qu'il vous fit arrêter,
(Subtil au point qu'il est,) le roi n'ait dû tenter. (Rotr., *Laure pers.*, IV, 8)

Avec eux avant vous *nos pactions* sont faites ;
Sous les lois de l'hymen ils nous donnent leur foi. (T. Corn., *Circé*, I, 7.)

Dans la seconde moitié du siècle, *pacte* prit décidément le dessus, comme on le voit par cet article dans *Rem. nouv. sur la langue franç.* du P. Bouhours :

« Pacte, Paction.

Paction, qui était autrefois le meilleur, ne vaut plus rien. *Pacte* a prévalu, soit qu'il s'agisse des sorciers qui font un pacte avec le diable, soit qu'il s'agisse d'autres gens. *Paction* n'est plus qu'un terme de palais. » (Godefroy 1862: 2, 104).

Как мы видим, за заголовочным словом следует толкование. В ряде случаев используются грамматические и стилистические пометы: напр., *fig.* или *au fig.* (образно); *act.*, также *v. a.* или *v. act.* (действ. залог), *verbe neutre* или *neutr.* (средний залог), *absol.* (абсолютное употр.), *adj.* (прил.), *subst.* (сущ.), *au plur.* (во множ. числе)

и т. д.; иногда даются и более развернутые комментарии — например, если речь идет об управлении глаголов: см., *FALLOIR (s'en), suivi imméd. d'un complém.* (Godefroy 1862: 1, 302); *FARDER avec un nom de chose pour sujet* (Godefroy 1862: 1, 303). Заголовочная лексема иллюстрируется примерами из произведений Корнеля, а также широким кругом других контекстов — от первых памятников старофранцузской письменности до текстов XIX в., приводятся цитаты из словарей и грамматик: таким образом, Ф. Годфруа показывает функционирование слова как в предшествующей Корнелю, так и в последующей традиции. В «Словарь» вошли также исследования по грамматике, синтаксису и лексике французского языка: см., статьи об эллипсе личного местоимения (Godefroy 1862: 2, 185—206), о формах множественного числа абстрактных существительных (Godefroy 1862: 1, 351—356), об использовании латинизмов (Godefroy 1862: 2, 5—8) и др.

В 1888 г. в Париже был опубликован словарь «*Lexique de la langue de Bonaventure des Periers*», составленный Феликсом Франком и Адольфом Шеневьером. Феликс Франк (Félix Frank, 1837—1895), поэт, литературный критик, переводчик и издатель, подготовил в 1873 г. комментированное издание «Кимвала мира» с конкордансом (Des Périers 1873), что, по-видимому, послужило стимулом для начала работы над словарем. Присоединившийся к нему в этой работе Адольф Шеневьер (Adolphe Chenevière, 1855—1917), швейцарский филолог и писатель, защитил в Сорбонне диссертацию «Bonaventure Des Périers, sa vie, sa poésie» (опубликована в 1886 г.), а позже прославился своими короткими рассказами. Несмотря на то, что к моменту начала работы над «Словарем языка Деперье», уже существовал конкорданс к одному из самых знаменитых его произведений, словник был составлен по историко-дифференциальному принципу. В «Словарь» вошли только устаревшие и непонятные современному читателю слова: лексемы, полностью ушедшие из французского языка; сохранившиеся только в диалектах; сохранившиеся в языке, однако изменившие свое значение или

родовую принадлежность; грамматические формы, уклоняющиеся от норм современной составителям литературной речи. Составляя «Словарь», Ф. Франк и А. Шеневьер видели также свою задачу в том, чтобы показать своеобразие языка Деперье (1501—1544) на фоне языка его современников — Клемана Маро (1496—1544), Франсуа Рабле (1494—1553), Маргариты Наваррской (1492—1549). Поэтому словарные статьи иллюстрируются большим количеством примеров, составители цитируют не только авторов-современников Деперье, но и словари XVI—XIX вв. (полный список источников см. Chenevière, Frank 1888: XII). Словарная статья в словаре построена по следующему принципу: заголовочное слово иллюстрируется одним или несколькими контекстами (цитаты снабжаются указанием на сокращенное название соответствующего издания и номер страницы), семантика трактуется то после заголовочного слова, то в последующем комментарии, иногда просто дается ссылка на соответствующий словарь. См., например, словарные статьи *BOURRE* и *GABBIE*:

BOURRE, balle.

Testonner la bourre. Joy. Dev. X, 53.

Pousser, jeter la balle (terme du jeu de paume). Cf. Lacour (*Op. cit.* Gloss.) : Pousser la balle du jeu de paume, faite de débris de laine. II, 53. Plus anciennement, *testonner*, dans la bouche des barbiers, c'était accommoder promptement et proprement la tête d'un client. « Le chat ne se jettera pas seulement sur un petit chien pour le pigner et testonner de ses douces pattes, mais s'osera bien jeter dessus un gros mastin. » (Viret, *Le monde à l'empire*, édit. de 1579, 288). (Frank, Chenevière 1888: 29—30).

GABBIE

La gabbie

Jà rougie

Du sang des bruns esperans. *Poésies*, 93.

Aujourd'hui la *gabbie* (Provenç.) est une sorte de caisse à claires-voies, une cage pour enfermer la volaille. Mais dans le passage ci-dessus, extrait d'un *Chant de vendages*, la *gabbie* doit signifier le crible où l'on presse le raisin et d'où coule le jus, ou, comme dit le poète : « Le sang des bruns *esperans*. » (V. ce mot.) (Frank, Chenevière 1888: 92).

И, наконец, в 1895 г. в Париже был опубликован получивший премию Французской академии трехтомный «*Lexique de la langue de Molière comparée à celle des écrivains de son temps avec des commentaires de philologie historique et grammaticale*». Автор этого словаря Шарль-Луи Ливе (Charles-Louis Livet, 1828—1897) — журналист, историк языка и литературы — работал над этим словарным проектом в течении почти трех десятилетий. В предисловии Ш.-Л. Ливе пишет, что занялся составлением картотеки сначала из любопытства, затем — по мере ее пополнения цитатами из различных источников — сформировался замысел словаря. Словарь основан на полном словнике к произведениям Мольера, в качестве дополнительных источников привлекается богатейший сопоставительный материал: цитируются произведения писателей-современников Мольера, сохранивших в своем языке элементы просторечия, — Ф. Гарасса (François Garasse, 1585—1631), М Гурней (Marie de Gournay, 1565—1645); драматургов того времени — Ф. Кино (Philippe Quinault, 1635—1688), Э. Бурсо (Edme Boursault, 1638—1701), Ж.-Ф. Реньяра (Jean-François Regnard, 1655—1709) и др., бурлескных поэтов — П. Скаррона (Paul Scarron, 1610—1660), Сент-Амана (Marc Antoine Girard sieur de Saint-Amant, 1594—1661), Ж. Лорэ (Jean Loret, 1600—1665); наконец, классиков французской литературы — П. Корнеля (1606—1684), Ж. Б. Расина (1639—1699), Ж. Б. Боссюэ (1627—1704). Кроме того, в качестве сопоставительного материала использовались словари французского языка, грамматики и сочинения о языке, напечатанные с 1530 г. до конца XVII в. Приведем в качестве примера словарную статью *DADAIS*, прекрасно иллюстрирующую составительские принципы Ш.-Л. Ливе:

DADAIS

Le fils du gentilhomme de notre village ... est ... le plus sot *dadais* que j'aie jamais vu. — *Bourg. gent.*, III, 12.

Enfin, Salmacis connoissant
Que ce grand *dadais* innocent
N'estoit pas en humeur de rire,
Luy dit : Dequoy vous sert, beau sire,
De résister à mes ébats ? — Richer, *Ovide bouffon*, 1662, p. 441.

Je vais vous raconter cela bien mieux que mon maître, car, entre nous, c'est un *dadais*. — Regnard, *Filles err.*, I, 11.

* En 1611, Colgrave admet le mot *dadée* dans le sens de bavardages, jeux d'enfant ; souffrir à un enfant toutes ses *dadées*, c'est le gâter (*to cocker*) ; le mot ne reparait plus qu'en 1642, dans les Rech. ital.-franç. de César Oudin, puis, en 1660, dans le *Diction. franç.-ital.* de Duez, et dans le *Très. franç.-esp.* d'Ant. Oudin ; l'un et l'autre font précéder *dadée* de *dada* et de *dadais* ou *dadifle*.

1. *Diction. franç.-ital.* : *dada*, parole enfantine pour dire un cheval ; — *dadée*, *bambineria*, enfantillage ; — *dadais* ou *dadifle*, *minchione*, c'est-à-dire badin, sot ou niais.

2. *Diction. franç.-esp.* : *dada*, mot d'enfant : cheval — *dadée*, *mineria*, enfantillage ; — *dadais* ou *dadifle*, *desaliñado*, c'est-à-dire désagencé, lourdaut, maladroît, inepte, messéant, sot ...

Le Dictionnaire de l'Académie, dans sa deuxième édition (1718), admet, avec le sens de *niais*, ce même mot qui ne paraît ni dans Richelet (1680 et 1719), ni dans Furetière (1690), ni dans sa première édition (1694), ni même plus tard, en 1732, dans le *Diction. de Trévoux*. (Livet 1895: 2, 1).

Авторы рассмотренных выше словарей — Ф. Женан, Т. Лоран, Ф. Годфруа, Ф. Франк и А. Шеневьер, Ш.-Л. Ливе — ставили перед собой задачу показать специфику языка выбранного автора не только на фоне языка его современников, но и на фоне предшествующей и последующей литературной традиции. Эта задача — представить в словарной форме динамику языка, выявить сдвиги

в языковом сознании — оказалась едва ли выполнимой в первую очередь из-за отсутствия четкого представления о структуре словарной статьи, а также из-за неполноты и произвольности привлекаемого материала. Кроме того, лексикографам XIX в. не были чужды нормализаторские тенденции: обращая свой труд в первую очередь литераторам, они стремились обогатить современный им французский литературный язык за счет представленных в словарях архаизмов и поэтизмов; выборка лексики для словника производилась при этом только на основании «языкового чутья» составителей, без какого-либо формального критерия.

II. Словари языка одного автора

II. 1. Полные словари замкнуто-монографического типа

В 1860—1900-е гг. под руководством Адольфа Ренье была создана серия авторских словарей, дополнивших собрания сочинений коллекции *Grands écrivains de la France*, в которой были изданы произведения французских «классиков», фрагменты произведений которых заучивались наизусть в лицах, наряду с фрагментами произведений латинских и греческих авторов (Leroy 2002)¹⁰, а также французских драматургов —

¹⁰ В XIX в. во французских школах французские литературные произведения изучались в сопоставлении с латинскими. Так, в пятом классе басни Фенелона изучались вместе с баснями Федра. В четвертом классе проходили поэмы Овидия, пятую и шестую эклоги Вергилия и Цицерона, а также «Портреты» Ля Брюйера и «Диалоги» Фенелона. В третьем классе сопоставлялись «История Карла XII» Вольтера и «История Александра Великого Македонского» Квинта Курция Руфа, читали «Телемака» Фенелона, «Георгики» Вергилия, Цицерона и «Комментарии» Цезаря. В первом и во втором классах проводились параллели между Титом Ливием, «Рассуждением о всеобщей истории» Ж.-Б. Боссюэ и историческими сочинениями аббата Верто; «О заговоре Катиллины» Саллюстия сопоставлялось с «О заговоре испанцев против Венецианской республики» С. В. Сен-Реала; оды Горация сравнивались с одами Ж.-Б. Руссо;

Корнеля, Расина, Мольера — «полубогов французского театра» (Wallon 1903: 628), пьесы которых в это время с небывалым успехом ставились в Комеди Франсэз.

Адольф Ренье-старший (Jacques-Auguste-Adolphe Rénier, 1804—1884), филолог-классик, издатель, переводчик, был преподавателем санскрита и риторики в Высшей нормальной школе, а также в Коллеж де Франс¹¹. В 1843 г. он был назначен наставником Луи-Филиппа Альбера Орлеанского (1838—1894), наследника французского престола. После революции 1848 г. Луи-Филипп Орлеанский и А. Ренье покинули Францию и отправились сначала в Германию, а затем в Англию; Луи-Филипп больше не вернулся во Францию, а А. Ренье снова оказался в Париже в 1853 г. и продолжил научную карьеру. В 1855 г. он стал членом Академии надписей и изящной словесности (*Académie des inscriptions et Belles-Lettres*)¹², позже был приглашен занять профессорское кресло в Коллеж де Франс. Помимо издательской и педагогической деятельности А. Ренье известен переводами Шиллера на французский язык, а также работами «Cours complet de la langue allemande» (7 vol., Paris, 1830—1833 в соавторстве

эпистолы и сатиры Горация — с эпистолами и сатирами Буало, письма Плиния Младшего — с письмами мадам де Севинье (Leroy 2002).

¹¹ Коллеж де Франс (*Collège de France*) — учебное и научное учреждение в Париже; звание профессора Коллеж де Франс считается одним из высших отличий в области французского высшего образования.

¹² Академия надписей и изящной словесности (*Académie des inscriptions et Belles-Lettres*) — ученое общество в области гуманитарных наук, занимающееся изучением исторических памятников и документов, языков и культур античных цивилизаций, средневековья и классического периода. Академия надписей и изящной словесности входит в Институт Франции (*Institut de France*) наряду с Французской академией (*Académie française*), Французской академией наук (*Académie des sciences*), Французской академией изящных искусств (*Académie des Beaux-Arts*) и Французской академией моральных и политических наук (*Académie des sciences morales et politiques*).

с Ф. Л. Ба), «*Traité de la formation et de la composition des mots dans la langue grecque*» (1840), «*Dictionnaire étymologique des mots français tirés du grec*» (Paris, 1843), «*Etudes sur l'idiome du Veda et les origines de la langue sanscrite*» (Paris, 1855) (Wallon 1903; Larousse: 13, 865a).

Под руководством А. Ренье в рамках подготовки коллекции *Grands écrivains de la France* был создан ряд авторских словарей, объединенных единой системой принципов лингвистического описания. Первым в 1866 г. вышел составленный Жаном-Эдуардом-Альбертом Соммэ (Jean-Édouard-Albert Sommer, 1822—1866) двухтомный «*Lexique de la langue de Madame de Sévigné: avec une introduction grammaticale et des appendices*», опубликованный в 13 и 14 томах нового комментированного собрания писем мадам Севинье (Sévigné 1862—1868). Издание получило высокую оценку современников, отметивших скрупулезность и тщательность, с которой А. Ренье и его коллеги подошли к поставленной перед ними задаче (Wallon 1903: 628—629).

В это же время было подготовлено пятитомное собрание сочинений Ф. Малерба (Malherbe 1862—1869), пятый том которого включал в себя «*Lexique de la langue de Malherbe, avec une introduction grammaticale par Ad. Regnier fils*», составленный сыном Ж. Ренье Адольфом (Adolphe Régnier fils, 1834—1875). В собрание сочинений вошли поэтические произведения Малерба, переводы, сочинения в прозе, письма и черновики — все эти тексты были учтены при создании словника словаря.

«Словарь языка мадам де Севинье» и «Словарь языка Малерба» (как и другие словари, подготовленные под руководством А. Ренье) составлены по одним и тем же принципам — поэтому в рамках данной статьи мы ограничимся рассказом о «Словаре языка Малерба». Словарь предваряют предисловие *Préface* (Malherbe 1862—1869: 5, I—XIII) и грамматическое вступление *Introduction grammaticale* (Malherbe 1862—1869: 5, XVII—LXXXVII). В предисловии характеризуется творчество Франсуа де Малерба (1555—1628) и определяются задачи

«Словаря»: выявить, насколько языковые теории Ф. Малерба находили отражение в его поэтической практике, показать, как менялся язык Ф. Малерба по мере того, как оттачивалось его поэтическое мастерство и совершенствовался стиль. В грамматическом вступлении анализируются отличия грамматики и синтаксиса Ф. Малерба от грамматики и синтаксиса французского языка XIX в., причем материал разбит по частям речи и типам синтаксических конструкций¹³. Далее следуют разделы, посвященные орфографическим и произносительным особенностям, свойственным Малербу и его эпохе в целом: *Orthographe* (Malherbe 1862—1869: 5, LXXV—LXXXI); *Prononciation* (Malherbe 1862—1869: 5, LXXXII—LXXXIV). А. Ренье формулирует свои выводы на основании орфографических особенностей рукописей и прижизненных изданий произведений поэта¹⁴, а также соображений, высказанных самим Ф. Малербом в работе «*Commentaire sur les Poètes*». Далее следует небольшой раздел *Versification*, посвященный особенностям стиха Ф. Малерба (Malherbe 1862—1869: 5, LXXXV—LXXXVII). Не претендуя на исчерпывающее описание поэтических новаций Малерба и отсылая своих читателей к опубликованной в первом томе статье «*Vie de Malherbe*» Ракана и работе Сент-Бева

¹³ I. articles et mots partitifs, II. nom ou substantif, III. adjectifs, IV. noms de nombre, V. pronom, VI. verbe, VII. adverbe, VIII. préposition, IX. conjonction, X. interjection, XI. accord, XII. régime, XIII. ellipse, XIV. pléonasme, XV. syllepse ou accord avec la pensée plutôt qu'avec les mots, XVI. construction, XVII. observations divers (в этом разделе даны наблюдения над риторическими особенностями текстов Ф. Малерба: emploi poétique de l'abstrait pour le concret et du concret pour l'abstrait; rapprochements singuliers etc.) (Malherbe 1862—1869: 5, XVII—LXXXVII).

¹⁴ Говоря о прижизненных изданиях Ф. Малерба, А. Ренье отмечает, что, возможно, некоторые орфографические неточности были допущены по вине наборщиков: однако, по его мнению, эти ошибки также заслуживают внимания, так как отражают свойственные эпохе произносительные особенности.

(Sainte-Beuve 1843), А. Ренье приводит классификацию рифм, несвойственных современной ему французской поэзии, однако приемлемых в XVII в. За грамматическим вступлением следует собственно «Словарь языка Малерба». Словник его основан на полном конкордансе к текстам Малерба; в словарной статье есть указания на все контексты употребления. Контексты сопровождаются указанием на номер тома и страницы — все используемые при составлении словаря тексты Малерба опубликованы в первых четырех томах собрания сочинений. Словарная статья построена следующим образом: за заголовочным словом следует его толкование в том случае, если его значение отличается от современного. В случае если слово имеет несколько значений, они указываются одно за другим, обычно без нумерации; нумеруются значения только в словарных статьях, описывающих многозначные предлоги (*à, de, en* и т.д.); иногда все значения не указываются, и перечень контекстов употребления предваряет только краткая ремарка *au sens divers* (в различных значениях). Если есть колебания в роде, они отмечены; также отмечены идиоматизированные сочетания. Комментарии составителя кратки и немногочисленны. Кроме того, несмотря на наличие обширного грамматического вступления, некоторые наблюдения над грамматикой текстов Малерба инкорпорированы в словарь: см., например, статьи *NOMINATIF, GÉNITIF, DATIF, ACCUSATIF*. В ряде случаев, однако не регулярно, А. Ренье использует стилистические и грамматические пометы: *au figuré* и *au propre; actif, passif, neutre* (для характеристики глагола). Приведем в качестве примера словарные статьи *ABSINTHE* и *ABSOLU*:

ABSINTHE (féminin et masculin), peine, amertume.

Que dis-tu de cette belle âme,
Quand tu la vois si dignement
Adoucir tous nos *absinthes* ? (I, 217, vers 198.)

Ce pluriel est un latinisme : voyez Lucrèce, livre I, vers 935.

Tout le fiel et tout l'*absinthe*
Dont un amant fut jamais abreuvé (I, 248, vers 39.)

L'un est parmi du sucre, l'autre parmi de l'*absinthe* ; l'un a conduit l'indulgence de la fortune, l'autre a dompté sa violence. (II, 521.)
Cet *absinthe* au nez de Barbet. (I, 250, vers I ; sur ce bizarre jeu de mots, se rapportant au connétable de Luynes, voyez la notice à la page indiquée.) (Malherbe 1862—1869: 5, 12).

ABSOLU

Vainqueur *absolu* (*complètement vainqueur*). (II, 194 ; voy. I, 149, v. 7.)
LE JEUDI ABSOLU, le jeudi saint, jour où l'on absolvait les pénitents publics :
Je vous envoie un livre fait M. de Boinville, dédié à la Reine, lequel il lui présenta *le jeudi absolu*, en l'église des Feuillants. (III, 302.)
(Malherbe 1862—1869: 5, 12).

Лексикографические принципы, выработанные при подготовке словарей языка мадам Севинье и Малерба, были использованы при составлении других авторских словарей. Кроме словаря языка Малерба Адольфом Ренье-младшим был составлен «*Lexique de la langue de La Bruyère, avec une introduction grammaticale par Ad. Regnier, fils*» (Régnier 1878), опубликованное в третьем томе собрания сочинений Ла Брюйера (La Bruyère 1865—1882). Его брат Анри Ренье (Henri Regnier) также занимался составлением словарей. В 1892 г. в Париже было издано собрание сочинений Лафонтена в 11 т. (La Fontaine 1883—1897), в 10 и 11 тт. которого вошел «*Lexique de la langue de La Fontaine avec une introduction grammaticale, par M. Henri Regnier*». А в 1874—1923 гг. вышло пятитомное собрание сочинений Ларошфуко (La Rochefoucauld 1874—1923), в 3 т. которого вошел «*Lexique de la langue de La Rochefoucauld avec une introduction grammaticale par M. Henri Regnier*». В 1896 г. вышло одиннадцатитомное собрание сочинений кардинала де Ретца (Retz 1870—1920), 10-й т.

которого содержал «*Lexique de la langue du Cardinal de Retz avec une introd. grammaticale par M. Louis-Adolphe Regnier*».

Таким образом, в конце XIX в. во Франции сложилась лексикографическая школа, выработавшая четкие принципы словарного описания идиолекта автора. Созданные в рамках этой школы словари, дополняющие собрания сочинений серии *Grands écrivains de la France* отличаются композиционным единством, основаны на полном словнике и учитывают все контексты употребления лексической единицы в текстах.

Составлением словарей для серии *Grands écrivains de la France* занималась не только семья Ренье. В 1868 г. в Париже был выпущен двухтомный «*Lexique de la langue de P. Corneille: avec une introduction grammaticale. Par Charles-Joseph Marty-Laveaux*». Автор словаря Шарль-Жозеф Марти-Лаво (1823—1899) — архивист-палеограф, занимавший должность секретаря в Школе Хартий¹⁵, позже библиотекаря в Институте Франции — был потомственным лексикографом: его дед Жан-Шарль Тибо де Лаво (Jean-Charles Thibault de Laveux, 1749—1827) был автором знаменитых «*Dictionnaire synonymique de la langue française*» (Paris, 1826) и «*Dictionnaire raisonné des difficultés grammaticales et littéraires*» (Paris 1818; 1822). Шарль-Жозеф Марти-Лаво занимался переизданием трудов своего деда, подготовкой комментированных собраний сочинений Лафонтена, Корнеля и поэтов Плеяды, а также написал работу о французском языке XVI—XVII вв.: «*Etudes de la langue française (XVIe et XVIIe siècle). De l'enseignement de notre langue. La Pléiade. Corneille. Racine. La Fontaine. Molière. Remarques sur l'orthographe française*» (1901). В созданном Ш.-Ж. Марти-Лаво «Словаре языка Корне-

¹⁵ Национальная школа хартий (Ecole nationale des chartes) — учебное учреждение в Париже, специализирующееся на вспомогательных исторических дисциплинах. Была создана в 1821 г. для подготовки архивистов, которые были бы способны обработать национализированные после Революции архивы.

ля» используются лексикографические приемы, выработанные А. Ренье; в предисловии Ш.-Ж. Марти-Лаво благодарит А. Ренье за ценные советы (Marty-Laveaux 1868:1, XXXII).

Своеобразие «Словаря языка Корнеля» — в многочисленных авторских комментариях с цитатами из других словарей, сведениями по источниковедению, цитатами из произведений других авторов XVII в. и т. д. Представление столь разнородного материала в рамках словарной статьи роднит словарь Ш.-Ж. Марти-Лаво с «сопоставительными словарями». См., например, словарную статью *ABUSEUR*:

ABUSEUR, qui abuse, qui trompe

Je dois fuir qui m'en donne (*me donne de l'éloge*), ou ne le regarder
Que comme un *abuseur* qui séduit ce qu'il loue. (VIII, 521. *Imit.* III, 5364)

Ce mot était très-fréquemment employé au seizième siècle dans le style le plus relevé ; Calvin s'en servait aussi bien que Rabelais, et jusqu'au temps de Corneille il a conservé presque toute sa valeur. Voici des passages où il a une grande énergie :

... En ce temps c'est plus de honte d'estre
Mal aduisé qu'ingrat, mal pourouyant que traistre,
Abusé qu'*abuseur*. (D'Aubigné, *Tragiques*, II, p. 75.)
Ta mort, lâche *abuseur*, ne me rend impollue. (Alex. Hardy, *Gésippe*.)

« Venez donc, *abuseurs* publics, toujours contraints, toujours contrefaits. » (Bossuet, *Sermons*, tome XI, p. 186.)

Toutefois on se servait souvent de ce mot en plaisantant en dans le langage de la galanterie. Ainsi dans l'*Astrée* un berger dit en parlant d'une jeune fille plus belle de figure que de son corps : « Son visage « se peut avec raison nommer un *abuseur*. » (Ire partie, livre V, p. 210) (Marty-Laveaux 1868: 1, 21).

Несколькими годами позже Ш.-Ж. Марти-Лаво составил еще один авторский словарь, в котором были реализованы те

же принципы лексикографического описания — в 1873 г. в серии *Grands écrivains de la France* в восьмом томе собрания сочинений Ж. Расина (Racine 1865—1873) был опубликован «*Lexique de la langue de J. Racine avec une introduction grammaticale par M. Ch. Marty-Laveaux, précédé d'une étude sur le style par M. Paul Mesnard*».

II. 2. Дифференциальные словари-комментарии

В 1880—1900-е гг. публиковались также так называемые «пояснительные» авторские словари, ограничивающиеся кратким толкованием устаревших или непонятных современному читателю слов и выражений. Так, в 1880 г. в Париже вышел «*Lexique des oeuvres de Brantôme*». Автор этого словаря Людовик Лаланн (Ludovic Lalanne, 1815—1898), получивший образование сначала в лицее Людовика Великого¹⁶, а потом в Школе хартий, был архивистом-палеографом и библиотекарем в Институте Франции, президентом Французского исторического общества¹⁷. Л. Лаланн принимал участие в издании *Grands écrivains de la France* — именно он готовил для публикации тексты Ф. Малерба (Malherbe 1862—1869). Составленный им словарь к произведениям П. Брантома служит дополнением к подготовленному им же собранию сочинений (Brantôme 1864—1882). В предисловии Л. Лаланн поясняет, что, несмотря на множество словарных работ, описывающих язык писателей и поэтов XVII в., лексическое своеобразие французских литераторов XVI в. обойдено вниманием современных ему лексикографов. Сло-

¹⁶ Находящийся в Париже лицей Людовика Великого (lycée Louis-le-Grand) наряду с лицеями Генриха IV (lycée Henri IV) и Людовика Святого (lycée Saint-Louis) считается самой престижной школой Франции.

¹⁷ Французское историческое общество (Société de l'Histoire de France) было основано в 1833 г. по инициативе Франсуа Гизо и на протяжении более 150 лет играло ведущую роль в подготовке к публикации текстов и документов по истории Франции.

варь к произведениям Брантома (Pierre de Bourdeille, seigneur de Brantôme, 1540—1614) — хрониста придворной жизни времен Екатерины Медичи — и должен восполнить эту лауну. В словарь вошли лексические единицы, не зафиксированные или зафиксированные в другой форме в «Dictionnaire de l'Académie française», — в основном, это архаизмы и заимствования из испанского и итальянского языков. См., например, словарную статью *ASSEMBLÉE*:

ASSEMBLÉE, chasse. Elle (Catherine de Médicis) alloit ordinairement avec luy (Henri II) à l'assemblée du cerf et autres chasses, VII, 345. Cf. Ibid., 399.

— « Je croy, dit Celtophile, que je n'ay pas besoin de vous advertir qu'on dit : le roy est allé à l'assemblée, non pas à la chasse ; car desjà de vostre temps on parlet ainsi» (H. Estienne, p. 265).

В словаре сохранены орфографические особенности Брантома: родом из Перигора (юго-запад Франции), он сохранил свойственные этому региону произносительные особенности, а также отразил в своих текстах некоторые особенности парижского произношения XVI в. В целом, словарь позволяет получить представление о языковом разнообразии французского королевского двора эпохи Возрождения и является своеобразным историко-филологическим комментарием к мемуарам Брантома.

Предлагая в рамках данной работы классификацию французских авторских словарей XIX в. — противопоставляя сопоставительные словари и словари языка одного автора и подразделяя последние на полные словари замкнуто-монографического типа и дифференциальные словари-комментарии — мы столкнулись с определенным родом трудностями. Созданные в XIX в. словари в значительно большей мере, нежели современные словарные проекты, отмечены индивидуальностью составителя и с трудом поддаются классификации. Именно поэтому мы уделили столь

пристальное внимание биографическим сведениям о лексикографах. Некоторые словари едва ли можно отнести к какому-либо словарному жанру: например, оставленный за рамками данного очерка «Dictionnaire des métaphores de Victor Hugo» Ж. Дюваля (Duval 1888), представляющий собой алфавитный перечень слов, употребленных в переносном значении в текстах В. Гюго, с контекстами. Некоторые словари соединяют в себе элементы нескольких словарных жанров: так, например, «Lexique de la langue de Molière» Ш.-Л. Ливе (Livet 1895) является сопоставительным словарем, в котором реализуются принципы лексикографического описания, свойственные полным словарям замкнуто-монографического типа. Однако мы надеемся, что в целом предложенная классификация отражает основные тенденции в развитии жанра авторского словаря во Франции XIX в.

Библиография

Словари

Carpentier 1822 — *Carpentier L. J. M.* Dictionnaire de la langue poétique, précédé d'un nouveau traité de la versification française et suivi d'un nouveau dictionnaire des rimes. Paris, 1822.

Chenevière, Frank 1888 — *Chenevière A., Frank F.* Lexique de la langue de Bonaventure des Periers. Paris, 1888.

Duval 1888 — *Duval G.* Dictionnaire des métaphores de Victor Hugo. Préface de François Coppée de l'Académie française. Paris, 1888.

Génin 1846 — *Génin F.* Lexique comparé de la langue de Molière et des écrivains du XVIIe siècle suivi d'une lettre à M. A. F. Didot sur quelques points de philologie française. Paris, 1846.

Godefroy 1862 — *Godefroy F.* Lexique comparé de la langue de Corneille et de la langue du XVIIe siècle en général. 2 vol. Paris, 1862.

Lalanne 1880 — *Lalanne L.* Lexique des œuvres de Brantôme. Paris, 1880.

Larousse 1866—1877 — *Larousse P.* Grand Dictionnaire Universel du XIXe siècle français, historique, géographique, mythologique,

bibliographique, littéraire, artistique, scientifique etc., etc. 17 vol. Paris, 1866—1877.

Lorin 1852 — *Lorin T.-Q.* Vocabulaire pour les œuvres de La Fontaine ou explication et définition des mots, locutions, formes grammaticales, etc. employés par La Fontaine et qui ne sont pas plus usités. Paris, 1852.

Livet 1895 — *Livet Ch.-L.* Lexique de la langue de Molière comparée à celle des écrivains de son temps avec des commentaires de philologie historique et grammaticale. 3 vol. Paris, 1895.

Marty-Laveaux 1868 — *Marty-Laveaux Ch. J.* Lexique de la langue de P. Corneille: avec une introduction grammaticale. Paris, 1868.

Noël, Carpentier 1831 — *Noël Fr., Carpentier L. J.* Philologie française et Dictionnaire étymologique, critique, historique, anecdotique, littéraire, contenant un choix d'Archaïsmes, de Néologismes, d'Euphémismes, d'expressions figurées ou poétiques, de tours hardis, d'heureuses alliances de mots, de solutions grammaticales etc., pour servir à l'histoire de la langue française. 2 vol. Paris, 1831.

Planche 1819—1822 — *Planche J.* Dictionnaire françois de la langue oratoire et poétique, suivi d'un vocabulaire de tous les mots qui appartiennent au langage vulgaire. 3 vol. Paris, 1819—1822.

Pougens 1821—1825 — *Pougens Ch.* Archéologie française, ou Vocabulaire de mots anciens tombés en désuétude et qu'il seroit bon de restituer au langage moderne, accompagné d'exemples tirés des écrivains français des XIIe, XIIIe, XIVe, XVe et XVIe siècles, manuscrits ou imprimés. Paris, 2 vol., 1821—1825.

Sommer 1866 — *Sommer E.* Lexique de la langue de Madame de Sévigné: avec une introduction grammaticale et des appendices. 2 vol. Paris, 1866.

Научная литература

Гельгардт 1983 — *Гельгардт П. П.* Словарь языка писателя: К истории становления жанра // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин, 1983. С. 18—35.

Саводник 1904 — *Саводник В. Ф.* К вопросу о Пушкинском словаре. СПб., 1904.

Шестакова 2011 — *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография. Теория, история, современность. М., 2011.

Brantôme 1864—1882 — *Brantôme, P. de Bourdelle* Œuvres complètes de Pierre de Bourdelle seigneur de Brantôme / publiées d'après les manuscrits avec variants et fragments inédits pour la Société de l'Histoire de France par Ludovic Lalanne. 11 vol. Paris, 1864—1882.

Brunot 1948 — *Brunot F.* Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. XII : L'époque romantique. Paris, 1948.

Chervel 1986 — *Chervel A.* Les auteurs français, latins et grecs au programme de l'enseignement secondaire, de 1800 à nos jours. INRP, 1986

Des Périers 1873 — *Des Périers B. L.* Cymbalum mundi / texte de l'édition princeps de 1537 avec notice, commentaire et index par Félix Frank. Paris, 1873.

La Bruyère 1865—1882 — *La Bruyère J. de* Œuvres de La Bruyère / nouvelle édition, revue sur les plus anciennes impressions et les autographes et augmentée de morceaux inédits, des variantes, de notices, d'un lexique des mots et locutions remarquables etc. par M. Servois. 4 vol. Paris, 1865—1882.

La Fontaine 1883—1897 — *La Fontaine J. de* Œuvres de J. de La Fontaine / nouvelle édition revue sur les plus anciennes impressions et les autographes, et augmentée de notices, de notes, d'un lexique des mots et locutions remarquables etc., par M. Henri Régnier. 11 vol. et 1 album. Paris, 1883—1897.

La Rochefoucauld 1874—1923 — *La Rochefoucauld F. de* Œuvres de La Rochefoucauld / nouvelle édition revue sur les plus anciennes impressions et augmentée de morceaux inédits, des variantes, de notices, de notes, de tables particulières pour les «Maximes» et pour les «Mémoires», d'un lexique des mots et locutions remarquables, d'un portrait, de fac-similé, etc. par MM. D. L. Gilbert et J. Gourdault. 4 vol. Paris, 1874—1923.

Leroy 2002 — *Leroy M.* La littérature française dans les instructions officielles au XIXe siècle // Revue d'histoire littéraire de la France. Paris 2002/3. Vol. 102. Pp. 365—387.

Malherbe 1862—1869 — *Malherbe F.* Œuvres de Malherbe / recueillis et annotés par M. Lalanne. 5 vol. Paris, 1862—1869.

Racine 1865—1873 — *Racine J.* Œuvres de J. Racine / nouvelle édition revue sur les plus anciennes impressions et les autographes et augmentée de morceaux inédits, des variantes, de notices, de notes, d'un lexique des mots et locutions remarquables, d'un portrait, de fac-similé, etc. par Paul Mesnard. 8 vol. et 2 albums. Paris, 1865—1873.

Retz 1870—1920 — *Retz, cardinal de* Œuvres du cardinal de Retz / nouvelle édition revue sur les plus anciennes impressions et les autographes et augmentée de morceaux inédits, des variantes, de notices, d'un lexique des mots et locutions remarquables, d'un portrait, de fac-similé, etc. 11 vol. Paris, 1870—1920.

Sainte-Beuve 1843 — *Sainte-Beuve Ch.-A.* Tableau historique et critique de la poésie française et du théâtre français au XVIe siècle. Paris, 1843.

Sévigné 1862—1868 — *Sévigné M.* Lettres de Madame de Sévigné, de sa famille et de ses amis / recueillies et annotées par M. Monmerqué. 14 vol. Paris, 1862—1868.

Wallon 1902 — *Wallon H.* Notice sur la vie et les travaux de M. Jacques-Auguste-Adolphe Régnier, membre ordinaire de l'Académie // Compte rendu des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Vol. 46. Paris, 1902. Pp. 604—647.

N. Kareva. Author's lexicography in France of the 19th century

19th century is a very important period in the development of French lexicography: apart from encyclopedias and standard language dictionaries, various specialized dictionaries were created, including first dictionaries of a writer's language. In the present paper we provide a description of the different types of writer's dictionaries, present the structure of an entry, and inform about author's biographies.

Е. А. Иноков*

Польская авторская лексикография: словарь Яна Хризостома Пасека

Ключевые слова: польская авторская лексикография, словарная статья, метаязык, пометы, Ян Хризостом Пасек.

В статье рассматриваются источники и основные принципы организации материала в авторском словаре Яна Хризостома Пасека. Приводится структура словарной статьи, список метаязыковых знаков и лексикографических помет в этом словаре.

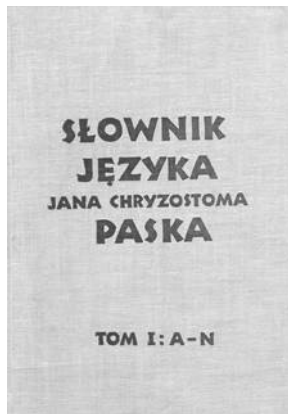

Рисунок 1

* Егор Андреевич Иноков, магистрант кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ. Электронная почта: fnb_ekb@hotmail.com

Словарь языка Яна Хризостома Пасека (ок. 1636—1701) был составлен Отделом истории польского языка Института языкознания Польской Академии Наук в Варшаве. Одной из задач отдела была обработка лексического материала XVII века. Поэтому было решено начать работу с составления словаря языка Яна Пасека, одного из самых примечательных авторов в польской литературе XVII века. Работа над словарем продлилась почти десять лет: в 1965 году вышел первый том (см. рисунок 1), в 1973 — второй.

Главными редакторами словаря были лингвист (автор работ по фонетике и диалектологии), профессор Варшавского университета, руководитель Отдела истории польского языка Польской академии наук Галина Конечная (1899—1961) и лексикограф (редактор Словаря польского языка (1958—1969)), профессор Варшавского университета, руководитель Института польского языка Польской академии наук Витольд Дорошевский (1899—1976). Заместителями были Станислав Скорупка (1906—1968) и Саломея Шлиферштейнова (1919—1994), руководители Отдела истории польского языка Польской академии наук.

Единственное дошедшее до нас произведение Яна Хризостома Пасека — это его «Мемуары», которые были им написаны в конце XVII века. Основным источником, откуда был взят материал для словаря, стала копия его «Мемуаров», которая была сделана в середине XVIII века. Сейчас она хранится в Национальной библиотеке в Варшаве (rkps BN Pol. F, IV, 104). Авторы словаря работали с фотокопией данной рукописи, что могло вызвать в некоторых случаях неточности в восприятии материала.

Это произведение примечательно, прежде всего, своим литературным стилем. Ян Пасек — это создатель одного из типичных, на сегодняшний день, жанров польской литературы, жанра «гавенды» — рассказа, имитирующего живое повествование. Отличительной чертой этого жанра является частое обращение к разговорной лексике: писатель записывал воспоминания о военных походах, приключениях, интригах, пирушках живым

польским языком, в виде монолога, использовал также латинизмы и диалектизмы. Это обуславливает то лексическое разнообразие, которое мы встречаем в его «Мемуарах».

Текст рукописи, по словам авторов словаря (Śl. j. J. Ch. Paska. t. I., VIII), немного повреждён и местами не очень старательно переписан (встречаются ошибки, пропуски, повторения и т. п.). В ряде спорных случаев авторы словаря обращались к полемике в критической литературе (труды Я. Чубека, В. Чаплинского, Р. Полляка), чтобы установить правильную форму заголовочного слова, или в тех случаях, когда текст был пропущен или повреждён.

При составлении словаря авторы обращались к ряду других лексикографических трудов. Так, Словарь старопольского языка («Słownik staropolski») был необходим для установления правильного толкования некоторых слов. К Словарю старочешского языка («Slovník staročeský») авторы обратились, чтобы прояснить некоторые диалектизмы и чешские заимствования, встретившиеся в «Мемуарах». Авторы словаря также учли опыт, накопленный при работе со словарём Адама Мицкевича («Słownik języka Adama Mickiewicza»), который на этот момент уже находился в печати.

Во вступительной статье авторы объясняют, по каким принципам собиралась словарная база. В первую очередь, это весь польский лексический материал, а также сильно полонизированные латинские заимствования (как правило, латинские существительные, склоняющиеся по польским падежным парадигмам). Кроме того, в словарь были включены некоторые имена собственные и топонимы (напр., составные топонимы, как BIAŁA RUŚ, названия народностей, имеющие переносное значение, как WĘGRZYN — это как 1. «Венгр», так и 2. «слуга, гайдук в венгерском костюме»; названия с модифицированным аффиксами значением, либо просто синонимы с разной морфемной структурой, напр., MOSKAL, MOSKWIĘCIN; а также некоторые суффиксальные дериваты от топонимов: MALIBORCZYK от

Malibor; наименования людей, происходящие от фамилий, напр., CZARNIECCZYK от Czarniecki; деминутивы, напр., ANDRYŚ от Andrzej, MARYSIA, MARYSIENKA от Maryja, отражающие словообразовательные модели польского языка XVII века. В словарь не были включены имена святых и божеств, исторических, библейских, мифических героев, не имеющие переносного значения и не входящие во фразеологические обороты; названия народностей, местностей, рек, островов, озёр, и т. д., не вносящие ничего нового в лексический состав (с точки зрения семантики, словообразования или морфематики).

Обратимся к структуре словарной статьи. Словарная статья включает:

1) Заголовочное слово (основная форма слова; сохранены фонетические и орфографические варианты). Это, в основном, отдельные слова; омонимы разделены на отдельные словарные статьи, напр.: сущ. NAPAŚĆ и гл. NAPAŚĆ. Если союз в тексте пишется слитно с частицей, напр., BOĆ, JAKBY, LUBOBY и так далее, сохранено авторское написание, составные союзы рассматриваются как отдельные заголовочные единицы. Так же оформлены сочетания предлогов с местоимениями, напр., DLACZEGO, NADTO, и предлогов с предлогами, напр., DOKOŁA, NAKOŁO. Отдельными заголовочными словами в словаре Яна Пасека также считаются существительные, прилагательные, местоимения и наречия с отрицанием, например, NIPODOBIENSTWO, NIEBRONNY, NIEKTÓRY, NIEDAWNO и т. п.

В качестве отдельных заголовочных слов не выносятся причастия и деепричастия — они входят в словарную статью соответствующего глагола. Если в материале словаря есть только причастие, и нет никаких других форм глаголов, в заголовке реконструируется форма глагола: APROBOWAĆ, APROBOWANY (1) глг. «признать хорошим, подтвердить».

Если в словарном материале встречается только фразеологизм, а существительное или прилагательное вне него не зафиксировано, возможны два варианта:

а) В заголовок выносится существительное, например: CWAŁ «самый быстрый бег коня», NA CWAŁ «очень быстро, галопом»;

б) Фразеологизм даётся как подзаголовок слова-компонента фразеологической единицы, зафиксированной в материале. Например, BIAŁA GŁOWA («женщина») под GŁOWA, BIAŁE JEZIORO («безопасное место») под JEZIORO, однако BIAŁA CERKIEW, BIAŁA RUŚ под BIAŁY. Варианты заголовочных слов отсылаются к основной форме слова (это форма, чаще всего использованная автором), например, CYSARZ отсылает к CESARZ.

2) Статистические данные (напр., INSUŁA (3), где 3 — количество словоупотреблений в тексте «Мемуаров», или BRODA (9) — статистические данные всегда заключены в круглые скобки).

3) Грамматические пометы — после каждого заголовочного слова приводится соответствующее сокращение, с помощью которого это слово относится к определённой части речи (напр., *BURDZIADEK (1) *rz m*, где *rz* означает существительное, а *m* — мужской род; BRONIĆ (13) *cz*, где *cz* означает глагол).

4) Толкования значения (лексико-семантические варианты даются по порядку их появления в тексте). В большинстве случаев — это лексические толкования, дополненные указанием синонимов. Также используются структурные определения, напр., в случае производных слов (DZWONEK как уменьш. от «dzwon»), либо у некоторых прилагательных (BUDZISZOWSKI как прилагательное от названия деревни «Budziszowice»), пометы, указывающие на эмоциональную ценность значения слова или оттенка его значения (BABA как усилит. «женщина») и синтаксические толкования (прежде всего, для определения местоимений, союзов и предлогов). Отдельные значения пронумерованы арабскими цифрами. Переносные значения даются без цифры с новой строки после вертикального ромба и сокращения $\diamond$ *przen.* (напр., см словарную статью GRAD, где после пометы $\diamond$ *przen.*

«bardzo duża ilość czego, mnóstwo, chmara» («очень большое количество чего-то, множество, туча»).

5) Фразеологические обороты с заголовочным словом (если встречается в тексте). Фразеология, как правило, разрабатывается с опорой на существительное (если оно входит в состав выражения или оборота), напр., «*łusty chleb*», «*darmo chleb jadać*» см. под заголовочным словом CHLEB. Если в состав выражения входят два существительных, то весь оборот можно найти под главным существительным, напр., «*chwała Bogu*» — см. под CHWAŁA. Если же в обороте появляется заимствованное слово — то под польским словом, напр., «*dać o sobie rationem*» — см. под DAĆ. Под всеми другими значимыми членами фразеологического оборота даются ссылки на заголовочное слово.

6) Цитаты, иллюстрирующие значение заголовочного слова. В качестве цитат выбраны как можно более короткие предложения, которые показывают также оттенки значения, интересные фразеологические обороты и флективные формы, характерное синтаксическое употребление. При подаче цитат сохранена оригинальная орфография и пунктуация рукописи, а также очерёдность их появления в тексте. Дополнительно указана локализация примеров (напр., в словарной статье GRAD: *Kiedy poczną ognia dawac kiedy poczną parzyc zdział iako grad kule leca.* 94r; 59r, где 94 и 59 — номера страниц, а r — положение на страницах, в данном случае с правой стороны).

7) Этимологическое пояснение (как правило, для заимствованных слов: указание на язык, из которого заголовочное слово могло прийти в польский язык Яна Пасека; см напр., словарная статья INSUŁA: <*łac. insula*>, где *łac.* — это латынь).

8) Список грамматических форм. Для документального подтверждения грамматических форм, которые встречаются в словаре, авторами были выписаны слова целиком. Особенно это актуально в случае, когда в тексте «Мемуаров» встречаются словоформы, нетипичные для парадигм флексии нормативно-польского языка XVII в. Это могут быть как фонетические

девиации, так и диалектные формы, например, *jestem* || *jezdem*; *wziął* || *wzioł* || *wzion* и т. п.; варианты отделены двумя параллельными чертами ||.

В тексте словаря также используется удобная система ссылок. Ссылки даются к установленной на основе рукописи и критических изданий форме слова от всех орфографических вариантов, встречающихся в рукописи (напр., NIMERA см. CHIMERA), от формы, изменённой в печатных изданиях (напр., BURDZIAK см. *BURDZIADEK), от нормативной польской формы, XVII века или современной (напр., GARDŁO см. GARŁO), от слов, изменённых в рукописи копиистом (STANCYJA см. DYSTANCYJA).

Чтобы проиллюстрировать данные положения, обратимся к одной из словарных статей <подчеркивание добавлено нами — Е. И.>:

AFLIKCYJA (2) *rz ż tu tylko w lm* «dolegliwości, utrapienia»: *Taki Człowiek wielkiego iest u Nieba Waloru y respektu na ktorego lubo przykre przychodzą afflikcyie y Sam Bog swemi potwierdza tego słowy Quem amo Castigo [kogo miłuję, tego karce]. 149ar. Pokornie Supplikując że by nas w kozdych afflikcyach a osobliwie w chorobach z Swoiey Oycowskiej niewypuszczał opieki. 281r. <lat. afflictio>*

formy: lm. M. afflikcyje 149ar; Ms. afflikcyjach 281r.

Таким образом, AFLIKCYJA выступает в качестве заголовочного слова. Стоит отметить, что это — латинское существительное, склоняющееся по польской падежной парадигме, в отличие от приведённых в иллюстрации латинского местоимения «Quem» и двух глаголов «amo» и «Castigo», которые Ян Пасек использует в составе одного латинского выражения, без изменений (поэтому они не войдут в корпус данного словаря). Сразу за заголовочным словом следуют статистические данные: (2) — количество словоформ заголовочного слова в тексте «Мемуаров». Далее следуют пометы, которые относят заголовочное

слово к грамматическому классу: *rz* для обозначения существительного, *ż* для женского рода; на число указывает помета *tu tylko w lm* («здесь только в множественном числе»). После этого авторы словаря дают в кавычках перевод заголовочного слова: «dolegliwości, utrapienia», за переводом даны иллюстрации обеих встретившихся в тексте словоформ. В первой иллюстрации встречается латинское выражение «Quem amo Castigo», которое авторы, для облегчения работы со словарём, переводят на польский язык. Перевод дан в квадратных скобках: [кого miłuję, tego karce]. За каждым из примеров следует его локализация: 281r (страница и положение на странице рукописи; в данном случае *r* для правой стороны). После иллюстраций находятся этимологические пояснения, данные в треугольных скобках <lat. afflictio>, в которых указан язык, из которого было заимствовано заголовочное слово, а также его оригинальное написание. В конце словарной статьи мы находим список грамматических форм (приводятся в современной орфографии), который сопровождается пояснением в виде помет. В данном случае это *lm. M. и Ms.* (мн. ч., Им. и Пред. пад.). Также дана локализация каждой из двух словоформ: 149ar, 281r.

Рассмотрим еще одну словарную статью, данную на рисунке 2 в качестве примера. GRAD выступает в ней в качестве заголовочного слова; в круглых скобках указано количество словоупотреблений в «Мемуарах», сокращения *gz* и *m* означают принадлежность слова к одной из частей речи (в данном случае, существительное) и к мужскому роду соответственно. Далее дается толкование на современном польском языке «rodzaj opadu atmosferycznego» («вид атмосферных осадков»).

Затем даются семантические пояснения конкретных словоупотреблений: $\diamond$ *fraz.* отделяет значение, выступающее во фразеологической единице и поясненное толкованием «Jako grad “gęsto”» («интенсивно, как град»); после пояснения дано количество словоупотреблений в этом значении, (2), затем значение

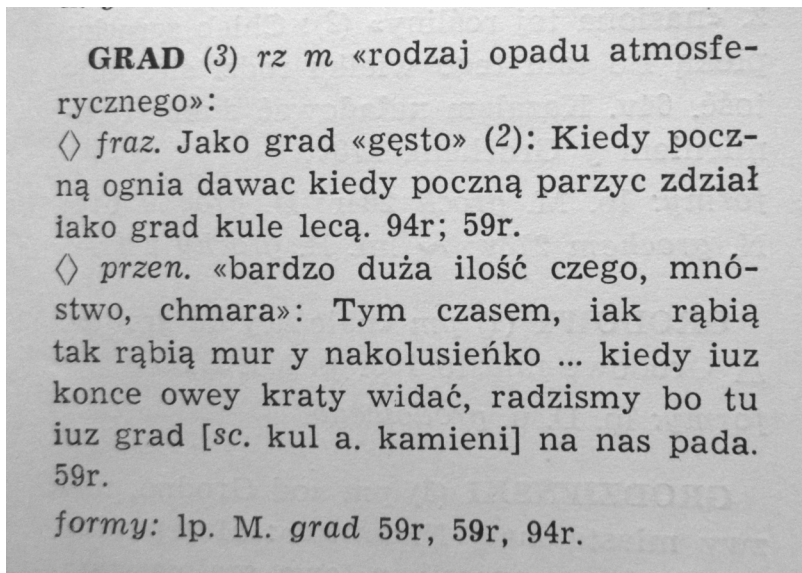

Рисунок 2

проиллюстрировано цитатой: «Kiedy poczną ognia dawac kiedy poczną parzyc zdział iako grad kule leca». Цитата локализована сокращением 94r, где 94 — это страница, а r — положение на правой стороне страницы; за локализацией цитаты дается ссылка к словоупотреблению в тексте в том же значении по той же модели — 59r.

В следующем абзаце, после ромба и сокращения ◇ *przen.* приводится толкование переносного значения «bardzo duża ilość czego, mnóstwo, chmara» («очень большое количество чего-то, множество, туча»). Переносное значение проиллюстрировано цитатой: «Tym czasem, iak rąbią tak rąbią mur y nakolusieńko ... kiedy iuz konce owey kraty widać, radzimy bo to iuz grad [sc. kul a. kamieni] na nas pada.» Указана также локализация цитаты — 59r.

В конце словарной статьи, после пометы *formy*, дается перечисление грамматических форм лексемы в тексте «Мемуаров».

В данном случае, это только единственное число (в сокращении lp.), именительный падеж (сокращение M.), приводится словоформа *grad* и локализация примеров, содержащих именно эту словоформу: 59r, 59r, 94r.

Словарь языка Яна Хризостома Пасека стал важной вехой в развитии польской лексикографии, вобрав в себя, с одной стороны, опыт словаря языка Пушкина, а с другой — словаря языка Мицкевича. Он был первым опытом описания лексики XVII века, а также первым законченным словарем языка автора и конкретного текста. Специфика словаря, разговорный язык писателя с оттенком диалектной речи и жанр повествования обусловили выбор лексикографических помет (так, например, авторы словаря использовали специальные знаки для ошибочных или повреждённых записей [!], для указания на то, что в тексте слово или его часть записаны два раза [...], для обозначения диалектных вариантов и параллельных форм ||, и так далее), а сравнительно небольшой объем творческого наследия Яна Пасека, его «Мемуаров», сделал возможным очень тщательную разработку материала и позволил включить его целиком в лексикографический труд с незначительными сокращениями.

Приложение. Метаязыковые знаки

При описании помет и метаязыковых знаков мы обращались к сходному описанию в русской лексикографической традиции (Сл. РЯ XVIII в.).

- * — означает предположительную форму слова
- « » — выделяет определение
- < > — выделяет этимологические пояснения слова
- ◇ — выделяет фразеологию, пословицы, переносные значения
- Δ — отделяет фразеологические группы, следующие после первой, а также словосочетания, имеющие свой собственный оттенок значения

( ) — указывает на дополнительные объяснения, сужающие дефиницию

= — знак равенства (при указании этимологии слова)

[ ] — в цитатах выделяет редакторские замечания (перевод латинских выражений, дополнение содержание цитат, правильную форму повреждённого слова)

[!] — отмечает ошибочные или повреждённые записи

[...] — указывает на то, что в тексте слово или его часть записаны два раза

... — отмечает пропуск части цитируемого текста

|| — означает в перечне форм слова параллельные формы

~ — отделяет подгруппы форм слова (иногда семантические или синтаксические подгруппы)

— — перед окончанием

Список помет

Грамматические пометы:

Части речи:

• cz — глагол	• pt — частица
• im. wł. — имя собственное	• rz — существительное
• lcz — числительное	• sp — союз
• pi — предлог	• wk — междометие
• pm — прилагательное	• zi — местоимение
• ps — наречие	

Флексия:

• B. — винительный падеж	• cz. przy — будущее время
• bezok. — инфинитив	• cz. zaprze. — предпрошедшее время
• blm — нет множественного числа	• D. — родительный падеж
• C. — дательный падеж	• im.bier. — страдательное причастие
• cz. prze — прошедшее время	• im. czyn. — деепричастие

• im. czyn. — деепричастие	• ndm. — неизменяемое
• im. wsp. — причастие наст. вр.	• nmos. — женско-вещная форма
• im. uprz. — причастие прош. вр.	• nieos. — безличная форма
• lm. — множественное число	• os. — лицо
• lp. — единственное число	• ź, ź. — женский род
• lpdw — двойственное число	• st. nwyż. — превосходная степень

M. — именительный падеж

• m. — мужской род	• st wyż. — сравнительная степень
• marg. — отклоняющаяся форма	• tr. przyp. — сослагательное накл.
• mnos. — мужская неличная форма	• tr. rozk. — повелительное накл.
• mos. — мужская личная форма	• W. — звательный падеж

Стилистические пометы:

• dial. — диалектное	• rub. — просторечно
• iron. — иронично	• wojsk. — военный термин
• lekc. — пренебрежительно	• wzmochn. — усил. форма
• pieszcz. — ласкательно	• zbior. — собирательно
• pogard. — презрительно	• zdr. — уменьшительно
• pouf. — фамильярно	• zgr. — увеличительно
• prawn. — юридический термин	• żart. — шутливо
• relig. — религиозный термин	

Функциональные сокращения:

• a. — или	• pyt. — вопросительный
• dosł. — дословно	• r — recto, на правой стороне рукописи
• dźw.-naśl. — звукоподражание	• sc. — scilicet, то есть
• f — в функции	• w zd. bezpodm. — в безличном предложении
• p. — смотри	• v. — verso, на обратной стороне рукописи
• przen- — переносное значение	• zam. — вместо
	• zn. — значение

Кроме них, используются этимологические пометы, в том числе обозначающие язык, из которого заимствовано слово (напр., gos.).

Библиография

Словари

Сл. РЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1—6. Л., 1984—1991. Вып. 7—21. СПб., 1992—2015.

Sł. j. J. Ch. Paska. t. I., VIII — Słownik języka Jana Chryzostoma Paska, tom I-II. / Red. H. Koneczna. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965—1973.

Научная литература

Ссорина 2011 — Ссорина М. С. Словарь как мультиструктурная организация // Ярославский педагогический вестник. 2011. №1. Т. I (Гуманитарные науки). С. 142—146.

Шестакова 2011 — Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

E. Inokov. Polish author lexicography. Jan Chryzostom Pasek Dictionary

The article considers the polish author dictionary structure on the basis of Jan Chryzostom Pasek dictionary. Dictionary's sources, entry structure, special glosses and labels are in the focus of this suvey.

Т. Е. Аникина*

Двуязычная авторская лексикография: словарь трилогии Марии Пуймановой

Ключевые слова: авторская лексикография, двуязычная лексикография, Б. А. Ларин. Межкафедральный словарный кабинет.

Двуязычный авторский словарь объединяет в себе словарь авторский и словарь толковый и является глубоким исследованием творчества писателя и его мировоззрения, а также национального языка. По своему предназначению такой словарь позволяет сравнить два языка, две ментальности, две культуры. В статье показаны особенности двуязычной авторской лексикографии на примере словаря трилогии Марии Пуймановой.

При всей интенсивности лексикографических разработок, которые существуют в настоящее время в России, при всем многообразии издаваемых словарей существуют определенные лакуны. Речь идет о двуязычной авторской лексикографии, теоретической разработкой и практическим воплощением которой занимается группа лексикографов филологического факультета СПбГУ. Двуязычная писательская лексикография, в том виде, в котором она разрабатывается в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина (далее — МСК), как бы заполняет собой некий пробел, существующий в настоящее время в авторской лексикографии.

---

* Татьяна Евгеньевна Аникина — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: anikina.tatiana@mail.ru

В основе идеи создания двуязычных словарей языка писателя лежит мысль Л. В. Щербы о создании толковых иностранных словарей на языке учащихся. «Радикальным решением вопроса <усовершенствования двуязычной лексикографии — Т. А.> явилось бы, по-моему, <...> создание толковых иностранных словарей на родном языке учащихся, где, конечно, могли бы фигурировать и переводы слов во всех тех случаях, когда это упрощает толкование и нисколько не вредит познанию настоящей природы иностранного слова... Но этот тип словаря еще надо выработать» (Щерба 1974: 301). Сам Л. В. Щерба эту идею, к сожалению, не осуществил. Идея Л. В. Щербы была подхвачена Б. А. Лариным и его учениками. В МСК началась работа над созданием двуязычных писательских словарей.

В качестве материала для лексикографического описания были выбраны авторы и произведения, в которых наиболее полно отразился язык эпохи. Это были роман Анны Зегерс «Мертвые остаются молодыми», творчество Степана Митрова Любиши, роман Иво Андрича «Мост на Дрине», поэзия Николая Вапцарова. Для чешско-русского объяснительного словаря была избрана трилогия Марии Пуймановой «Люди на перепутье», «Игра с огнем», «Жизнь против смерти». До сих пор увидел свет только ряд выпусков словаря Н. Вапцарова. Работа авторов-составителей двуязычных словарей языка писателя получила теоретическое осмысление в коллективной монографии «Очерки лексикографии языка писателя. Двуязычные словари» (Очерки 1981).

Останавливаясь на личности Марии Пуймановой, составители чешско-русского словаря руководствовались тем фактом, что в её творчестве со всевозможной полнотой отразился язык Первой республики, времени, когда Чехия в 1918 году наконец-то получила самостоятельность и была образована Чехословацкая республика. Творчество писательницы проделало путь от модернизма к реализму, что было свойственно многим талантливым писателям XX века. Кроме того, М. Пуйманова

начинала как писатель-импрессионист, а импрессионизм оказался для чешской литературы этого периода продуктивным стилем (Аникина 2001: 6). Писательницу с детства окружали люди, живущие активной интеллектуальной жизнью, тонко чувствующие национальный язык и понимающие национальную культуру. Так, ее отец, Камил Геннер, был преподавателем церковного права Карлова университета в Праге, дед по матери, Йозеф Милд, был адвокатом и старочехом¹ по убеждениям. Его жена, бабушка писательницы, принимала активное участие в патриотическом движении середины XIX века в Чехии. Такое окружение оказало влияние на богатство языка писательницы, на ее образную систему. Следует вспомнить, что чешский язык и культура в XIX веке переживали период национального возрождения. После потери самостоятельности в 1620 году в битве при Белой горе во время тридцатилетней войны Чехия вошла в состав Габсбургской монархии, лучшие представители ее дворянства были казнены на Староместской площади, чешский язык в течение почти двух столетий существовал в основном в устной форме (Лилич 1982). Конечно, к XX веку процесс национального возрождения культуры и тем более языка закончился, о чем свидетельствует творчество таких всемирно известных и читаемых авторов как Я. Гашек, К. Чапек, В. Незвал и др., но культурная среда, в которой росла писательница, безусловно, сказалась на богатстве языка ее произведений, и в первую очередь, на лексике. Романы писательницы, которые служат материалом для словаря, увидели свет с интервалом в пятнадцать лет (1937—1952).

Следуя замыслу Б. А. Ларина, двуязычные словари языка писателя продолжают, в видоизмененном виде, конечно, идеи, которые легли в основу Словаря автобиографической трилогии М. Горького (далее — САТГ). Одним из основных принципов составления САТГ и вслед за ним двуязычных словарей

¹ Старочехи — члены Чешской национальной партии (1860—1918).

языка писателя является принцип полноты описания. И здесь его составители следуют за идеями А. А. Шахматова. Полнота словаря определяется по четырем параметрам: 1) по словнику, т. е. предметом лексикографического описания становятся не только все значимые, но и все служебные части речи во всех своих употреблениях; 2) по полноте грамматической и стилистической квалификации; 3) по полноте разработки значений и их применений; описываются все виды образной реализации слова и все типы фразеологических единиц, встречающихся у автора; 4) по полноте цитации (САТГ 1974: I, 9), важность которой подчеркивал в свое время А. А. Шахматов.

Структура словарной статьи двуязычного объяснительного авторского словаря непривычна. В ней приводится заголовочное слово на языке оригинала; грамматические пометы, толкование и перевод — на русском языке; иллюстрирующие цитаты на языке оригинала²:

REALKA, ж. *Среднее учебное заведение с преобладанием в программе точных и естественных наук; реальное училище.* Když slečna Kazmarová vyučovala v kostelské reálce, nemusela se tak hlídat jako na pražském dívčím gymnáziu. Н 219. [Когда Ева Казмарова преподавала в Костелецком реальном училище, ей не приходилось так следить за собой, как в Пражской женской гимназии (Пуйманова 1960: II, 240)].

Так реализуется идея Л. В. Щербы о «толковом словаре на языке учащегося». Двуязычный объяснительный словарь, в какой-то мере объединяет в себе словарь авторский и словарь толковый. «Будучи словарями речи, двуязычные словари языка писателя

² Русский текст в квадратных скобках не является частью словарной статьи. Здесь и далее приводятся переводы иллюстрирующих цитат по русскоязычному собранию сочинений М. Пуймановой (Пуйманова 1960).

имеют существенное значение для изучения национальных общелитературных языков. Они являются тщательнейшим описанием семантико-стилистической системы писателя, а в качестве таковых показывают, «как в речевой системе писателя происходит, во-первых, отражение литературного языка определенной эпохи, а во-вторых, реализация семантико-стилистических, словообразовательных и других потенциалов общелитературной системы» (Очерки 1981: 13).

В связи с этим возникает ряд проблем. Во-первых, если в картотеке словаря не представлено нейтрально-номинативное значение литературного языка, лексема реализуется в авторской речи только в образных употреблениях, или в ФЕ, то возникает вопрос: в каком порядке должны следовать иллюстрации? Следуя логике авторского словаря, в начале словарной статьи следует поместить наиболее яркие авторские употребления. Если же подчиняться принципам толкового словаря, то лучше начать словарную статью с общеупотребительного образа, и последнюю цитату сделать первой.

REFLEX, м. *Непроизвольная реакция живого организма на внешнее раздражение; рефлекс.* > **Gamzovský reflex**. *Об остром чувстве справедливости, стремлении к правде у членов семьи Гамзы.* “—Až přijde válka, bude líp”. “Co to povídáte?” “Bat` ubude lidí. Nebudeme se starat, dostaneme jíst, budeme válčit”. Helenku strhl **gamzovský reflex**. Zavolala z dívčího kouta směšně nahlas, jako člověk, který se protrhl z dřimoty: “Vždyt` vás zabijou!” L 354. [«---Начнется война, будет легче». «Что ты только говоришь!» «Ну да, убудет людей. Меньше станет хлопот, получим еду, будем воевать». В Елене заговорила дочь Гамзы <В Елене пробудился гамзовский рефлекс» — Т. А.>. Она громко крикнула из своего угла, как человек очнувшийся от дремоты: «А если вас убьют?» (Пуйманова 1960: I, 440)]. > **Kazmarovský reflex**. *О привычном страхе перед наказанием, прививавшемся рабочим фабрики Казмара.* Co jsem provedl, že mě volá na koberec, pomyslí Ondřej, když ho Sofija Alexandrovna k sobě pozvala. Ozval se v něm

kazmarovský reflex. Proč by člověka volali? Aby mu vynadali, pro co jiného. Ž 33 [«Что же я натворил, за что она вызывает меня к себе на расправу?» — подумал Ондřejей, когда Софья Александровна пригласила его в свой кабинет. В нем ожил рефлекс, воспитанный Казмаром: к начальству человека зовут для нагоняя, больше ни за чем (Пуйманова 1960: III, 47)]. > **Lékarský reflex.** Мгновенный порыв, в первую очередь свойственный врачам, оказать помощь пострадавшему. Helenka sebou cukla běžet k ní [cikance] s první pomocí — to už je takový **lékarský reflex.** Ž 134. [Елена невольно сделала движение, чтобы подбежать к ней и оказать первую помощь. Такова уж сила профессиональной привычки <в ней сработал рефлекс врача — Т. А.> (Пуйманова 1960: III, 189)].

Второй вопрос заключается в том, следует ли давать толкование слова, присущее литературному языку или ограничиться только авторским значением.

REFERENT, м. > **Divadelní referent.** Журналист, освещающий события театральной жизни; театральный рецензент; театральный критик. “Já jsem Gamza, **divadelní referent** “Ranních novin”, pronesl Stán’ a s plným sebevědomím člověka, který už napsal pět kritik. Н 34. [«Моя фамилия — Гамза, театральный рецензент из «Утренней газеты», — произнес Станя с достоинством человека, который написал уже пять критических статей (Пуйманова 1960: II, 37)]. — Vyslovil pak nepřijemným strojeným zvukem. “Já už přese nejsem divadelní referent.” Н 201. [-- Сказал он наконец неприятно деланным тоном. «Ведь я больше не театральный критик» (Пуйманова 1960: II, 221)]. — в контексте сопоставления с опущением определения. Dlouho tomu ani nevěřil, že on, Stán’ a -- je nyní doopravdy velký, že chodí na redakční místo na prvním balko‘ně jako ostatní, skuteční **referenti**, že ho tisknou a že ho berou vážně. Н 32. [Долгое время ему все еще не верилось, что он, Станя, -- теперь действительно взрослый, что он как и другие настоящие рецензенты, ходит в театр на места, отведенные для журналистов на первом

балконе, что его печатают и принимают всерьез (Пуйманова 1960: II, 35)]. — в образном контексте — Divadlo stojí a padá s hercem, nestačí odbýt ho nějakou uznalou větíčkou na konci literárního článku, jaké většinou píší divadelní referenti. Н 32. [Театр возносится и гибнет с артистом. Недостаточно подарить артисту пустую фразу признания где-нибудь в конце литературной статьи, как это делают в большинстве случаев театральные рецензенты (Пуйманова 1960: II, 35)].

Здесь возникает вопрос, стоит ли помещать определение прямого значения слова **referent** (*газетный сотрудник, добывающий информацию о происшествиях и событиях местной жизни; журналист, корреспондент, обозреватель, репортер*) после грамматических помет перед связанным сочетанием терминологического характера, в котором лексема употреблена в авторском тексте.

Словарные статьи двуязычных толковых словарей языка писателя построены таким образом, что они показывают логику создания словесного образа. Как правило, это движение от нейтрального словоупотребления к сравнению, затем к метафоре, подчас одноклассной, и к эстетическому значению слова, к авторскому концепту. Авторское преобразование слова актуализирует потенции, содержательную сторону слова (Кацнельсон 1965: 8), дальнейшие значения (Потебня 1958: I, 19), заложенные, «спрятанные» в общенациональном языке. Все это ярко показано в словарной статье двуязычного писательского словаря.

Кроме того, двуязычные авторские словари отражают креативность художественной речи. Они описывают и комментируют авторский стиль, демонстрируя не только стилистические предпочтения писателя, но и литературного жанра, направления и эпохи в целом. Для того, чтобы выполнить эту задачу составителями словарей выработан целый ряд достаточно дифференцированных лексикографических помет (— в олицетв; —

олицетв; — метоним; — сравн; — в сравн; — в контексте сравн. и др., демонстрирующих путь изменения значения слова общенародного языка от нейтрального номинативного значения до значения эстетического через семантические «приращения» со специальным авторским заданием (Ларин 1974). Выделение идеологом специальной пометой позволяют судить о мировоззрении автора. Следует заметить, что в двуязычных авторских словарях, создаваемых в МСК, используются в основном те же лексикографические пометы, что и САТГ, поскольку в основе словарей лежат одни и те же лексикографические принципы, выработанные ларинской школой составителей словарей. В качестве примера приведем фрагмент толкования первого значения слова игра:

ИГРА, ж. 1. (на пёсо) Занятие для развлечения по определенным правилам; игра (во что-н.). Bosá holka s copem, kolikrát jí [Růženě] vykrákal, když hráli na schovávanou a ona prozrazovala skryše, starší sestra, která volá k obědu a kazí hru, co chcete — holka. L 305. [Босоногая девчонка с косичкой! Сколько раз тузил он ее за то, что она при игре в прятки выдавала его убежище! Старшая сестра, которая зовет обедать и портит всю игру...да что говорить — девчонка! (Пуйманова 1960: I, 384)].

Первая цитата иллюстрирует нейтральное номинативное значение. Затем следует цитата, иллюстрирующая употребление, где благодаря сравнению начинает формироваться «приращение смысла со специальным авторским заданием» (Аникина 2012: 22). Этот дополнительный смысл прозрачен, поскольку перед нами «двучленный параллелизм» (Веселовский 1986), и оба его члена можно истолковать.

— *сравн.* Před Latmankou, jako socha, stál četník. --- Ale oni [dělníci] o továrnu ani nezavádili, i kdež. Fabriku jste [četníci] obsadili, od fabriky jste nás odehnali, my nic, my se procházíme. Což nesmí chudý

na špacír? Času máme nazbyt, ulice je každého. Tak to začínalo, **jako hra** —. L 430 сл. [Около фабрики, неподвижный, как изваяние, стоял полицейский —. Но рабочие даже не подходили к фабрике. К чему? Фабрику нашу вы заняли, нас от нее прогнали, а мы ничего. Мы только гуляем. Разве беднякам запрещено гулять? Свободного времени у нас хватает, а улица — для всех. Все это было больше похоже на игру — (Пуйманова 1960: I, 523)].

Далее появляется устойчивое сочетание, где сразу же обнаруживается второй план.

> **Hra na schovávanou.** Игра в прятки. Hrála si [Růža] na velkou. Chlubila se, že jí umřel tatínek, že má smutek, že pojedou do města. Růža byla falešná odjakživa, už za hry na schovávanou prozrazovala skryše. (второй план: еще в детстве, во время детских игр) L 12. [Ружене что — строит из себя взрослую, бахвалится, что у нее умер папа, что у них траур и они поедут в город. Ружена всегда была двуличной и, когда играли в прятки, выдавала места, где прячутся другие (Пуйманова 1960: I, 69)].

Затем опять следует сравнение, но уже более развернутое, которое в рамках словаря получает помету — *в сопоставлении*.

— *в сопоставлении* Na hřbitově nastala vřava. Bitka se hnala přes hrob pilota Amorta, vojenské boty zadupaly v pomněnkách, vojáci se honili okolo Kazmarovy hrobky **jako při hře na schovávanou**; nějaké maličké dítě se tomu nahlas zajíkávě zasmálo. Ž 285. [На кладбище разыгрался бой. Топча незабудки солдаты перепрыгивали через могилу пилота Аморта. Противники гонялись друг за другом вокруг мавзолея. Это было похоже на игру в прятки. Чей-то ребенок прерывисто засмеялся (Пуйманова 1960: I, 398)].

Далее следует образное употребление ФЕ, получившей толкование:

> **Hra na vojáky.** *Игра в солдатики. / образно* -- Strhla [Helenka] hadr, kterým jí chtěly něčí ruce zavázat oči, a zahodila jej daleko od sebe — tím pohybem už se od všeho osvobodila. Nedívala se na idiotské figury z doby Fritze Velikého, jak míří jedna na druhou v nebezpečné **hře na vojáky**, ach ne — ohlédla se k jasnému nebi, kde se klubala první hvězda. Ž 135. [Елена срывает тряпку, которой кто-то хотел завязать ей глаза, и отбрасывает ее далеко в сторону. Этим движением она словно освобождается от всего окружающего. Она уже не видит idiotских фигурок времен Фридриха Великого, которые целятся из ружей и воображают себя солдатами... <которые целятся друг в друга в опасной игре в солдатики — Т. А.> Елена поднимает голову к ясному небу, где мерцает первая звезда (Пуйманова 1960: III, 190)].

Образное, метафорическое употребление соединяет, сливает в единое целое оба значения и начинает терять свою двуплановость, хотя она еще и ощущается.

Пометой косой крест **X** снабжаются важные идеологические (для автора) контексты, которые не всегда комментируются, чтобы не навязать писателю точку зрения составителей словаря.

X Onoho roku chlapec žil nezapomenutelné jaro, a když na ně vzpomněl jako muž, marně shledával jeho příběhy. Nebylo událostí, ale průduchy se prolamovaly do sklepa **her na schovávanou**. V znepokojivém světle známé věci vrhaly komolé a tmavě modré stíny. Kdysi, dítě ve Lhotce, kousal naplno do padavčete a vyplivoval jádra. Ale ta žádostivě hořká vůně jablka poznání dnes, a které teprv žene do květu ten hořký pyl! L 120. [Это лето было незабвенным для Ондржея, хотя впоследствии, уже взрослым, вспоминая о нем, он тщетно задавался мыслью: что же такое тогда произошло? Событий никаких не было, но Ондржей словно прозревал <свет начинал проникать через отдушины в подвал детских игр в прятки — Т. А.>. В тревожном свете знакомые вещи бросали укороченные и темносиние тени. Когда-то, еще мальчиком, в Лыготке, Ондржей от души

откусывал от падалицы и выплевывал горькие зернышки. Теперь таким же горьким было яблоко познания жизни. <Этот вождельно горький запах яблока познания, которое сегодня еще только собирает в цветок свою горькую пыльцу — Т. А.> (Пуйманова 1960: I, 186)].

Выполняя функцию «толкового словаря на языке учащегося» двуязычный объяснительный переводной словарь толкует не только значения слов и их оттенки, но и устойчивые сочетания, иллюстрируя их употребление. Так, **vidět do hry** объясняется как *предвидеть ход событий*. Далее в словаре следует цитата:

Veliký kapitalista, ten **vidí do hry**, ten zná souvislosti, ten ví a nepoví, jak se podmiňují vlastenecké nadšení a potřeba nových odbytí či lacinějších plantáží; jak souvisí burza a válka, zbrojařská akcie a vojákův život, ten ví, co obnáší svět, a nelže si o zlatě na papíře pohádky. Tu jsou jen pro děti, co ho poslouchají s ústy dokořán. (Gamza) L 298. [Крупный капиталист знает законы игры <предвидит ход событий — Т. А.>, он видит взаимосвязь явлений. Потребность в новых рынках сбыта или в дешевых источниках сырья он умеет замаскировать патриотическими фразами, ему известно, как связаны между собой биржа и война, акции военных концернов и судьба солдата. Он знает, каков реальный мир, и не обольщается сказками. Сказки существуют для взрослых детей, которые слушают их раскрыв рот (Пуйманова 1960: I, 376)].

Оборот **krkolonná hra** трактуется *о рискованных действиях, опасных для жизни*. В качестве иллюстрации приводится пример:

— Vynikala [Hanka] artistickou obratností v kouzlech s teploměry. Byla to **krkolonná hra**. — Posílají Sophie — do arbeitslágru! Je slabá, ona to nevydrží. — Musí se zadržet. — Nastaval obvyklý postup. Francouzka ulehla na postel, kde se měřila teplota a Hanka ji zastrčila

teploměr. — Naměřily slušnou teplotu: Třicet devět šest. Obršvestra sice hlídala jako ostříž, ale to přece nepostřehla, že Hanka má místo jednoho teploměru dva. — Jeden teploměr byl pro běžné pacienty a měřil přesně. Druhý, pro naléhavé případy, ukazoval pořád třicet devět dva. Hanka jej s artistickou hbitostí vyeskamotovala z rukávu a druhý v něm zmizel. Ž 205 сл. [Кроме того, она [Ганка] артистически орудовала термометром. А это была опасная игра — Софи — посылают в арбейтслагер. Софи слаба, она там не выживет. — Надо не допустить отправки Софи — Началась обычная процедура. Француженка легла на койку. Ганка поставила ей градусник. — Ну, температуру смастерили приличную: тридцать девять и шесть. Старшая сестра, правда, следила, как ястреб, но не догадалась, что у Ганки был не один градусник, а два. Один градусник был для общего употребления и показывал действительную температуру. Другой — для «особых случаев» — всегда показывал тридцать девять и шесть. Ганка с ловкостью фокусника подменила его, вытащив из рукава (Пуйманова 1960: III, 299 сл.).]

Значения устойчивых сочетаний, таким образом, становятся предельно ясными.

В определении слов в двуязычном словаре языка писателя там, где необходимо, вводятся элементы энциклопедизма. В первую очередь это касается реалий.

Так, чешское **duboví** толкуется как *заросли дуба; дубняк*. Далее следует образное употребление слова, снабженное толкованием о дубовых листьях на петлицах униформы высшего командования фашистской армии.

DUBOVÍ, с. *Заросли дуба; дубняк*. / *образно О дубовых листьях на петлицах униформы высшего командования фашистской армии.*

Z časopiseckých stánků a za skly výkladních skříní se na Stáně u odevšad díval Heydrich s úzkou hlavou ptakoještěřa, **duboví** z teutonského pralesa na výložcích, okrášlen smutečným

florem. Ž 149. [С газетных полос и из витрин — отовсюду смотрела на Станю узкая, украшенная крепом голова птицеящера, с дубовыми листьями из тевтонского доисторического леса на петлицах (Пуйманова 1960: III, 209)].

В словаре реалии предполагается снабжать иллюстрациями.

Выявление различных аллюзий, включая интертекстуальные связи иноязычного текста, — одна из сложнейших проблем. Двуязычные словари языка писателя могут внести свою лепту в решение и этой задачи. В двуязычных словарях существует помета — с *аллюзией*. Приведем пример, связанный с толкованием собственных имен. *Velká Praha* вызывает аллюзию *центральная часть города, stará Praha — пражская старина, veselá Praha — Прага двадцатых годов, с собранием левоориентированной интеллигенции в барах, кафе*. Аллюзия, вызываемая сочетанием *černá Praha*, пространно объяснена: *Прага, почерневшая от заводского дыма, с домами, построенными из черного камня в духе конструктивизма* (Аникина 2000).

Хотелось бы упомянуть еще одну особенность двуязычного словаря языка писателя. Это выстраивание синонимического ряда при переводе слова. Так, **perfidní** — толкуется как *лицемерный, низкий, подлый*.

В последнее время открылась еще одна важная особенность двуязычных толковых словарей. Они дают обширный материал для сопоставительного анализа языковых картин мира народов, языковой ментальности. Первый выпуск Пуймановского словаря и предполагается посвятить этой проблеме. Кроме того, двуязычные словари языка писателя могут оказать существенную услугу для понимания иноязычного текста разных авторов (не только тех, к творчеству которых составлен словарь).

Библиография

Словари

САТГ 1974 — Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. I. Л., 1974.

Научная литература

Аникина 2000 — *Аникина Т. Е.* К проблеме перевода имен собственных // I Федоровские чтения. Университетское переводоведение. Вып. 1. СПб, 2000. С. 19—22.

Аникина 2012 — *Аникина Т. Е.* Лексикографический метод анализа художественного текста. СПб., 2012.

Аникина 2001 — *Аникина Т. Е.* Стилиевые тенденции в чешской литературе XX века // Центральная и Юго-Восточная Европа: литературные итоги XX века. Международная научная конференция 20—22 ноября [2001 г.] Тезисы докладов. М., 2001. С. 6.

Веселовский 1989 — *Веселовский А. Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля [Электронный ресурс] // *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1989. URL: http://az.lib.ru/w/weselowskij_a_n/text_0060.shtml Инструкция 1974 — Инструкция словаря. [Электронный ресурс] // Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Slovari.ru. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5316&0a0=1896> (обращение 08.05.2015).

Кацнельсон 1965 — *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение, обозначение. М.; Л., 1965.

Ларин 1974 — *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.

Лилич 1982 — *Лилич Г. А.* Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVII — начало XIX века). Л., 1982.

Лилич 1962 — *Лилич Г. А.* Чешско-русский словарь к трилогии М. Пуймановой // Из истории слов и словарей. Л., 1962. С. 97—101.

Очерки 1981 — Очерки лексикографии языка писателя. Двуязычные словари. Л., 1981.

Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2.

Поцепня 1997 — *Поцепня Д. М.* Образ мира в слове писателя. СПб., 1997.

Пуйманова 1960 — *Пуйманова М.* Соч.: в 5 т. М., 1960. Т. I—III.

Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265—304.

T. Anikina. Bilingual author's lexicography: the Dictionary of Maria Puymanova's trilogy

Bilingual author's dictionary combines the explanatory dictionary and the dictionary of a writer's language, it examines the writer and his world as well as the national language. Such dictionary allows us to compare two languages, two mentalities, two cultures. The paper focuses on basic features of bilingual author's dictionary on the example of the Dictionary of Maria Puymanova's trilogy.

О. В. Васильева, Е. В. Генералова

**Словарь обиходного русского языка
Московской Руси XVI—XVII веков:
реализация ларинских принципов
на современном этапе развития лексикографии**

Ключевые слова: русская историческая лексикология и лексикография, народно-разговорный язык XVI—XVII вв., лексикографические пометы.

Статья посвящена работе над «Словарем обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков». Кратко описывается история создания Словаря, характеристика его источниковой базы, концепция проф. Б. А. Ларина. Представлены некоторые результаты осмысления практической работы по составлению Словаря, демонстрирующие, как реализуются ларинские принципы на современном этапе развития исторической лексикографии и развивается метаязык словаря (в области стилистических помет, указания на частотность и распространенность лексемы, принципов описания метонимических и метафорических переносов, включения в Словарь иллюстраций).

Плановое издание «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков» (далее СОЛЯ, Словарь) ведется с 2004 г., и за 10 лет было опубликовано шесть выпусков

---

* Ольга Владимировна Васильева — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка СПбГУ. Электронная почта: barcarola@list.ru. Елена Владимировна Генералова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка СПбГУ, заведующий МСК им. Б. А. Ларина. Электронная почта: elena-generalova@yandex.ru

(СОЛЯ). Однако история СОЛЯ насчитывает не 10 лет, а более полувека.

В 1959 году проф. Б. А. Ларин предложил проект СОЛЯ в Межкафедральном словарном кабинете (МСК) филологического факультета Ленинградского государственного университета. Замысел Словаря возник у Б. А. Ларина как развитие идеи Древнерусского словаря, над которым Б. А. Ларин работал вместе с созданным им коллективом в 1934—1949 годах. Работа над Древнерусским словарем была прервана решением руководства Института русского языка АН СССР. Б. А. Ларин был отстранен от работы, но не расстался с мыслью о создании исторического словаря русского языка.

СОЛЯ, по замыслу Б. А. Ларина, должен отразить народно-литературный язык русского средневековья; концепция словаря была изложена в статьях «Разговорный язык Московской Руси» (Ларин 1961) и в «Заметках о “Словаре обиходного языка Московской Руси”» (Ларин 1993). Предполагалось подробное описание лексики и фразеологии текстов данного периода с учетом взаимовлияния книжного церковно-славянского языка и живой разговорной речи, а также жанрового своеобразия памятников письменности, созданных на народно-разговорной основе. Б. А. Ларин определил круг источников СОЛЯ (семейная и дружеская переписка, памятники частно-деловой письменности, официально-деловые памятники, записи русской разговорной речи, сделанные иностранцами и представленные в разговорниках и тематических словариках XVI—XVII веков, памятники, переведенные с европейских языков, в которых обозначились черты публицистического и научного стилей, русские повести, тексты русской демократической сатиры, былины и исторические песни в записях и пересказах XVI—XVIII веков, пословицы XVII века).

В 60-е — 90-е годы в МСК формировалась картотека будущего Словаря и проводилось изучение лексики и фразеологии русского языка XVI—XVII веков под руководством С. С. Волкова.

Наконец, с 1998 года под руководством О. С. Мжельской началось составление пробных словарных статей СОРЯ. Авторский коллектив подготовил «Проект “Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков”» (Проект 2002), который был обсужден на круглом столе в рамках Международной филологической конференции. С учетом рекомендаций участников круглого стола — крупных лексикологов и лексикографов разных вузов России — в 2003 году был составлен пробный выпуск (Пробный выпуск 2003) и началась планомерная работа над Словарем.

В настоящей статье представлены некоторые результаты осмысления практической работы по составлению СОРЯ, демонстрирующие, как реализуются ларинские принципы на современном этапе развития исторической лексикографии и развивается метаязык словаря.

Б. А. Ларин — разносторонний ученый-филолог, выдающийся лексикограф XX столетия. Время доказало продуктивность и перспективность ларинских идей: задуманные Б. А. Лариным лексикографические проекты в столь разных областях, как историческая, региональная, писательская, двуязычная лексикография, являются глубоко оригинальными; реализация этих проектов учениками и последователями Б. А. Ларина получила высокую оценку в научном сообществе. Это такие новаторские словари, как «Лексика и фразеология Моления Даниила Заточника», «Словарь автобиографической трилогии М. Горького», «Псковский областной словарь с историческими данными», «Словарь поэзии Н. Вапцарова», а также СОРЯ. Первые из указанных словарей уже давно завершены, работа над последними продолжается в авторских коллективах сотрудников Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина (СПбГУ). Все эти издания являются ценнейшими источниками уникального языкового материала и основой для разработки различных научных тем.

СОРЯ в полной мере реализует принципы ларинской лексикографической школы. Это словарь нового типа (особенно для времени своего замысла): толковый исторический словарь группы памятников с исчерпывающей семантической характеристикой лексического и фразеологического материала, представляющий лексико-семантическую систему определенного языкового периода.

Важнейшим принципом, проводимым Б. А. Лариным, в лексикографических проектах, является принцип полноты. Этот принцип реализуется в СОРЯ на разных уровнях:

- в полноте расписки источников,
- в полноте словника (описанию подвергается весь имеющийся в картотеке материал, все знаменательные слова, в том числе названия народов и племен, лиц по месту их жительства и службы, а также прилагательные, образованные от этнонимов, названий жителей и топонимов),
- в полноте информации, представляемой о слове (каждое слово получает грамматическую, семантическую, при необходимости стилистическую характеристику, даются сведения о частотности и распространенности каждой лексемы, имеющих варианты и слова, близких по значению, в ряде случаев слово сопровождается этимологической справкой и историко-лингвистическим комментарием),
- в детальном семантическом представлении лексических и различаемых по степени семантической слитности фразеологических единиц (в СОРЯ толкование получает каждое слово, подробно описываются значения, оттенки, употребления, выделяемые по лексическому, функционально-стилистическому и грамматическому критериям).

В свете ларинского положения о важности экстралингвистического компонента значения, толкования в СОРЯ содержат элементы энциклопедизма (особенно для лексем, обозначающих исторические явления и производных от географических на-

званий), при необходимости дается историко-лингвистический комментарий к слову, авторский коллектив привлекает для консультаций специалистов в разных областях.

В области практической работы над каждым словарным проектом для ларинской лексикографической школы характерно глубокое предварительное продумывание принципов составления словаря, в связи с чем и СОРЯ вначале прошел обсуждение на стадии создания Пробного выпуска и Проекта, предварительная краткая инструкция по составлению СОРЯ была помещена в 1 выпуске, а далее уточненные лексикографические принципы были изложены авторским коллективом в подробной Инструкции, помещенной в 4 выпуске Словаря. Также в СОРЯ в полной мере осуществляется и типичное для ларинской школы сочетание достижений академической и университетской науки: СОРЯ создается силами авторов из ИЛИ РАН и СПбГУ, составление сопровождается широким обсуждением, а также внутренним рецензированием и редактированием на еженедельных семинарах авторского коллектива.

При несомненной реализации СОРЯ как словаря, задуманного Б. А. Лариным, а также его базировании на главных положениях ларинской лексикографической школы, практическая лексикографическая работа по составлению СОРЯ, изучение источников Словаря в сочетании с расширением источниковой базы и исследовательский анализ лексико-семантической системы описываемого языка позволяют с течением времени как уточнить установки, лежащие в основе описания народно-разговорного русского языка XVI—XVII веков, так и выработать конкретные лексикографические приемы для описания специфики этого языкового материала.

Словарь был задуман Б. А. Лариным как дифференциальный, так как он не должен включать церковно-книжную лексику: «Отбираем всё, что считаем не чисто книжным, не словами узкоцер-

ковного применения или назначения; не выдуманными “кованными” писательскими словами, не окказиональными кальками с иностранных речений, вводимых неискусными переводчиками, а лишь то, что можно считать народным, русским и обиходным» (Ларин 1993: 5). С другой стороны, в основу создания картотеки СОРЯ был положен принцип полной расписки источников (все слова отобранных текстов подлежат фиксации). Языковое состояние XVI—XVII веков характеризуется разрушением жанрово-стилистических границ, взаимодействием разных лексических пластов, созданием новых синонимических рядов и т. п. Именно на этой основе и складывается национальный русский язык, и начальный этап этого процесса, по мысли Б. А. Ларина, и должен быть описан в СОРЯ. В список источников Словаря не входят памятники конфессионального содержания, однако источники, созданные на базе народно-разговорного языка, включают немало отдельных лексем церковно-книжного происхождения. Четкое разделение лексики на определенные пласты едва ли возможно в текстах XVI—XVII веков. В связи со сложностью проведения дифференцированного подхода и опасностью ошибочного и неполного отражения языковой стихии народно-разговорного языка XVI—XVII веков, при составлении СОРЯ в его словник было решено включать весь материал, полученный в результате полной расписки отобранных источников. Таким образом, по материалу СОРЯ оказался шире своего названия. Это словарь делового и народно-разговорного языка XVI—XVII веков. Опубликованные 6 выпусков СОРЯ фактически отражают сложную сущность складывающегося на народно-разговорной основе национального языка, старорусского языка XVI—XVII веков. Рецензенты отзываясь о СОРЯ как о «необходимом звене в цепи исторических словарей» (Петрова 2005: 227), подчеркивают, что словарь показывает, что «общенародная обиходно-разговорная речь была естественным и даже в чем-то знаковым компонентом словарного состава литературного языка национальной эпохи», т. е. «одним из основных формирующих звеньев нашего языка» (Никитин 2005: 103).

Неоднородность описываемого материала в стилевом плане отражают стилистические пометы, задуманные Б. А. Лариным и указывающие на стилистическую маркированность лексики и фразеологии.

В Словаре используются следующие функционально-стилистические пометы: *дел.* (деловое), *книж.-церк.* (книжно-церковное), *высок.-офиц.* (высоко-официальное) и *флк.* (фольклорное). Помета «высоко-официальное» родилась при работе над материалом СОРЯ и была введена в оборот составителями Словаря для разграничения книжно-церковного и официального пластов лексики. Помета выделяет лексику преимущественно книжного употребления, по структуре часто принадлежащую к категории сложных слов, но в отличие от книжно-церковной лексики применяющейся для возвеличивания светских лиц (царя, монархов других стран) и почтительного их именованья в официальных посланиях, договорах и других документах. См., например:

ВЫСОКИЙ 5. *Высок.-офиц. Превосходящий других по своему положению в обществе или происхождению; обладающий значительной властью.* > Государская высокая рука (десница). *Могущественная сила, сильная верховная власть.* Ево [русского царя] государською высокою рукою оборонью оборонил нас [казаков] Бог от таких великих турских сил. *Пов. аз. ратн. сид., 81, 1642 г.*

ВЫСОКОДЕРЖАВНЫЙ. *Высок.-офиц. Относящийся к могущественному, обладающему большой властью лицу.* Явите, государи, къ намъ свое высокодержавное милосердие. *ДАИ XII, 378, 1694 г.*

Претерпели изменение некоторые практические приемы описания материала и метаязык словаря.

Так, например, в СОРЯ дается указание на частотность — это цифра в круглых скобках, которая приводится при заголовочном слове после частеречной характеристики лексемы. Алгоритм

выведения этой цифры претерпел трансформацию: сначала это было указание на количество фиксаций этого слова в картотеке, однако эта цифра не отражала реальной распространенности лексемы в языке Московской Руси (есть лексемы, обладающие значительной частотностью, но известные только в пределах одного источника). Начиная с 4 выпуска СОРЯ (и это описано в Инструкции к Словарю) цифра при заголовочном слове — это указание на количество источников, в которых встретилась толкуемая лексема (при этом в одном таком памятнике слово может встречаться несколько раз, что будет отражено в иллюстрациях к статье):

ГАЛЕНОК, м. (1) [из англ. gallon или фр. gallon ‘галлон, мера жидкости’] *Бочонок; мера жидкости.* Куплено на вишни шесть галенковъ ведерных дано шесть алтынъ. *Пам. Влад., 118, 1697 г.* Того ж числа купленъ галенокъ данъ шесть днгъ. *Там же, 116.*

Более того, в одном памятнике данное слово может употребляться в нескольких значениях, что отражается в структуре словарной статьи:

ЕЛАБУЖСКИЙ, прил. (1) 1. *Прил. к г. Елабуге.* > Елабужский уезд. Как к тебе сия память придет, и ты бы тому Васке Микулину, великого государя у Камского Елабужского уезду, у морди и у ворот уставщику быть велел по вся зимы, и за то велел ему Васке пашенною его землею и санными покосы владеть безоборочно. *Сл Каз. 2 3, 66, 1658 г.*

2. *Живущий и / или служащий в г. Елабуге или в Елабужском уезде.* А велел тягло его Васкино и всякие подати великому государю в казну платить всем елабужским крестьяном. *Сл Каз. 2 3, 66, 1658 г.* Велено Андрею Япанчину взять с собою елабужских и из окольных сел и деревень старост, и целовальников, и крестьян, и новокрещенов, и служилых музр, и татар, и чювашу, старожильцов и сторонних людей, и с теми старожильцы и сторонними людьми ехать за Каму-реку на спорную землю и озера. *Там же, 66, 1675 г.*

3. *Находящийся около г. Елабуги. — В названии монастыря.* Да озером ж Енимязи, что слово Простинское... истари владел служилой татарин дер. Менгер Янбахта Янгозеев, а после де того владения ныне владеют Троецкого Елабужского монастыря старцы; а по каким крепостям и по дачам владеют, того они не знают. *Сл Каз. 2 3, 66, 1675 г.*

Таким образом, цифра-показатель частотности и распространенности становится более объективной и информативной.

Наглядно демонстрирует размышления авторов СОРЯ над спецификой лексико-семантической системы русского языка XVI—XVII веков, их исследовательскую работу и готовность к пересмотру исходно заданной концепции в зависимости от объективных особенностей языкового материала история употребления в Словаре некоторых семантических помет.

Так, помета *метон.* (метонимическое) используется только в первых двух выпусках СОРЯ, причем достаточно редко: 4 раза в первом выпуске и 2 раза во втором. В последующих выпусках помета была снята. Изначально помета ставилась в случаях метонимических переносов, тесно связанных по смыслу с исходным значением и обусловленных общей типологией семантической схемы лексемы, при этом такие переносы наименования оформлялись как оттенки значения или даже как употребления:

АЛЬФА, *ж.* (1) *Название первой буквы греческого алфавита. — метон. Азбука.* Алфъ учится Марфъ. *Сим. Послов., 77, XVII в.*

БОЛОТО, *с.* *Низкое топкое место, поросшее осокой, кустарником, мелкими деревьями. .... || метон. Лес, растущий на низком, топком месте.* В ночи придет мелникъ Кирила сказал рубет де нѣхто болото и я гсдръ Иван Ивачич (!) взел дѣловых людей с со-

бою пришел в болота онѣ де Денка Авиллов с товариши сечет то болото. *ИНРЯ, 22, 1696 г.*

Исследование языкового материала показало, что метонимические переносы преобладают в семантической системе обиходного разговорного языка XVI—XVII веков, при этом часто метонимия оказывается связана с семантической компрессией, эллипсисом, ситуативной номинацией, свойственными разговорной речи. В обиходном языке XVI—XVII веков в целом известны все основные типы метонимии (см. подробнее: Генералова 2006). Наиболее популярными оказываются самые древние и конкретные виды метонимических переносов: синекдоха (например, наиболее частотная модель «животное» → «мех, шерсть этого животного» (*бобр, баран, белка, векша, барс, выдра* и т. д.)) и пространственная метонимия (например, *болото* «топь, грязь» → «лес, растущий на низком, топком месте»), продуктивна также причинно-следственная метонимия по древнейшей модели «материал» → «изделие» (например, *армяк* «шерстяная материя» → «верхняя мужская одежда из такой материи»).

Лексикографическая подача метонимических переносов очень непоследовательна, в том числе и в первых выпусках СОРЯ. Фактически в толковой и исторической лексикографии сложились определенные традиции в подаче каждого конкретного метонимического переноса, более или менее устойчивые в зависимости от распространенности метонимической модели. Очень частотный метонимический перенос «животное» → «мех этого животного», как правило, оформляется в виде отдельных значений; обычно как оттенок выделяются значения «изображение какого-л. объекта» и «церковь, монастырь, названные в честь кого-, чего-л.»; то как оттенок, то как употребление, то как отдельное значение подаются разные случаи причинно-следственной метонимии и т. п. Совершенно ясно, что лексикографическое представление метонимических переносов нуждается в дальнейшей разработке. С точки зрения

общей семасиологии, основная масса метонимических переносов должна быть интерпретирована как отдельные значения. Исключение могут составлять отдельные случаи причинно-следственной метонимии, и в первую очередь переносы по моделям «святой, ангел», «религиозное событие» и т. д. → «его изображение», «церковь, названная в их честь», которые могут быть оформлены как оттенки и употребления в связи с несомненным разговорным, контекстуальным характером таких семантических образований. См., например:

ВЕЛИКОМУЧЕНИК, м. (18) *Книж.-церк. Последователь христианского учения, претерпевший, по преданию, самые тяжкие мучения за веру.* Да на той жь проѣзжей башни въ городѣ сверхъ воротъ изображено на стѣнѣ... по лѣвую сторону — святыи великомученикъ Власий. *Пск. писц. кн. II, 231, 1699 г.* — В названии иконы. Дал вкладу... Григорей Офонасьев... панагею с мощьми... с лица великомученик Христов Георгий, обложен золотом, около резаны святыи. *Вкл. кн. ТСМ, 221, 1613 г.* Образ свтых великомучник Бориса и Глѣба во облаце. *Кн. переп. Пск. Печ. м., 108, 1652 г.* — В названии церкви. Сказывают, что у них церкви въ их манастирьских селех — церковь деи святаго пророка Ильи на Погорѣлом... церковь святаго великамученика Христова Георгия въ Зубачевѣ. *АСЭ I, 426, 1490 г.* К сему торговому уставу церкви великамученика Христова Георгия... поп Афанасей Никифоров... руку приложил. *Новоторг. устав, 325, 1667 г.* || *Название церкви.* Лодомской волости Егорьевского приходу въ таковѣ делѣ на священника на Никиту на Семенова сына, что онъ порядился къ намъ къ великомученику служить. *А. Лодом. ц., 135, 1588 г.* Слушеть государь обѣдни у праздника, у великомученика Дмитрея Селунскаго, что въ соборѣ Успения Пречистыя Богородицы въ придѣлѣ. *Выходы ц. в. к., 145, 1646 г.*

При отдельных значениях помета *метон.* представляется излишней, т. к. метонимия — типичный и наиболее распространен-

ный тип переноса семантики в обиходном языке XVI—XVII веков (и продолжает оставаться таковым вплоть до настоящего времени). В этом смысле целесообразнее давать помету при метафорических переносах, которых существенно меньше. Помета же *метон.* может сопровождать метонимический перенос, оформленный по каким-либо соображениям как употребление (если это единичный случай, а не регулярный семантический сдвиг).

Помета *перен.* изначально оформляла как раз метафорические переносы. В первых выпусках СОРЯ данная помета маркирует и значения, и оттенки, и употребления:

БЫСТРИНА, ж. *Сильное течение (реки), стремнина.* — *перен.* Что ты наречем, кабаче? Река ли еси быстрая, но понеже бе на тебе [кабаке] время ношное, и быстрини твоего течения престанут. *Служба кабаку, 61, XVII в.*

БУРЯ, ж. *Сильный, разрушительный ветер, обычно со снегом или дождем...*

|| *перен.* О душевных переживаниях. И ты, Марковна, положиися всею крепостию душевною на Христа и Богоматерь: она, надежда наша, не оставит нас погружаться в неверстии и бури. *Авв. Ж., 222, 1675 г.* > Воздвигнуть бурю на кого-л. *Рассердиться, подвергнуть преследованиям.*

БОЛЕЗНЬ, ж. **1.** Недуг, заболевание... **2.** Боль... **3.** Язва, болячка... **4. перен.** Страдание, горе.

Однако в случае помещения после употребления помета *перен.* фактически дублировала пометы *образно* и в *образном контексте*, потому что и в том, и в другом случае речь идет об использовании лексемы в иносказательном образном контексте без образования отдельного значения.

Поэтому в последующих выпусках СОРЯ помета *перен.* оформляет только значение, реже оттенок значения, в то время

как при аналогичном употреблении ставится помета *образно* или *в образном контексте*. Кроме того, в связи с тем, что помета *метон.* перестает использоваться, отчасти ее функции берет на себя помета *перен.* В последних опубликованных выпусках СОРЯ помета *перен.* может оформлять нетипичные переносы наименования как метафорического, так и метонимического характера. Так, например, в статье на лексему *железный* помета *перен.* оформляет как переносное метафорическое значение (7), так и нетипичные метонимические значения (5 и 6):

ЖЕЛЕЗНЫЙ, прил. 1. Прил. → железо 1...

5. *перен.* Полученный в результате повреждения металлическими предметами. — О ранении холодным оружием. Прикладывать къ желѣзной ранѣ и къ каковѣ ни буди. Леч. Шук., л. 63 об., XVII—XVIII вв. Возми... белово воску да... киноварю да... масла деревяного и то все сварив и убеки и то зелие прикладыват к ранам железнымъ... ино заживить. Леч. Котковой, 182, к. XVII в. — Об истертости кандалами. И рукава прислали [Ф.П. Морозова и Е.П. Урусова] рабам своим от чепей с ошейников железом истертые, а с Марьины шеи полотенцо железное же. Авв. Письма, 300, 1676 г.

6. *перен.* Закованный в кандалы. Егда же отиде стол, посла Иван Лаврентия не ядша ко Исидору осужденному, железному. Авв. Письма, 169—170, 1675 г.

7. *перен.* Крепкий, закаленный. Желѣзные руки и съ огня волокуть. Сим. Послов., 104, XVII в.

Наконец, некоторые новаторские предложения Б. А. Ларина еще требуют своего осмысления и внедрения в лексикографическую практику. Например, еще в Проекте ДРС Б. А. Ларин писал о важности помещения в исторический словарь иллюстраций-картинок, позволяющих современному читателю лучше понять реалии прошлого: «увязка языкознания с археологией, этнографией, историей мысли, иначе говоря, новое уче-

ние о языке в сфере лексикографии требует параллельного использования данных письменности и диалектологии с данными материальной культуры и искусства, т. е. требует разыскания иллюстраций к словарным статьям» (Ларин 1936: 18). Этнографы и историки языка, безусловно, поддерживают это предложение; ср., например: «было бы полезно реализовать хотя бы в ряде случаев идею Б. А. Ларина иллюстрировать слова с «предметной» семантикой рисунками или фотографиями исторических реалий. Ведь даже обычные бытовые предметы во времена Московской Руси были иными, чем сейчас» (Судаков 2010: 283—284). Работая над седьмым выпуском СОРЯ, авторский коллектив пришел к выводу о необходимости реализации этой ларинской идеи и помещения в выпуск некоторых облегчающих понимание семантики ряда существительных с предметным значением изображений (фотографий из музейных фондов реалий XVI—XVII веков). Поэтому в настоящее время ведется как лингвистическая (отбор слов и устойчивых сочетаний, нуждающихся в иллюстрировании фотографиями, соотнесение иллюстративной словарной и изобразительной зон статьи и т. п.), так и экстралингвистическая (достижение договоренности с музеями относительно авторских прав, технические вопросы оформления таких иллюстраций) работа по осуществлению этого замысла.

Таким образом, ежедневная работа над СОРЯ показывает, насколько прав был Б. А. Ларин, выбрав такой объект исследования, как лексико-фразеологическая система Московской Руси, сформулировав концепцию Словаря и методику работы с этим ярким и непростым материалом. «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков», как и другие ларинские проекты, стал на современном этапе настоящей исследовательской лабораторией, в которой не только развиваются идеи этого выдающегося ученого, но и вырабатываются новые приемы описания материала на базе ларинских принципов.

Библиография

Словари

Пробный выпуск 2003 — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв. Пробный выпуск. (А — биться) / под ред. О. С. Мжельской. СПб., 2003.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв. Вып. 1—6. СПб., 2004—2014 (издание продолжается).

Научная литература

Генералова 2006 — *Генералова Е. В.* Метонимия имен существительных в обиходном русском языке XVI—XVII вв. // Русское слово в историческом развитии (XIV—XIX века). Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXV Международной филологической конференции, 13—18 марта 2006. Вып. 2. СПб., 2006. С. 20—25.

Ларин 1936 — *Ларин Б. А.* Проект Древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники). М.; Л., 1936.

Ларин, 1961 — *Ларин Б. А.* Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 22—34.

Ларин 1993 — *Ларин Б. А.* Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 5—9.

Никитин 2005 — *Никитин О. В.* «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков» (в рубрике «Критика и библиография») // Русский язык в школе. № 5. 2005. С. 100—103.

Проект 2002 — Проект Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв. / под ред. О. С. Мжельской. СПб., 2002.

Петрова 2005 — *Петрова З. М.* Рецензия на 1 вып. «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков» // Русское слово в историческом развитии (XIV—XIX века). Ма-

териалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXIV Международной филологической конференции. Вып. 1. СПб, 2005. С. 226—232.

Судаков, 2010 — *Судаков Г. В.* История русского слова. Вологда, 2010.

O. Vasilyeva, E. Generalova. “Dictionary of colloquial Russian language of Moscow Russia of the 16—17th centuries”: realization of B. A. Larin’s principles at the present stage of the lexicography

The article presents the work on “The dictionary of everyday Russian language of Moscow Russia of the 16th —17th centuries”. The history of creation of the Dictionary, the characteristic of its textbase, B. A. Larin’s conception are briefly described. Some results of interpretation of practical work on writing up the Dictionary showing how Larin’s principles are realised at the present stage of development of historical lexicography are presented. Also the paper describes how the metalanguage of the Dictionary develops (in the sphere of stylistic notes, indications on rate and prevalence of a lexeme, the principles of the description of metonymic and metaphorical transfers, graphic illustrations in the Dictionary).

**МЕТАЯЗЫК
«СЛОВАРЯ ЯЗЫКА
М. В. ЛОМОНОСОВА»**

Стилистическая и функциональная характеристика лексических единиц идиолекта М. В. Ломоносова

Ключевые слова: идиолект, авторский словарь, метаязык, М. В. Ломоносов, стилистические пометы.

Статья посвящена особенностям метаязыка авторской лексикографии: описанию системы стилистических и функциональных помет в «Словаре языка Ломоносова», над которым в настоящее время идет работа в ИЛИ РАН.

Принципы стилистической оценки лексических единиц всегда вызывали и вызывают споры; исследования в этой области порой содержат критические указания на несовершенство предложенных рубрик, ошибочные решения, вынесенные относительно тех или иных слов и выражений (см., например, Виноградов 1956: 92—94 и мн. др.) или негативные высказывания в адрес отдельных помет (так, например, пометы «разговорное» и «просторечное» уже стали своего рода лексикографическим жупелом). Несмотря на то, что нормативные словари сами активно подвергаются «стилистической» критике, традиция или стремление подражать метаязыку нормативной лексикографии привели к появлению стилистических и функциональных помет в исторических словарях, что осуществлялось по принципу: «А куда же без них?» Так, например, после долгих споров

---

* Сергей Святославович Волков, кандидат филологических наук, заведующий отделом «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН. Электронная почта: sergejvolkov2006@yandex.ru

появились пометы в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков»: сначала «для исторически сформировавшихся лексических пластов» (СОРЯ 1, 15) планировалось применять пометы *книжно-церковное*, *деловое*, *фольклорное*, несколько позднее появилась помета *высок.-офиц.* (высоко-официальное; см. об этом подробнее в статье О. В. Васильевой и Е. В. Генераловой, опубликованной в этом сборнике).

Однако «стилистический анализ, отягощенный диахронией», как справедливо указывает Г. Н. Скляревская, дает весьма противоречивые результаты (Скляревская 1988: 88), а еще более сомнительной и субъективной является маркировка слов и устойчивых словосочетаний с точки зрения принадлежности к определенным стилевым разрядам в авторском историческом словаре. Иными словами, то, что возможно в историческом словаре, не всегда допустимо в словаре авторском: не случайно, что О. М. Карпова предлагает различать исторический и стилистический авторские словари (Карпова 1988: 137; см. также Трофимкина 1972). От стилистических помет отказалась, напомним, авторитетная (В. В. Виноградов, Д. Д. Благой, Б. В. Томашевский, С. И. Бернштейн, С. И. Ожегов, В. И. Сидоров) редакционная коллегия «Словаря языка Пушкина»: действительно, в нем отсутствуют «указания на принадлежность разных пластов лексики к разным стилям русского литературного языка первой трети XIX в.» (Виноградов 1956: 10). В публикациях В. П. Григорьева, последовавших за изданием опыта словаря «Поэт и слово», рекомендуется «существенно ограничить число стилистических помет в словаре, сводя их необходимому минимуму» (Григорьев 1994: 70). Так и было сделано: в «Словаре русской поэзии XX века» используется небольшое количество помет, из которых к чисто стилистическим могут быть отнесены *груб.* (грубое), *груб.-прост.* (грубо-просторечное), *прост.* (просторечное), *разг.* (разговорное), *церк.-слав.* (церковно-славянское) и нек. др. (СЯРП I, 16—17).

При составлении словарных материалов «Словаря языка Ломоносова» его авторам, возможно, покажется соблазнительным поставить при ярких и самобытных в стилистическом отношении словах (например, *похлебство* ‘с отрицательной оценкой: кумовство, дружба’, *никак* ‘в функции вводного слова: кажется, по-видимому’, *приесться* в безличном употреблении *приелось* и под.) помету типа «*просторечное*» или «*областное*». Можно ли считать такое решение правильным? Для ответа на этот сложный вопрос рассмотрим следующие особенности лексического материала «Словаря языка М. В. Ломоносова»:

- Несмотря на довольно большое количество текстов, составляющих эмпирическую базу Словаря, они отражают идиолект только одного человека. Кроме того, тексты М. В. Ломоносова — это лишь небольшая часть общего корпуса текстов XVIII века. Установление стилистической приуроченности слова, групп слов, их отношений и распределений, обнаружение общих черт или особенностей словоупотребления может дать достоверные результаты только при реальном сопоставлении контекстов употребления конкретной лексической единицы идиолекта Ломоносова с множеством контекстов, принадлежащих другим идиолектам.

- Имеющиеся в распоряжении составителей словаря тексты на самом деле отражают не весь идиолект Ломоносова, а всего лишь его часть. Не все тексты, принадлежащие М. В. Ломоносову, сохранились до настоящего времени, не все тексты опубликованы, атрибуция некоторых текстов Ломоносову вызывает сомнения. Тексты Ломоносова ограничены в жанровом и тематическом отношении. Что же касается естественнонаучных текстов, которые составляют едва ли не половину текстов Ломоносова, то пока не существует единого, непротиворечивого понимания генеральной линии развития языка русской науки XVIII века. Так Л. Л. Кутина считала, что «для изложения научных сюжетов была избрана обработанная вариация разговорного русского языка — «наречие посредственное», или «средний стиль», и что именно

на этой языковой базе развернулся талант М. В. Ломоносова (Кутина 1966: 15), а В. П. Вомперский указывает на принадлежность текстов научной речи Ломоносова к «высокому штилю» (Вомперский 1970: 151—152, 179). С последним трудно не согласиться, если рассматривать, например, материалы публичных торжественных слов М. В. Ломоносова, например, в «Слове о пользе химии» (1751): «Последуйте за мною мыслями вашими в един токмо внутренний чертог сего великого здания, в котором потщусь вам кратко показать некоторые сокровища богатяя природы и объявить употребление и пользу тех премен и явлений, которые в них химия производит» (2, 351¹). Или в «Слове о происхождении света» (1756): «<Солнце> по неизмеримой обширности всемирного строения, за далечайшие планеты сияет беспрестанно, распростирая превосходящую мечтание человеческое скоростию непонятное лучей множество. Сии беспрестанные и молний несравненно быстрейшие, но кроткие и благоприятные вестники творческого о прочих тварях промысла, освещая, согревая и оживляя оные, не токмо в человеческом разуме, но и в бессловесных, кажется, животных возбуждают некоторое божественное воображение. Что ж о таковом безмерном света океане представлять себе те должны, которые во внутреннее природы святилище взирают любопытным оком и посредством того же света бóльшую часть других естественных таинств усердствуют постигнуть?» (3, 317). Подобные примеры любил приводить Ю. С. Сорокин для того, чтобы показать, как «традиционные» признаки научного стиля выступают в идиолекте конкретного автора: их нужно буквально «вылавливать» в общем контексте, «нарушая его индивидуальность, целостность, т. е. именно то, что и создает понятие стиля» (Сорокин 1954: 76).

¹ Ссылки на цитаты из произведений М. В. Ломоносова в статьях С. С. Волкова, Е. М. Матвеева и М. Г. Шарихиной приводятся по изданию (Ломоносов 1950—1983) и оформляются сокращенно: первая цифра обозначает номер тома, вторая — страницу.

• Среди текстов академического полного собрания сочинений М. Ломоносова находим списки и перечни слов, полностью лишенные контекстов: речь идет прежде всего о «Российской грамматике» и «Материалах к “Российской грамматике”». Правомочна ли стилистическая характеристика таких лексических единиц? Нелегко высказать объективное суждение и по поводу стилистической отнесенности лексических материалов в «Мнении о <...> лексиконе г. Дандоло» (1749 год). Вот что пишет Ломоносов: «Несправедливо написанные российские слова, как *кабань, кадю, калбашы, калдью, камара, карло, калика, короп, россылк, разгоргыся, пятненный, пуль, прясла, пливу, пьшинный*» (9, 623). Единственная словарная характеристика, которую они на самом деле заслуживают — «в ломаной речи иностранца, плохо знающего русский язык».

• Главной отличительной особенностью текстов М. В. Ломоносова в языковом отношении является то, что они запечатлели языковые искания того периода и в той или иной степени отражают процесс формирования *нового* литературного языка — полифункционального *славенороссийского*, представляющего собой синтез церковнославянского и русского языкового материала («славенороссийский язык большею частью состоит из Славенскаго, или, яснее сказать, основу свою в нем имеет; хотя в прочем великое множество содержит слов собственно Руских, по свойству коих некоторые из Славенскаго языка почерпнутыя иное окончание, иное образование, а другая и новой смысл получили» (САР I, VI). Этот уникальный языковой синтез середины XVIII века был обусловлен наступлением новой эпохи в истории России, а, следовательно, и новым культурным контекстом, новой социолингвистической и этнолингвистической ситуацией. А. И. Соболевский по этому поводу писал, что Ломоносов совместил «старину и новизну в одно гармоническое целое, так чтобы друзья старины не имели основания сетовать о сокрушении этой старины, а друзья новизны не укоряли в старомодности» (Соболевский 1911: 5).

Объективное, а не произвольное, непротиворечивое, понятное и удобное для пользователя описание с помощью метаязыка исторического авторского словаря подобного вербально-грамматического состояния гармонического совмещения, синтеза разных языковых стихий в индивидуальном лексиконе М. В. Ломоносова (добавим к этому его полиязычность и ориентацию на классическую и западноевропейскую культурную традицию)² представляет собой весьма сложную задачу. Все это, как представляется, вполне объясняет разумное стремление составителей избежать использования традиционных для русских словарей помет типа *слав.* (славянизм), *церк.-слав.* (церковно-славянское слово), *прост.* (простое) и под. Слово в контексте Ломоносова должно говорить само за себя, без вклинивающихся в его текст пояснений и указаний. Покойный А. М. Бабкин в таких ситуациях обычно напоминал об известном принципе В. И. Даля: «Составитель словаря не указчик ему, а служитель его, раб».

Казалось бы, что для «Словаря языка М. В. Ломоносова» можно адаптировать номенклатуру стилистических и функциональных помет, разработанную авторским коллективом «Словаря русского языка XVIII века» — в настоящее время наиболее полного и авторитетного справочника по русскому языку восемнадцатого столетия. Принимая во внимание всю положительную филологическую практику этого словаря, такое применение корпуса «чужих» помет (даже если это не будет выглядеть, как вульгарный плагиат) нарушит принцип историзма в исследовании языка XVIII века. Почему же?

² Эту особенность точно подметил акад. А. И. Соболевский: «они оба <В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов> были занесены волею судьбы за границу, Тредиаковский во Францию, Ломоносов — в Германию, усвоили <разрядка наша — С. В.> себе один французский, другой немецкий язык и ознакомились с французскою и немецкою литературой» (Соболевский 1980: 122).

Во-первых, система помет этого Словаря была спроектирована в 70-е годы прошлого века для охвата *всего* языкового состояния XVIII века, распространяясь, таким образом, на *предломоносовский* и *послеломоносовский* периоды в соответствии с разделом «Хронологические границы материалов Словаря»: «1695 — снизу и 1803—1805 гг. — сверху» (Сл. РЯ XVIII в. 1977: 9), значительно отличающиеся от периода наивысшей творческой активности М. В. Ломоносова (1740—1764 гг.) как с точки зрения общей культурной ситуации, так и определяющих языковое развитие установок (Живов 1992: 5—10, 23—29).

Во-вторых, Г. О. Винокур писал, что ошибкой было бы рассматривать каждый факт языка Пушкина как факт, характерный для письменного языка того времени (Винокур 2006б: 37); то же самое можно сказать и о языке Ломоносова.

В-третьих, не следует забывать об иных, отличных от «Словаря языка М. В. Ломоносова» теоретических принципах «Словаря русского языка XVIII века», его направленности на демонстрацию сложения общенациональной литературной нормы, об общей сложности регламента применения стилистических и функциональных помет в «Словаре русского языка XVIII века», обусловленного стремлением его идеологов создать новаторский словарь с принципиально новым метаязыком, во многом близком к лингвистическому эксперименту.

Тем не менее, полностью обойтись без помет — знаков метаязыка словаря, маркеров, предназначенных для указания на особенности лексической единицы, отнесенность ее к определенному разряду слов — представляется коллективу авторов «Словаря языка М. В. Ломоносова» не совсем верным решением. Все-таки хочется сделать словарь более информативным, сообщить его пользователю более полную информацию об употреблении слова у Ломоносова. Например, можно предложить давать указания на принадлежность слова к определенным стилистическим слоям и разрядам лексики в «Словаре языка М. В. Ломоносова» не прямо, а опосредованно, т. е. в соответствии с принципом, сфор-

мулированным Ю. С. Сорокиным для словаря к поэме «Мертвые души» Н. В. Гоголя (М., 1960). Понимая сложность словарного состава поэмы и проявляя понятный скептицизм, Ю. С. Сорокин предложил следующее: авторский коллектив словаря не может и не должен брать на себя ответственность за исчерпывающую стилистическую оценку всего лексического массива; пометами будут выделяться только те слова, которые *уже* получили соответствующую характеристику в других источниках. Таким образом, авторский коллектив будет действовать, как он сам оценил подобный подход, «по имеющимся данным» (Сорокин 1960: 55). Так, например, помета *слав.* (славянизм) будет выставляться при тех словах, которые были снабжены этой пометой во втором издании «Словаря Академии Российской» или пометой *церк.* (церковное слово) в «Словаре церковно-славянского и русского языка» А. Х. Востокова; помета *простореч.* (просторечное слово) предполагалась для характеристики тех слов, которые имели в «Словаре Академии Российской» и «Словаре церковно-славянского и русского языка» пометы «*просторечное*» или «*простонародное*» (Сорокин 1960: 56). В соответствии с таким принципом в «Словаре языка М. В. Ломоносова» стилистические пометы, маркирующие отношение лексических единиц к основным стихиям русского языка XVIII века (славянизм, книжной лексике, обиходному языку, просторечию и пр.) будут даваться в **Справочном отделе** по данным основных лексикографических (справочных) источников Словаря: «Словаря русского языка XVIII века», «Словаря Академии Российской», «Словаря церковно-славянского и русского языка» А. Х. Востокова, «Большого академического словаря» и пр.

Кроме этого в словарной статье «Словаря языка Ломоносова» (в зоне семантического описания) будут применяться особые пометы.

1. Для фиксации лексических и фразеологических новаций (собственно ломоносовской неологии), т. е. слов и словосочетаний,

введенных в лексику русского языка самим М. В. Ломоносовым или получивших в русском языке середины XVIII века особо быстрое распространение благодаря активной деятельности М. В. Ломоносова, его научным трудам, поэтическим произведениям или публичным выступлениям, будет использоваться помета «*впервые у М. В. Ломоносова*». Подобная помета может заменяться особой ремаркой, конкретизирующей круг источников, в которых употребляется комментируемое слово: «*только в “Российской грамматике”*»; «*только в “Кратком руководстве к красноречию”*»; «*только в “Вольфианской физике”*»; «*только в переписке*» и под. Основанием для применения данных помет станет совокупность сведений, полученных в результате сравнения материалов электронного конкорданса М. В. Ломоносова и материалов «Словаря русского языка XVIII века», картотеки «Словаря русского языка XVIII века», Большой словарной картотеки ИЛИ РАН, «Большого Академического словаря», «Словаря Академии Российской», «Словаря русского языка XI—XVII вв.», «Словаря церковно-славянского и русского языков» А. Х. Востокова, «Лексикона трехязычного» Ф. П. Поликарпова и других справочных изданий, с привлечением научных трудов по русскому языку XVIII в., принадлежащих А. А. Алексею, Е. Э. Биржаковой, В. М. Живову, В. В. Замковой, Г. П. Князьковой, Л. Л. Кутиной, З. М. Петровой, Ю. С. Сорокину, Б. А. Успенскому и мн. др., а также историко-научных исследований, посвященных жизни и научной деятельности М. В. Ломоносова. Например:

[**ЗАДВИЖНОЙ**] (2), *прил.*

♦ *Впервые у М. В. Ломоносова. Такой, который может задвигаться, задвигающийся.*

Задвижное звено к оглазу (4, 427). На прочих трех исподних боках <пробирной печи> внизу сделать по маленькому окошечку с **задвигными** дверцами и на всех верхних боках в середине прорезать по круглой дирке в вершок шириною (5,469)³.

³ Словарные статьи даются в сокращении.

2. Для выделения входящих в идиолект Ломоносова локализмов и регионализмов будет использоваться помета *Обл.* (областное слово). Несмотря на то, что обнаружение и описание диалектизмов для языка XVIII века является особо сложной научной проблемой, этот фонд лексики с т. з. задач словаря, безусловно, представляет особый интерес. В этот разряд, во-первых, можно включить подмеченные акад. В. В. Виноградовым и благодаря этому превратившиеся в хрестоматийные примеры «лексических единиц с яркой простонародной областной окраской в сочинениях Ломоносова» слова *льва, стрюж, уразина, красоуля, сопхнуть* и нек. др. (Виноградов 1982: 109); во-вторых, аргументированно отнесенные к диалектизмам в исследовании И. А. Попова слова *пота* ‘до тех пор’, *теперь, смород, простень, потолка, дошлый, грибовница, репница* (Попов 1965: 421—426); в-третьих, те лексические единицы, связь которых с диалектной речью доказывается в разделе «Материалы для толкования устаревших слов» (подготовлен В. Н. Макеевой, всего 229 единиц) в составе примечаний к седьмому тому Академического полного собрания сочинений М. В. Ломоносова (Макеева 1952: 950—971). Особенно много их в «Российской грамматике» и «Материалах к “Российской грамматике”»), ср. например, *галиться* ‘плакать, капризничать, сердиться’, *голомя* ‘открытое чистое море’, *желна* ‘дятел’, *кloch* ‘смешанный лес на болоте’, *курья* ‘небольшая река, приток реки’, *лытать* ‘ходить праздно, бездельничать’, *ровдуга* ‘замша из оленьей кожи’, *слота* ‘слякоть, мокрый снег’, *чикать* ‘вязать сети, неводы’.

2.1. В разряд слов, которые будут отмечаться пометой *Обл.*, будут также включены единицы идиолекта М. В. Ломоносова, которые связывают его с «малой» родиной и, таким образом, являются для его «многоуровневого» идиолекта диахронически исходными, первичными⁴. Очевидная генетическая связь

⁴ Как язвительно писал по этому поводу А. П. Сумароков, употребление областных слов «г. Ломоносову, яко провинциальному уроженцу, простительно» (Сумароков 1787: 7).

таких слов, рассеянных по разным текстам (они чаще появляются в тех текстах, в которых «напряжение» внутренней нормы Ломоносова по разным причинам ослабеваает), с исконным, «материнским» для М. В. Ломоносова, северно-русским наречием (по определению Ломоносова — «северным диалектом» (7, 430) обязательно должна быть показана в словарной статье: при этом понятие «северного диалекта», учитывая особенности биографии М. В. Ломоносова (рождение в деревне Мишанинская Куростровской волости Двинского уезда Архангельской губернии⁵, юношеские годы, проведенные среди поморов — носителей местного говора, путешествия с отцом по русскому Северу и морские походы⁶), понимается расширительно. Составители будут опираться на материалы «Словаря областного архангельского наречия» А. О. Подвысоцкого, словаря «Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор» А. Н. Грандильевского, «Опыта областного великорусского словаря» II Отделения Императорской Академии наук (редактор А. Х. Востоков), «Словаря русских народных говоров», «Архангельского областного словаря» и некоторых других источников. Такие слова обычно получают географические указания *Арх., Сев.—Двин., Холмог., Северн.* Приведем несколько примеров:

ЕЗ (1), м.

◆ *Обл. Приспособление для ловли рыбы в реках в виде преграды с ловушками. Только в переводе «Лифлянской эконо-*

⁵ В настоящее время — село Ломоносово Холмогорского района Архангельской области.

⁶ В «Кратком описании разных путешествий по северным морям» (1763) М. В. Ломоносов пишет: «ветры в поморских двинских местах тянут с весны до половины мая по большей части от полудни и выгоняют льды на океан из Белого моря; после того господствуют там ветры больше от севера, что мне искусством пять раз изведать случилось <разрядка моя — С. В.>» (6, 478).

миш» С. Губертуса. Ежели за вершами сделать **езы** из ветвей и камней, то встают щуки против быстрины скорее в морды (11, 78).

ЗЫМЗА (1), *ж.*

♦ *Обл. Карниз над окнами вдоль внутренних стен помещения.* Канцелярию Академии наук прошу, чтобы соблаговолено было, во-первых, над вышепомянутой Боновского двора половиною, 2) кровлю в нужных местах поправить, .. 7) пазы у потолка при **зымзах** выконопатить, 8) лестницы починить (9, 53).

ОБОДВЕРИНА (2), *ж.*

♦ *Обл. Дверной косяк.* При сем сообщается профиль оных сеней, где убит профессор Рихман [фиг. 6]. В *h* стоял он, голова его была против *g*, в *t* стоял мастер Соколов. В *c* вырван из двери иверень и вскинут в *d*; *ab* —оторванная часть **ободверины** (3, 113).

3. «Словарь языка М. В. Ломоносова» представляет лексикографическое описание дискурса ученого-энциклопедиста. Это будет в значительной своей части словарь языка человека, важнейшим занятием которого была разнообразная научная деятельность. На ранних стадиях работы над словарем высказывались предложения, что «Словарь языка М. В. Ломоносова» должен увидеть свет как справочник-толкователь агнонимов — «темных», устаревших и непонятных современному носителю русского языка наименований реалий XVIII века и научных «терминов» этого времени. В текстах, принадлежащих М. В. Ломоносову большие группы слов демонстрируют устойчивую связь с разнообразными специальными предметно-понятийными полями естественных и гуманитарных наук, техники, механики, приборостроения, навигации, грамматики, риторики, мозаичного, типографского дела и пр. Вот некоторые

примеры: *антлия, апертура, ардезия, венецийский бакан, гельм, гистукель, глоссопेत्रа, грибстихиль, двугласный, иготь, игроскоп, картуш, колбен, купоросная водка, металепсис, мусия, муфель, октант, палец, пирометр, планта, полемоскоп, полуметалл, радельнадель, пунсонщик, свойственное слово, упорность* (в соч. упорность воды, т. е. ‘сопротивление воды’), *шиффер, ялапа* и множество других. Их описанию, соответственно вкладу М. В. Ломоносова в развитие русской науки и культуры, посвящена весьма обширная литература (труды Б. Н. Меншуткина, С. И. Вавилова, В. Л. Ченакала, Э. П. Карпеева и мн. др.), хотя при этом, как справедливо замечает А. С. Герд, в большинстве таких работ порой выделяются обычно «элементы экзотические, дифференциальные с позиций литературного языка <и, добавим, обычно с точки зрения только современного его состояния — С. В.>, отдельные специфические слова, выражения, конструкции» (Герд 2005: 12).

Постепенно формирующееся в трудах М. В. Ломоносова «тяготение», «приуроченность» лексической единицы к разным предметно-понятийным сферам знания, существенным для его разносторонней научной и практической деятельности, становится в словаре идиолекта по выражению Г. О. Винокура (Винокур 1991б: 278), одним из *словарных качеств* слова. Поэтому, несмотря на то, что существуют разные, иногда довольно противоречивые мнения о статусе такого рода единиц в языке XVIII века (разные исследователи называют их *терминами, прототерминами, терминоидами*, элементами формирующихся терминосистем, элементами профессиональных диалектов, некоторые настаивают на наименовании *номенклатура*), подобные лексические единицы должны получить особую маркировку. Система помет, которая будет использоваться для этой цели, должна реконструировать отраженные языком Ломоносова основные черты его теоретической и эмпирической деятельности, выделить лексико-понятийные поля *релевантных для его личности* областей знания, направлений исследований

и практической деятельности. Назовем их *предметными областями* реализации личности Ломоносова⁷.

Эти предметные области в достаточной степени подробно несколько раз называет сам М. В. Ломоносов в планах и проспектах работ, в академических отчетах, рабочих заметках, письмах. В отчете о завершенных и незавершенных научных работах, написанном в январе 1764 года, Ломоносов главными направлениями своей деятельности называет <порядок сохранен — С. В.> 1) химию; 2) металлургию и рудное дело; 3) физику; 4) изобретение новых естественнонаучных приборов; 5) поэзию и «рифмологию»; 6) риторику и словесные науки; 7) историю; 8) «старание об академическом благосостоянии» и особую заботу об Академической гимназии и Академическом университете (10, 396—404). В «Химических и оптических записках» (1762 г.) эти главные направления — общая физика, механика, гидравлика, оптика, астрономия, география и мореплавание, химия, металлургия, история, электричество, производство стекла и фарфора, мозаичное дело (4, 456—457). И в заключение: в письме канцлеру М. И. Воронцову 30 декабря 1759 г. Ломоносов так характеризует свои заслуги перед русской наукой и культурой: «пятнадцать лет⁸ нес я на себе четыре профессии, то есть в обоим красноречии, в истории, в физике и в химии<...>; в красноречии ввел в наш язык свойственное стихов сложение и штиль исправил грамматическими и риторическими правилами и примерами в разных сочинениях; <...> в истории показанное истинное происхождение российского народа в первом томе «Истории Российской»; в химии, кроме других изобретений,

⁷ Исследование творчества Д. И. Менделеева с созданием подобной логико-тематической схемы было выполнено в Музее-архиве Д. И. Менделеева под руководством проф. Р. Б. Добротина (Добротин, Керова 1976), было выделено 7 основных областей научной деятельности великого русского ученого

⁸ Т. е. с момента избрания на должность профессора химии 25 июля 1745 г.

муся. Сверх сего уже три года оправляю дела канцелярские, стараясь о распространении наук в отечестве» (10, 535).

Исходя из сказанного, систему функциональных помет в «Словаре языка М. В. Ломоносова» можно предложить в следующем виде:

1.	<i>Акад.</i>	Академическая и административная деятельность
2.	<i>Архит.</i>	Архитектура
3.	<i>Астр.</i>	Астрономия
4.	<i>Геогр.</i>	География и картография
5.	<i>Горн.</i>	Горное дело
6.	<i>Гидр.</i>	Гидравлика
7.	<i>Грам.</i>	Грамматика
8.	<i>Иск.</i>	Изобразительное искусство, скульптура
9.	<i>Истор.</i>	История
10.	<i>Метал.</i>	Металлургия
11.	<i>Метеор.</i>	Метеорология
12.	<i>Механ.</i>	Механика
13.	<i>Минер.</i>	Минералогия
14.	<i>Навиг.</i>	Навигация и мореплавание
15.	<i>Обр.</i>	Образование, народное просвещение и учебное дело, Академическая гимназия и Академический университет.
16.	<i>Опт.</i>	Оптика
17.	<i>Ритор.</i>	Риторика
18.	<i>Стекл.</i>	Стеклоделие, мозаичное дело и художественное стекло
19.	<i>Физ.</i>	Физика
20.	<i>Хим⁹.</i>	Химия
21.	<i>Электр.</i>	Электричество

Приведем несколько примеров (словарные статьи даются в сокращении):

⁹ Для лексических единиц, одинаково употребительных в трудах по физике и химии, может применяться помета *Физ.—Хим.*

КУПФЕРШТИК (1), *м.*

♦ *Иск. Гравюра на меди.* В «Набросках иллюстраций к описанию инаугурации Академического университета» (1760). Купферштики к описанию (9, 567).

НОЗДРИ (3), *только мн.*

♦ *Геол. Пустоты в горной породе; жёоды.* Особливого внимания требуют горные почки, кои содержатся в полостях или в **ноздрях** самой горы, в жилах и во швах, что промеж горами и жилами (5, 562).

♦ *Метал. Отверстия, полости в металле после плавки.* Вышло доброго зеркального металлу без **ноздрей** 1 пуд 131/2 фунта (4, 421).

ОТПРЫСК (3), *м.*

♦ *Горн. Отжилок, прожилок, более тонкая жила, представляющая собой ответвление основной рудной жилы.* В «Первых основаниях металлургии или рудных дел» (1763). Хотя рудокопы рассуждают, что при некоторых посторонних жилах, **отпрысках** и щелях надежнее и прибыточнее шахты копать, нежели при других, однако само искусство очень часто показывает, что сии правила ненадежны (5, 448).

Предлагаемая выше система помет не будет представлять собой аксиоматически заданный и неизменный реестр: по мере составления Словаря список помет может пополняться и уточняться.

Библиография**Источники**

Ломоносов 1950—1983 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л., 1950—1983.

Словари

Даль IV — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том IV: Р — V. М., 1980.

САР I — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. I. СПб., 1789.

Сл. РЯ XVIII в. 1977 — Словарь русского языка XVIII века. Проект / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977.

СЯРП I — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I. А — В / В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова, В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Л. И. Колодяжная, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. М., 2001.

СОРЯ 1 — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв. Вып. 1: А — Бязь. СПб., 2004.

Научная литература

Виноградов 1956 — *Виноградов В. В.* Предисловие к «Словарю языка Пушкина» // Словарь языка Пушкина. Т. 1. М., 1956. С. 5—10.

Виноградов 1982 — *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. М., 1982.

Винокур 2006а — *Винокур Г. О.* Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина // О языке художественной литературы. М., 2006. С. 231 — 295.

Винокур 2006б — *Винокур Г. О.* Об изучении языка литературных произведений // Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М., 2006. С. 34 — 62

Вомперский 1970 — *Вомперский В. П.* Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970.

Герд 2005 — *Герд А. С.* Язык науки и техники как объект лингвистического изучения // Герд А. С. Прикладная лингвистика. СПб, 2005. С. 12 — 21.

Грандильевский 1907 — *Грандильевский А. Н.* Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областный крестьянский говор. СПб., 1907.

Григорьев 1994 — *Григорьев В. П.* Самовитое слово и его словарное представление // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. Том 53. № 4. М., 1994 С. 69—73.

Добротин, Керова 1976 — *Добротин Р. Б., Керова Л. С.* Логический анализ творческого пути Д. И. Менделеева // Вопросы истории и методологии химии. Вып. 1. Л., 1976. С. 5—23.

Живов 1992 — *Живов В. М.* Лингвистические теории и языковая практика в истории русского языка восемнадцатого века. М., 1992.

Карпова 1988 — *Карпова О. М.* Отбор стилистических средств в писательские словари // Вопросы стилистики. Стилистика художественной речи. Вып. 22. Саратов, 1988. С. 134—142.

Кутина 1966 — *Кутина Л. Л.* Формирование терминологии физики в России. М.; Л., 1966.

Левин 1966 — *Левин В. Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. М., 1964.

Макеева 1952 — *Макеева В. Н.* Материалы для толкования устаревших слов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10 т. Том VII. Труды по филологии 1739—1758 гг. М.; Л., 1952. С. 950—971.

Попов 1965 — *Попов И. А.* К вопросу о диалектизмах в языке Ломоносова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Том XXIV. Вып. 5. М., 1965. С. 421—426.

Скляревская 1988 — *Скляревская Г. Н.* Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 84—96.

Соболевский 1980 — *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980.

Соболевский 1911 — *Соболевский А. И.* Ломоносов в истории русского языка. Речь в торжественном собрании Императорской Академии Наук 8 ноября 1911 года. СПб, 1911. 12 С.

Сорокин 1960 — *Сорокин Ю. С.* Инструкция по составлению словаря к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя. М., 1960.

Сорокин 1954 — *Сорокин Ю. С.* К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 2. С. 59—82.

Сумароков 1787 — *Сумароков А. П.* О правописании // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. 2-е изд. Часть X. Разные прозаические сочинения и переводы. М., 1787. С. 5 — 38.

Трофимкина 1972 — *Трофимкина О. И.* О разных типах словарей писателей // Вопросы стилистики. Вып. 5. Саратов, 1972. С. 126—132.

S. Volkov. On the question of usage labels in the Dictionary of M. Lomonosov

The paper presents peculiar features of metalanguage of author's lexicography, namely the new system of usage labels in the «Dictionary of M. Lomonosov». This dictionary is being «compiled now at the Institute for Linguistic Studies (Russia, St. Petersburg).

Е. М. Матвеев*

Лексика поэтических произведений М. В. Ломоносова: метаязыковые приемы словарного описания

Ключевые слова: поэтический язык, лексика, троп, иносказание, рифма, «Словарь языка М. В. Ломоносова».

Статья посвящена некоторым проблемам словарного описания семантики в художественном языке М. В. Ломоносова. Разработанные для «Словаря языка М. В. Ломоносова» пометы можно разделить на две группы. Первая группа описывает переносное значение конкретного слова (четыре базовых тропа — метафору, метонимию, синекдоху, антономазию). Вторая группа помет нацелена на описание образного контекста, в котором слово употреблено. Она описывает тропы, тяготеющие к развернутой форме (перифразу, гиперболу, иронии) и семантические явления, связанные с иносказательным использованием языка, но не являющиеся собственно тропами (олицетворение, сравнение, аллегория, миф). Кроме того, в статье затрагивается проблема стиховедческой характеристики лексики поэтических произведений в словарной статье «Словаря языка М. В. Ломоносова».

Представление об особом статусе художественной речи (если понимать ее как стиль) среди других функциональных стилей является в современной науке общепризнанным положением. Исследователи, пытавшиеся конкретизировать это положение, по-разному объясняли особенности поэтической (эстетической)

---

* Евгений Михайлович Матвеев, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН. Электронная почта: ematveev@list.ru

функции языка, выявляя различные специфические признаки художественной речи, такие как «речевая структура образа автора» (Виноградов 1959: 154; ср. Поцепня 1997: 203), актуализация внутренней формы слова в широком смысле (Чичерин 1968: 52), «словопреобразование» (Григорьев 1973: 63—68), «проекция принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» (Якобсон 1975: 204), «художественно-образная речевая конкретизация» (Кожина 2006: 585—594) и мн. др. Для словарного описания лексики художественных произведений в авторских словарях особое значение приобретает теория словопреобразования, которую, в частности, разрабатывал В. П. Григорьев (Григорьев 1965; Поэт и слово 1973; СЯРП). Теория словопреобразования в значительной степени связана с теорией тропов, которые есть не что иное, как способы перехода от «слова к образу» и от «образа к слову» (Поэт и слово 1973: 64).

Художественная речь отличается особо усложненной структурой в стихотворных произведениях, обладающих «единством и теснотой стихового ряда» (Тынянов 2002: 63—71). По Тынянову, единство и теснота стихового ряда являются объективными признаками стихового ритма и создают «третий его отличительный признак — динамизацию речевого материала» (Тынянов 2002: 63—64). Интерпретируя сформулированный Тыняновым «закон единства и тесноты стихового ряда», В. И. Новиков отмечает: «Слова в стихотворной строке вступают друг с другом в интенсивное смысловое взаимодействие. Эта “динамизация речевого материала” выражается в том, что стиховое слово, стоящее в конце строки, семантически выделяется, что в каждом стиховом слове становятся ощутимыми второстепенные лексические значения и меняется значение основное, что сюжет стихотворного произведения подчиняется его ритму» (Новиков 2002: 15—16).

Настоящая статья посвящена двум группам метаязыковых приемов, разработанных авторским коллективом «Словаря языка М. В. Ломоносова» (ИЛИ РАН) для словарного описания лексики стихотворных произведений М. В. Ломоносова:

I. система помет, описывающих различные типы переносно-образных словоупотреблений,

II. метаязыковые приемы отражения стиховедческой характеристики слова.

I

Для характеристики поэтической иносказательности и ее фиксации в словарях обычно используют два понятия, описывающих значение слова либо его употребление, — «переносное» и «образное». Смысл обоих терминов (а следовательно и лексикографических помет *перен.* и *образно*) до настоящего времени однозначно не определен. По словам составителей проспекта к Словарю русского языка XVIII века, «утвердившаяся в наших словарях с 30-х годов (Словарь Ушакова) помета “переносно” не получила отчетливого статуса своего употребления. Согласно наиболее широкой точке зрения <...> переносны все вторичные значения, являющиеся результатом семантической деривации. Согласно более узкой точке зрения — переносны лишь те значения, которые основаны на фигуре переноса (метафоре, метонимии). Словари разнообразно колеблются между широким и узким понятием переноса (выводя, как правило, из разряда переносных значений номинативно-производные, в том числе и основанные на метонимическом переносе)» (Сл. РЯ XVIII в. 1977: 74).

Нет единства и в трактовках понятия «образное». По словам В. М. Мокиенко, «традиционно <...> под образностью понимается способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» (Мокиенко 1989: 157). По мнению исследователя, образность реализуется исключительно через явление семантического переноса, создающего двуплановость слова или сочетания, т. е. «образное» и «переносное» есть по сути одно и то же: «расширение понятия образности за пределы переносно-

го употребления слов и сочетаний привело бы к его смешению с понятиями “экспрессивность”, “эмоциональность” и т. п.» (Мокиенко 1989: 157). С другой стороны, в практической лексикографической работе понятия «образное» и «переносное» могут разграничиваться. Приведем в качестве примера механизм такого разграничения, разработанный составителями Словаря автобиографической трилогии М. Горького: «В словаре различаются образные и переносные употребления слов. При образном употреблении слово не утрачивает важнейших признаков прямого значения. Оно сохраняет свойственные ему лексические связи и обычно реализуется в рамках широкого контекста <...> Переносные употребления слов характеризуются отвлечением одного из признаков прямого значения от остальных его признаков. При этом возникают новые контекстные связи слова взамен обычных. Все это ведет к устранению образа, чаще всего зрительного, на котором основан перенос значения» (САТГ: 33, 35).

Составители Словаря языка М. В. Ломоносова приняли решение не использовать пометы *перен.* и *образно*. Это связано, во-первых, с неоднозначностью их трактовки, о которой шла речь выше, а во-вторых, с тем обстоятельством, что использование этих помет, как представляется, не позволяет с необходимой для авторского словаря степенью подробности описать смысловые «преобразования» в художественном языке поэта риторической эпохи¹.

¹ Ср. в связи с этим замечание составителей Словаря русского языка XVIII века, разработавших свои принципы употребления помет *перен.* и *образно*: «Контексты, демонстрирующие образные звенья процесса переноса, как правило, принадлежат художественной литературе XVIII века. Но вступая в сферу языка художественной литературы, Словарь XVIII в. касается лишь той его части, которая относится к явлениям стандартной образности, к неоднократно воспроизводимым в XVIII в. образам, символам, риторическим фигурам» (Сл. РЯ XVIII в. 1977: 75). Очевидно, что в Словаре языка М. В. Ломоносова сфера языка художественной литературы должна быть описана без каких-либо ограничений.

Предлагаемая для Словаря языка М. В. Ломоносова система помет, описывающих различные типы переносных и образных словоупотреблений, может быть условно разделена на две группы. Первая группа помет — это пометы, описывающие переносное значение конкретного слова. Сюда включаются 4 тропа — метафора, метонимия, синекдоха и антономазия.

Вторая группа помет нацелена на описание не одного конкретного слова, а образного контекста, в котором слово употреблено. Она описывает: а) тропы, тяготеющие к развернутости (перифразу, гиперболу, иронию); б) семантические явления, связанные с иносказательным использованием языка, но не являющиеся собственно тропами (олицетворение, сравнение, аллегорию, миф)².

Ниже представлена разработанная система помет, а также примеры словарных статей с ними.

1) ОПИСАНИЕ ПЕРЕНОСНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

1. *Мтф.* — метафора.

МЕТАФОРА — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношениях сходства, аналогии. Например:

Дела Петровой Дщери **громки** (8, 102).

(**громкий** ‘широко известный, знаменитый, славный’)

2. *Мтн.* — метонимия.

МЕТОНИМИЯ — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношениях смежности, связаны ло-

² Любопытно, что предлагаемая система помет, разрабатываемая дедуктивным путем (основанная на анализе фактов художественного языка М. В. Ломоносова), невольно оказалась соотносима с ломоносовским делением тропов на «тропы речений» и «тропы предложений».

гически (при этом прямое значение сочетается с переносным). Например:

Но больше мирною **рукою**

Ты целой удивила свет (8, 220).

(**рукою** ‘политикой, управлением’)³

3. *Снд.* — синекдоха.

СИНЕКДОХА — разновидность метонимии, в которой используются отношения количественного характера (например, часть вместо целого, единственное число вместо множественного, множественное число вместо единственного и пр.). Например:

Мяжкой вместо мне перины

Нежна, зелена трава;

³ Метафора и метонимия представляют собой, по общему мнению подавляющего большинства исследователей, два базовых тропа. Н. Д. Арутюновой удачно описаны принципиальные различия в функциях и механизме образования метафоры и метонимии: «Метафора выполняет в предложении характеризующую функцию и ориентирована преимущественно на позицию предиката. Характеризующая функция осуществляется через значение слова. Метонимия выполняет в предложении идентифицирующую функцию и ориентирована на позицию субъекта и других актантов. Идентифицирующая функция осуществляется через референцию имени. Поэтому метафора — это прежде всего сдвиг в значении, метонимия — сдвиг в референции» (Арутюнова 1990: 32). Способность создавать метафорические и метонимические переносы — это фундаментальная особенность нормальной речевой деятельности человека. Как показал Р. Якобсон, различные формы речевых нарушений связаны с потерей «либо способности к селекции и субституции, либо способности к комбинированию и контекстной композиции <...> В первом случае подавляется отношение подобия, во втором — отношение смежности. Метафора не свойственна расстройствам подобия, а метонимия — расстройствам смежности» (Якобсон 1990: 126).

Сладкой думой бес кручины
Веселится **голова** (8, 11).
(**голова** ‘человек’)

Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их **око**, слух нечует (8, 23).
(**око** ‘глаза’)

4. *Антм.* — антономазия.

АНТОНОМАЗИЯ — троп, к которому относится:

а) употребление имени собственного в значении нарицательного:

Держайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных **Платонов**
И быстрых разумом **Невтонов**
Российская земля раждать (8, 206).
(**Платон** ‘философ’, **Невтон** ‘ученый-естествоиспытатель’)

Петрова ревность к ним, любовь Екатерины,
И щедрости Твои воздвигнут здесь **Афины** (8, 692).
(**Афины** ‘о центре науки и образования’)

б) употребление имени нарицательного в значении имени собственного:

Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, **Герой** открылся (8, 22).
(**Герой** ‘о Петре Великом’)

Как ежели на Римлян злился
Плутон, являя гнев и власть,
И естли **Град** тому чудился,
Что Курций, видя мрачну пасть,
Презрел и младость, и породу,
Погиб за Римскую свободу (8, 90).
(**Град** ‘о Риме’)

в) употребление антропонима в значении другого антропонима:

С **Сотином** — что за вздор? — **Аколаст** примирился! (8, 659)
(**Сотин** (от имени «Тресотиниус» — *от фр. très sot* — «очень глупый») ‘о В. К. Тредиаковском’
Аколаст (*от греч. ἀκόλαστρο* — «необузданный, дикий, наглый») ‘об А. П. Сумарокове’)⁴

2) ОПИСАНИЕ СЛОВА, УПОТРЕБЛЕННОГО В ОБРАЗНОМ КОНТЕКСТЕ

1. *В перифр.* — в перифразе.

ПЕРИФРАЗА — «описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования <...> Отличительная черта перифразы — ее неоднословность <...> В структуре перифразы можно выделить две части: ядерную и ключевую. Ключевая (“отгадочная”, конкретизирующая) часть прямо называет какой-либо характерный признак обозначаемого объекта и тем самым обеспечивает возможность расшифровки перифразы» (Москвин 2007: 551)⁵. Например:

⁴ Клички и прозвища представляют собой особый случай антономазии (Арутюнян 2010: 165).

⁵ Т. И. Бытева обращает внимание на то, что перифраза не двучленна, а трехчленна. Это лексическая конструкция, состоящая из «слова-номинала (первая часть) и перифразирующего и предцирируе-

В стенах Петровых протекает
 Полна веселья там Нева,
 Венцем, порфиною блистает,
 Покрыта лаврами глава (8, 224).
 (стены Петровы 'Петербург')

Тогда военный Бог щитом своим потряс,
 Блеснул очами вдруг и испустил сей глас (8, 429).
 (военный Бог 'Марс')

О коль велика добродетель
 В Петровых нежных днях цветет! (8, 62)
 (нежные дни 'юность')

2. В *гиперб.* — в гиперболическом контексте.

ГИПЕРБОЛА — троп, «основанный на заметном преувеличении» (Хазагеров 2009: 258), «количественный троп» (Скребнев 1987: 63)⁶. В «Словаре языка М. В. Ломоносова» помета

мого компонентов (вторая часть)» (Бытева 2008: 221). Например, в перифразе *нефть* — *черное золото* нефть является словом-номиналом, *золото* — перифразирующим компонентом (опорным словом), *черное* — предцизируемым компонентом. Помета *В перифр.* в «Словаре языка М. В. Ломоносова» используется как в случае тропеических перифраз (Петровы стены = Петербург; премудрый архитектор = Бог), так и в случае перифраз дескриптивных (Славенския грамматики автор = Мелетий Смотрицкий). Основанием для такого неразграничения является то, что перифразы любого типа являются экспрессивными наименованиями (Бытева 2008: 77). По словам Т. И. Бытевой, «независимо от того, какой тип перифразы реализуется (дескриптивный или тропеический, общезыковой или контекстуальный), перифраза представляет собой способ выделения определенного содержания необычностью номинации» (Бытева 2008: 68).

⁶ Ряд исследователей не считают гиперболу тропом и определяют ее как «стилистическую фигуру или художественный прием, основан-

В гиперб. характеризует не одно конкретное слово, употребленное в переносном значении, а гиперболический контекст целиком (его границы не отмечаются). Помета ставится в словарных статьях, описывающих ключевые слова, которые формируют гиперболический образ (выделены в примерах жирным шрифтом):

В середине сердца мне геенну воспалил (8, 484).

Тогда во все пределы Света,
 Как молния, достигнул слух,
 Что царствует Елисавета,
 Петров в себе имея дух (8, 218).

3. В *ирон.* — в ироническом контексте.

ИРОНИЯ — «троп контраста, употребление слова или слов в противоположном значении» (Хазагеров 2009: 262). Отличительный признак иронии — «двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый; чем больше противоречия между ними, тем сильнее ирония» (Чавчанидзе 2003: 316). В широком смысле ирония — «вид комического, скрытая насмешка» (Хазагеров 2009: 262). В «Словаре языка М. В. Ломоносова» помета *В ирон.* характеризует не одно конкретное слово, употребленное в переносном значении, а иронический контекст целиком, причем границы контекста, как и в случае с гиперболой, не отмечаются⁷. Помета ставится в словарных статьях, описывающих ключевые слова, которые формируют иронию (выделены в примере жирным шрифтом):

ный на преувеличении изображаемого» (Кормилов 2003: 179). О различных точках зрения на проблему лингвистического статуса гиперболы см., в частности: (Борисенко 2010).

⁷ В. П. Григорьев подчеркивал, что «ирония распространяется на самые разные по объему контексты и что определить их границы особенно трудно» (Поэт и слово 1973: 72).

Мышь некогда, любя **святыню**,
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую **пустыню**,
Засевшись вся в галланской сыр (8, 769).

4. *В олицетв.* — в составе олицетворения.

Одним из конструктивных особенностей поэтического языка М. В. Ломоносова является антропоморфизм в изображении частей света (Азия), стран и регионов (Россия, Кавказ), рек (Нева), явлений природы (заря), абстрактных понятий (тишина) и т. д. В таких олицетворениях, не являющихся собственно тропами, отсутствует явление лексического переноса значения (все слова употребляются в прямом значении)⁸, а антропоморфизация осуществляется за счет

⁸ Традиционное понимание олицетворения как особой разновидности метафоры, переносящей человеческие черты (и шире — черты живого существа) на неодушевленные предметы и явления (Роднянская 2003: 692), представляется не вполне корректным. В. П. Григорьев определял олицетворение как «увеличение меры духовности, присущей денотату» (Поэт и слово 1973: 116). Некоторые исследователи рассматривают олицетворение как отдельный троп, отграничивая его от метафоры. Убедительные критерии разграничения метафоры и олицетворения, применимые и к нашему материалу, сформулировали авторы коллективной монографии «Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке»: «Отличие предметной метафоры от олицетворяющих характеристик субъекта должно опираться на различия в связях слова с его денотатом: метафорическое слово имеет денотат, обозначаемый другим словом, олицетворение же выражается словом, называющим тот же денотат. Иначе говоря, Олицетворение — троп, не связанный с семантическим сдвигом» (Очерки 1994: 14). С последним утверждением, однако, трудно согласиться: если семантического сдвига в олицетворении нет (что соответствует действительности), то неясно, почему это троп.

широкого аллегорического и мифологического контекста ломоносовской поэзии. В большинстве случаев подобные олицетворения являются развернутыми. Например:

Коль ныне радостна **Россия!**
Она, **коснувшись** облаков,
Конца **не зрит** своей державы,
Гремящей **насыщенна** славы,
Покоится среди лугов <...>
Седит и **ноги** простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой **обращает**
И вокруг довольства исчисляет,
Возлегли лактем на Кавкас (8, 221—222).

Выделенные в данном примере слова, создающие антропоморфизацию образа России, употреблены в прямом значении. Однако в целом высказывание представляет собой иносказание: здесь говорится о том, что Россия — это огромная процветающая империя. Помета *В олицетв.* ставится в словарной статье, которая описывает слово, обозначающее объект олицетворения (*Россия*). Также помета может быть использована в словарных статьях, описывающих олицетворяющие слова (*зреть, нога, взор, локоть* и др.).

Ср. аналогичные примеры⁹:

Не **ад** ли тяжки узы **рвет**
И **челюсти разинуть** **хочет?** (8, 19)

⁹ Жирным курсивом в приводимых контекстах отмечены «олицетворяемые слова» («герои» ломоносовской поэзии, ср. в приводимых примерах: *Россия, ад, Нева, заря, борей*). Жирным шрифтом выделены слова, с помощью которых происходит олицетворение (антропоморфизация).

Полна веселья там *Нева*,
Венцем, порфирию блистает,
Покрыта лаврами глава (8, 224).

И се уже **рукой** багряной
Врата **отверзла** в мир *заря*,
От **ризы** сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем, и в тверди скрыться (8, 138).

С способными ветрами **споря**,
Терзать да не дерзнет *борей* (8, 216).

5. *В сравн.* — в составе сравнения.

СРАВНЕНИЕ — «сопоставление либо уподобление объектов “по общему им обоим признаку, так называемому *tertium comparationis*, то есть третьему элементу сравнения”» (Москвин 2007: 721).

Пускай **земля, как Понт**, трясет,
Пускай везде громады стонут (8, 20).

Помета *В сравн.* ставится как при слове, обозначающем объект олицетворения (*земля*), так и при слове, обозначающем средство сравнения (*Понт*).

6. *В alleg.* — в контексте аллегории.

АЛЛЕГОРИЯ — «одна из форм иносказания, в которой конкретный образ используется для выражения отвлеченного понятия или суждения» (Лагутина 2003: 27). Аллегория не является тропом, поскольку в ней отсутствует явление лексического переноса (все слова употребляются в прямом значении), а иносказательность возникает только в контексте, причем понимание иносказания невозможно без учета

историко-культурных реалий, на которых строится образ. К характерным чертам аллегории также обычно относят ее однозначность (в отличие от символа), тяготение к визуальному воплощению, тяготение к развернутой форме.

Пример аллегории (жирным шрифтом выделяются все слова, формирующие аллегорический образ):

Лев ныне токмо зрит **ограду**,
Чем путь ему пресечен к **стаду** (8, 219).

(**Лев** ‘Швеция’).

Общий смысл аллегорического иносказания следующий: шведы не смеют пересечь русско-шведскую границу, которая в соответствии с мирным договором 1743 г. была отодвинута далеко на запад.

Помета *В alleg.* ставится при всех ключевых словах, формирующих аллегорический образ.

7. *В мифол.* — в контексте мифа (как разновидности поэтического иносказания).

В поэзии М. В. Ломоносова обнаруживается большое количество мифологических имен в контекстах, представляющих собой иносказание. При этом, наряду с иносказательно-аллегорическим смыслом, данные контексты, как правило, сохраняют и прямое значение мифологического имени.

Например:

Монархия, кто Россов знает
И ревность их к Тебе внимают,
Помыслит ли противу стать?
Что **Марс**¹⁰ кровавый **не дерзает**
Руки своей **простерти** к нам,
Твой он силы **почитает**
И власть, подобну небесам (8, 219).

¹⁰ Жирным шрифтом выделены слова, формирующие мифологический образ.

Марс — римский бог войны — оказывается таким же героем ломоносовской оды, каким является императрица Елизавета Петровна; с другой стороны, в этом образе можно усмотреть аллегорию войны, воинственности. Такая двойственность интерпретации является неотъемлемой чертой мифа как вида поэтического иносказания, при котором некая общая идея мыслится в виде живого существа¹¹. На данную особенность поэтики Ломоносова указала Т. Е. Абрамзон, отмечая «текучесть» создаваемых автором образов: «Мифологический образ как бы теряет устоявшееся в культуре значение: конкретное значение и коннотативная окраска возникают лишь при включении образа в тот или иной контекст. В одах М. В. Ломоносова намечается изменение качества художественности: происходит разрушение одномерности и статичности аллегорического художественного образа» (Абрамзон 2003: 428).

Ср. несколько сходных примеров:

В полях кровавых *Марс* страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом *Нептун* чюдился,
Взирая на Российский флаг (8, 200).

И се *Минерва* ударяет
В верьхи Рифейски копием,
Сребро и золото истекает
Во всем наследии Твоем.

Плутон в расселинах мятется,
Что Россам в руки предается
Драгой его металл из гор (8, 205—206).

¹¹ См.: (Лосев 1995: 174). А. Ф. Лосев отмечал, что в мифе, как и в символе, «идейная образность действительности <...> дана вместе с самой действительностью <...> Миф отождествляет идейную образность вещей с вещами как таковыми и отождествляет вполне субстанционально» (Лосев 1995: 166—167).

Сходящей с поль златых *Авроры*
Рука багряна сыплет к нам
Брильянтов, искр, цветов узоры,
Дает румянный вид полям,
Светящей ризой мрак скрывает
И к сладким песням птиц возбуждает (8, 124).

Помета *В мифол.* в словаре ставится при всех ключевых словах, формирующих мифологический образ.

3) СОЧЕТАНИЯ ПОМЕТ

1. *Мтн.* / *В олицетв.* — метонимия / олицетворение.

В ломоносовской поэзии обнаруживаются переносные значения, которые можно интерпретировать двояко — как метонимии и как олицетворения. Например:

Пред Росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь *Хотин* своих.
Но что? В стенах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей? (8, 27)

С одной стороны, образ Хотина, имея в виду контекст («стесняет», «может устоять»), а также с учетом ломоносовской тенденции к антропоморфизму, о которой шла речь выше, является олицетворением. С другой стороны, этот образ можно интерпретировать как метонимию (Хотин ‘защитники Хотинской крепости’).

Ср. аналогичные примеры:

Петрополь по Тебе терзался,
Когда с Тобою разлучался
Еще в зачатии Твоем (8, 63).

Россию, грубостью пограну
С собой возвысил до небес (8, 200).

В описании подобных случаев предлагается в словарной статье приводить обе возможности риторической интерпретации.

2. *Антм. В перифр.* — антономазия в составе перифразы

Возносят грады там в веселии главы;
О как красуетесь, Балтиски бреги, вы,
Тритоны с Нимфами там громко восклицают
И **Амфитриты** путь **Российской** прославляют (8, 802).
(**российская Амфитрита** ‘Екатерина II’)

**ПРИМЕРЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ С ПОМЕТАМИ,
ОПИСЫВАЮЩИХ РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ
ПЕРЕНОСНО-ОБРАЗНЫХ
СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЙ
В ПОЭЗИИ М. В. ЛОМОНОСОВА¹²**

АВРОРА (4)

◆ *Богиня утренней зари в римской мифологии. В «Проекте иллюминации и фейэрверка на торжественный праздник рождения Ея Императорского Величества декабря 18 дня 1753 года.»* На одном фитильном плане, которой должен быть нарочито от земли отделен и возвышен, изобразить выехавшую в колеснице на белых огнедышущих конях **Аврору** с факелом в руке и с утреннюю звездою на челе (8,534).

◆ **В мифол.** *Утренняя заря. В стихотворном примере «Краткого руководства к риторике».*

¹² Приведенные словарные статьи составлены членами авторского коллектива Словаря языка М. В. Ломоносова — К. Н. Лемешевым, Е. М. Матвеевым, А. С. Смирновой, Г. Ю. Смирновой. Пометы переносных значений и образных словоупотреблений выделены жирным шрифтом.

Сходящей с поль златых **Авроры**
Рука багряна сыплет к нам
Брильянтов, искр, цветов узоры,
Дает румяный вид полям,
Светящей ризой мрак скрывает
И к сладким песням птиц возбуждает (7, 41).

| **Мтф.** *О начале новой эпохи. В «Оде, которую в торжественный праздник высокога рождения всепресветлейшаго державнейшаго великаго государя Иоанна Третьяго .. 1741 года августа 12 дня веселящаяся Россия произносит».*

Породы Царской Ветвь прекрасна,
Моя Надежда, Радость, Свет,
Щастливых дней **Аврора** ясна,
Монарх-Младенец, райской Цвет,
Позволь Твоей рабе нижайшей
В Твой новой год петь стих тишайшей (8, 35).

📖 Аврора 8,35; Р. Авроры 7,41; 7,126; В. Аврору 8,534.
— Справ. Сл. РЯ XVIII в. Аврора; БАС³ Аврора.

АНТЕЙ (2)

◆ *В греческой мифологии — великан, сын Геи и Посейдона, живший в Ливии и вызывавший на бой всех чужеземцев. В переводе Ломоносовым с французского языка фрагмента книги «La Lusiade du Camoens. Poëme héroïque sur la découverte des Indes orientales. Traduit du portugais par Duperron de Castera» (Лузиада Камоэнса. Героическая поэма об открытии Восточной Индии. Переведено с португальского Дюперроном де Кастера. Париж, 1735).* По левую руку оставили берега Мавританские, славные лютостию Антея-исполина (7, 144). *В одической поэзии. В мифол.*

Края небес уже трясутся,
Пути обычны звезд мнутся!
Никак ярится **Антей** злой!

Не Пинд ли он на Оссу ставит?
 А Этна верьх Кавкасской давит?
 Не Солнце ль хочет снять рукой? (8, 37)

📖 Антей 8,37; Р. Антея 7,144.

[АРФА] (2), ж.

♦ *Музыкальный струнный щипковый инструмент. В торжественных одах при описании одического восторга и «парения».*

Не сам ли в арфу ударяет
 Орфей, и камни оживляет,
 И следом водит хор древес? (8, 133)

| В аллег.

Взлети превыше молний, Муза,
 Как Пиндар, быстрый твой орел,
 Гремящих Арф ищи союза
 И в верьх пари скоряе стрел (8, 83).

📖 В. арфу 7,133; мн. Р. Арф 8,83.

— Справ. Сл. РЯ XI—XVII вв. арфа; Сл. РЯ XVIII в. арфа;
 САР арфа; Сл. 1847 арфа; БАС³ арфа.

[АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ] (1), АЛЕКСАНДР (25),
 АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ (17).

♦ *Александр Македонский (356 — 323 до н. э.), царь Македонии с 336 г., создавший в результате военных походов крупнейшее государство Древнего мира, со времен античности считался одним из величайших полководцев.* Я заметил здесь, что от господина Миллера пропущен самый лучший случай к похвале славянского народа, ибо как известно, что скифы Дария, персидского царя, Филиппа и Александра, царей македонских, и самих римлян не утратили, но великие им отпоры чинили и победы

над ними одерживали, то посему легко заключить можно, что народ славянский был весьма храбрый, который преодолел мужественных скифов и с пространных селений выгнал, чего ему без великих сражений и знатных побед учинить нельзя было (6, 21). Ерманарик, король остроготский, за храбрость свою по завладении многими северными народами сравнен был от некоторых с Александром Великим, имел у себя войско роксоланское и за свирепство от роксолан лишен жизни (6, 212). | В трудах по риторике и грамматике в примерах. Приложенные имена даются сверх свойственных, что бывает .. 2) когда по особливым делам или свойствам дано кому будет проименование, так: Александр от великого мужества назывался великий, Аттила от строгости — бич божий (7, 104). И Александр Великий, хотя солдат своих подвигнуть на гнев против Бесса, Дариева убийцы, говорит у Курция, в книге 6: *Погрешили мы, любезные мои солдаты, ежели Дария для того только победили, чтобы холопу его отдать государство, который дерзнул учинить крайнее беззаконие и государя своего, иже от чужих помощи требующего, как пленника держал во узах, которого бы мы, победители, пощадили.* (7, 184) — Ср.: Nos vero peccavimus, milites, si Darium ob hoc vicimus, ut servo eius traderemus imperium. Qui ultimum ausus scelus, regem suum, etiam externaе opis egentem, certe, cui nos victores pepercissemus; quasi captivum in vinculis habuit: ad ultimum, ne a nobis conservari posset, occidit (Curt. VI, 3, 13¹³). Витиеватые речи (которые могут еще назваться замысловатыми словами или острыми мыслями) суть предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или чуждым образом, и тем составляют нечто важное или приятное, например: Александр, толиких государей и народов победитель, побежден был своим гневом и все имел в своей власти кроме стра-

¹³ *Quinti Curtii Rufi, De rebus gestis Alexandri Magni, regis Macedonum, libri superstites. Curavit et digessit H. Snakenburg. Delphis & Lugd. Bat., 1724. P. 403.*

стей своих и не знал, что большая всех власть есть повелевать себе самому (Сенека в посл. 119) (7, 205). — Ср.: Victor tot regum atque populorum, irae tristitiaequ succubuit. Id enim egerat, ut omnia potius haberet in potestate quam affectus. O quam magnis homines erroribus tenentur, qui ius dominandi trans maria cupiunt permittere: felicissimosque se iudicant, si multas per milites provincias obtinent, et novas veteribus adiungunt, ignari quod sit illud ingens parque diis regnum! Imperare sibi, maximum imperium est doceat me (Sen. Epist. 113¹⁴). От уподобления происходят витиеватые речи .. 2) Когда что само с собою уравнивается: **Великий Александр** тогда себя был боле, / Когда повелевал своей он сильной воле (7, 218). Страдательный глагол требует родительного с предлогом отъ или творительного без предлога: книга твоя прочтена мною со вниманием; Дарий побѣжденъ отъ **Александра**, но убить отъ своихъ рабовъ (7, 561). В стихотворнонь посвящении к «Краткому Российскому летописцу», адресованном великому князю Павлу Петровичу. **В сравн.**

Я обращаю взор к вечерним сторонам,
В науках и в войнах героев вижу там.
Для малости сих строк я их не исчисляю
И вместо всех Петра со Карлом представляю.
Сей шел, как **Александр**, вселенной потрясти,
Но он победами пресек его пути,
Один нас просветить учениями тщился,
Другой в сражениях взять первенство стремился (6, 291).
| В переводе оды Жана-Батиста Руссо «À la Fortune».
Почтить ли токи те кровавы,
Что в Риме Сулла проливал?
Достойноль в **Александр**е славы,
Что в Аттиле всяк злом признал? (8, 662).

¹⁴ L. Annaei Senecae philosophi, Opera omnia. Accessit a viris doctis ad Senecam annotatorum delectus. Tomus secundus in quo Epistulae, et Quaestiones Naturales. Lipsiae, 1702. P. 505.

Ср.: Quoi ! Rome et Italie en cendre
Me feront honorer Sylla?
J'admirerai dans Alexandre
Ce que j'abhorre en Atilla?¹⁵

◆ **Антм.** О победителе в войне.

Пускай в Германии Герой ваш <Карл XII. — Е. М.> успевает,
Отверсты города свободно протекает,
В рожденной счастьем кичливости своей
Низводит с высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветер, к востоку
И приближается к предписанному року.
Не найдет Дария, чтоб **Александром** стать (8, 729)

📖 Александр 6,291; 7,29; 7,29; 7,32; 7,32; 7,48; 7,104; 7,108; 7,205; 7,210; 7,344; 7,344; 7,345; 7,345; 7,346; 7,356; 7,360; 7,361; 7,362; 7,362; Александр Великий 7,108; 7,181; 7,184; 7,218; 7,288; 8,173; Р. Александра 6,21; 7,561; Александра Великого 5,616; 6,189; 7,32; 7,49; 7,108; Д. Александру Македонскому 7,274; Александру 7,346; Александру Великому 7,47; 7,157; 7,211; 7,213; 7,233; Т. Александром 8,729; Александром Великим 6,212; 7,342; П. Александре 8,662.

АХИЛЛЕС (12) и АХИЛЛ (1)

◆ В сказаниях древних греков — один из храбрейших героев, участник Троянской войны. В «Кратком руководстве к риторике». Переменные прилагательные имена изобретаются: .. 6) От страстей, н. п.: ярый **Ахиллес**, гордый фараон (7, 56). В «Кратком руководстве к красноречию» в примере гиперболы. Так, **Ахиллес**,

¹⁵ Odes de J.-B. Rousseau. Édition classique, avec notes critiques et littéraires, par J.A. Amar, ancien inspecteur de l'université. 4ème édition. Paris : Imprimerie et Librairie classiques de Jules Delalain, imprimeur de l'Université royal de France, 1847. P. 90.

гневный на Агамемнона, говорит у Гомера, что он с Агамемноном не примирится, хотя бы он давал ему все богатство, которое в пещере морском или в земных недрах скрыто, и дочери его за себя не поймет, хотя бы она красотой с Венерой и искусством с Минервой могла сравниться (7, 255). В *«Российской грамматике»*. Усугубленные буквы всегда по складам разделяются — одна к предыдущему, другая к следующему: *стран-ный, Ахил-лесь*. (7, 428).

В поэзии.

Хотяб Гомер, стихом парящий,
Что древних Еллин мочь хвалил,
Ахилл в бою как огонь палящий
Искусством чьем описан был,
Моих увидел дней изрядство,
На Пинд взойтиб нашол препятство (8, 41).

В переводе Сенеки. Когда вещь из одного времени в другое перенесется, н. п., Андромаха говорит женщинам троянским: ваша Троя ныне, а моя уже тогда упала, когда бесчеловечный **Ахиллес** терзал мои члены (то есть Гектора) (7, 48).

Ср.:

.. Pium uobis modo,
Mihī cecidit olim, cum ferus curru incito
Mea membra raperet, et graui gemeret sono
Peliacus axis pondere Nestoreo tremens (Sen. Troad. 413—416¹⁶).

В переводе Гомера.

Мы как бы у Атрида;
Твоею, **Ахиллес**, здесь пищею довольны (8, 160).

Ср.:

Χαῖρ' Ἀχιλεῦ· δαιτὸς μὲν εἶσις οὐκ ἐπιδευεῖς
Ἦμὲν ἐν κλισίῃ Ἀγαμέμνονος Ἀτρείδαο

¹⁶ L. M. Annaei Senecae Tragoediae, cum notis Thom. Farnabii. Ams-terdami, 1632. P. 121.

Salve Achille conviviū quidem aequalis non egeni sumus,
Sive in tentorio Agamemnonis Atridae (Hom. Il. IX, 225—226¹⁷).

♦ *Антм.* Об отважном воине.

Под инну Трою вновь приступит
Российский храбрый Ахиллес,
Продерский меч врагов притупит,
Хвалой взойдет к верьху небес (8, 106).

📖 Ахилл 8,41; Ахиллес 7,48; 7,56; 7,212; 7,254; 7,255; 8,106; 8,160; Ахиллесь 7,428; Р. Ахиллеса 7,197; Т. Ахиллесом 8,437; 8,438; II. Ахиллесе 7,592.

АМУР (2)

♦ *Амур* — река на Дальнем Востоке. В *«Первых основаниях металлургии или рудных дел»*. Из Азии **Амур**, Желтая и Синяя реки изливаются на восток в Тихое море; на полдень в Индейское — Гангес, Инд; на полночь в Ледовитое — Обь, Енисей, Лена; на запад Аму и Сыр в Аральское, между коими текут другие меньшие, впрочем, великие реки (5, 534). В *одической поэзии*. **В олицетв.**

Мы дар Твой до небес прославим
И знак щедрот Твоих поставим,
Где солнца всход и где **Амур**
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В Твою державу от Манжур (8, 204).

📖 Амур 5,534; 8,204.

¹⁷ *Homeri quae extant omnia*. Pias, Odyssea, Batrachomyomachia, Hymni, Poematia aliquot. Cum latina versione omnium quae circumferuntur emendatis, aliquot locis iam castigatiore. Perpetuis item justisque in Iliada simul et Odysseam Io. Spondani Mauleonensis commentariis. Pindari quinetiam Thebani Epitome Iliados latinis versib. & Daretis Phrygii bello Troiano libri a Com. Nepote eleganter latino versi carmine. Basileae, 1583. P. 158.

АННА (9), АННА ИОАННОВНА (6)

♦ *Анна Иоанновна (1693—1740), российская императрица (1730—1740).* Сим множеством излишних и негодных служителей так отягощена была Академия, что не токмо определенной суммы 25 тысяч и доходов от Типографии и от Книжной лавки, но и чрезвычайных прибавлений недоставало, которых до ста десяти тысяч рублей сверх положенной суммы блаженныя памяти государыня императрица **Анна Иоанновна** в разные времена Академии пожаловала (10, 39). В прошлом 1736 году указом е. и. в. блаженныя и вечнодостоинныя памяти великия государыни императрицы **Анны Иоанновны**, данным из высокого Кабинета, повелено было мне, низайшему, ехать в Германию, в город Фрейберг для научения металлургии (10, 326). По высочайшему е. и. в. блаженныя памяти государыни императрицы **Анны Иоанновны** указу из высокого Кабинета при посылке моей в Германию для научения химии и горных дел определено было мне жалованья по четыреста рублей в год (10, 340). *В поэзии.* Велика(я), прекрасна(я) Анна.

Великой **Анны** грозной взор
Отраду дать просящим скор (8, 26).
Доброт чистейший лик вознес
Велику **Анну** в дверь небес (8, 51).
Красуются Петровы стены,
Что к ним Его приходит внук,
Прекрасной **Анной** днесь рожденный (8, 60).

| *Мтн.*

На юге **Анна** торжествует,
Покрыв своих победой сей (8, 23).

📖 Анна 8,23; 8,30; Анна Иоанновна 10,39; 10,274; Р. Анны 8,20; 8,26; Анны Иоанновны 10,165; 10,326; 10,338; 10,340 ; В. Анну 8,29; 8,51; 8,775; Т. Анной 7,58; 8,28; 8,60.

II

Метаязыковые приемы отражения стиховедческой характеристики слова в «Словаре языка М. В. Ломоносова»¹⁸ включают: а) статистику употребления лексемы в прозе и стихе; б) фиксацию употребления лексемы в поэзии М. В. Ломоносова на рифменной позиции.

Статистика употребления лексемы приводится непосредственно после заголовочного слова, например:

ДЕРЖАВА 117 (54/63), *ж.*

Первая цифра указывает на общее число употреблений, далее приводится число употреблений лексемы в прозе (первая цифра в скобках) и в поэзии (вторая цифра в скобках).

Рифма является особо важным элементом, сильным местом поэтического текста. В связи с этим фиксация употребления тех или иных словоформ на рифменной позиции позволяет выявить некие константы поэтического языка и художественного мышления Ломоносова. Кроме того, именно рифма в некоторых случаях позволяет поставить ударение в слове или словоформе. Ср., например:

На что мы плачемся, когда терпим беды?
Пронзенная земля дает свои плоды (8, 172).
Но что еще? Уже в стекле нам Барометры
Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры (8, 519)

¹⁸ Работа над «Материалами к Словарю М. В. Ломоносова» в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН началась с публикации четырех стиховедческих выпусков, подготовленных под руководством Е. В. Хворостьяновой. См.: Исследования и материалы по стихосложению М. В. Ломоносова 2010; Лалетина, Хворостьянова 2010; Словарь рифм М. В. Ломоносова 2011.

Употребления слова на рифменной позиции в «Словаре языка М. В. Ломоносова» будут фиксироваться в специальном разделе словарной статьи с помощью пометы *Рфм*. После пометы следует перечисление рифмующихся словоформ и указание на количество использованных в поэзии М. В. Ломоносова рифмопар. Например:

ДЕРЖАВА 117 (54/63), *жс*.

◆ *Страна, государство.*

Сия Тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная Твоя держава
О как Тебе благодарит! (8, 202)

Рфм. (41): *И*. слава (6), кровава (1); *Р*. славы (6), нравы (1), правы (1), создавый, (1), уставы(1); *Д*. славе (2); *В*. славу (11), праву (2); *Т*. славой (3); *П*. славе (1), нраве (1); *мн. Р*. глав (1), показав (1), прав (1), приняв (1).

В строке после пометы *Рфм*. указывается общее число употреблений слова на рифменной позиции, затем приводится перечень словоформ, рифмующихся с формами заголовочного слова. Порядок их следования соответствует парадигме той или иной части речи (в данном случае — падежно-числовой парадигме существительного). Внутри одного раздела рифмующиеся слова даются по частотности, при одинаковой частотности — по алфавиту.

Библиография

Источники

Ломоносов 1950—1983 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л., 1950—1983.

Словари

БАС³ — Большой академический словарь русского языка. Т. 1—23. М.; СПб., 2004—2015.

Исследования и материалы по стихосложению М. В. Ломоносова 2010 — Словарь языка М. В. Ломоносова / гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 1: Исследования и материалы по стихосложению М. В. Ломоносова / составление, предисловие и примечания Е. В. Хворостьяновой. СПб., 2010.

Лалетина, Хворостьянова 2010 — *Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В.* Словарь языка М. В. Ломоносова / гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 2: Метрико-строфический справочник к произведениям М. В. Ломоносова. СПб., 2010.

САР¹ (САР) — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный: в 6 ч. СПб., 1789—1794.

САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806—1822.

Сл. РЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1—6. Л., 1984—1991. Вып. 7—21. СПб., 1992—2015.

Сл. РЯ XVIII в. 1977 — Словарь русского языка XVIII века. Проект / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977.

Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка под редакцией А. Х. Востокова: в 4 т. СПб., 1847.

САТГ — Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1. А — всевидящий. Л., 1974.

Сл. РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—29. М., 1975—2011.

Словарь рифм М. В. Ломоносова 2011 — Словарь языка М. В. Ломоносова / гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 3—4. Словарь рифм М. В. Ломоносова / сост.: Е. А. Захарова, О. С. Лалетина, Е. М. Матвеев / отв. ред.: С. С. Волков, Е. В. Хворостьянова. СПб.: Нестор-История, 2011.

СЯП — Словарь языка Пушкина: в 4 т. М., 1956—1961. Т. 1. М., 1956.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I—V / сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. М., 2001—2013.

Научная литература

Абрамзон 2003 — *Абрамзон Т. Е.* Мифологические образы как составляющие ломоносовского одического этоса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13. С. 425—429.

Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5—32.

Арутюнян 2010 — *Арутюнян М. А.* Структура, семантика и прагматика стилистического приема антономазия на материалах немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Борисенко 2010 — *Борисенко Ю. И.* О лингвистическом статусе гиперболы и механизме ее образования [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки: сетевое издание. 2010. № 5. URL: http://hses-online.ru/2010/05/10_02_01/14.pdf.

Бытева 2008 — *Бытева Т. И.* Очерки по русской перифрастике: монография. М., 2008.

Виноградов 1959 — *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959.

Григорьев 1965 — *Григорьев В. П.* Словарь русской советской поэзии. М., 1965.

Кожина 2006 — *Кожина М. Н.* Художественно-образная речевая конкретизация // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М., 2006. С. 585—594.

Кормилов 2003 — *Кормилов С. И.* Гипербола // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. С. 179—180.

Лагутина 2003 — *Лагутина И. Н.* Аллегория // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. С. 27.

Лосев 1995 — *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.

Мокиенко 1989 — *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1989.

Москвин 2007 — *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007.

Новиков 2002 — *Новиков В. И.* Плодотворность противоречий // Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция: избранные труды. М., 2002. С. 5—26.

Очерки 1994 — Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М., 1994.

Поцепня 1997 — *Поцепня Д. М.* Образ мира в слове писателя. СПб., 1997.

Поэт и слово 1973 — Поэт и слово: опыт словаря / под ред. В. П. Григорьева. М., 1973.

Роднянская 2003 — *Роднянская И. Б.* Олицетворение // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. С. 692—693.

Скребнев 1987 — *Скребнев Ю. М.* Тропы и фигуры как объект классификации // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987. С. 60—65.

Тынянов 1975 — *Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. М., 2007.

Хазагеров 2009 — *Хазагеров Г. Г.* Риторический словарь. М., 2009.

Чавчанидзе 2003 — *Чавчанидзе Д. Л.* Ирония // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. С. 315—317.

Чичерин 1968 — *Чичерин А. В.* Идеи и стиль. М., 1968.

Шестакова 2011 — *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Якобсон 1975 — *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193—230.

Якобсон 1990 — *Якобсон Р. О.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 110—132.

E. Matveev. Lexicon of poetical works by M. Lomonosov: some metalanguage devices of dictionary description

The paper focuses on some problems of meta-language semantic description of M. V. Lomonosov's poetic language. A list of labels relevant for M. V. Lomonosov's poetics used in the Dictionary of M. Lomonosov can be divided into two groups. The first one describes figurative meanings of the particular word (four tropes are included here — metaphor, metonymy, synecdoche and antonomasia). The second one describes figurative contexts (extended tropes such as periphrasis, hyperbole, irony) and figurative language phenomena which are not tropes (some types of personification, simile, allegory, myth). The paper also focuses on verse characteristics used in Lomonosov's language dictionary.

М. Г. Шарихина*

**Лексикографическое описание славянизмов
в «Словаре языка М. В. Ломоносова»
(предварительные замечания)**

Ключевые слова: славянизм, язык М. В. Ломоносова, стилистическая категория, лексикографическое описание.

В статье рассматриваются случаи употребления церковнославянской лексики в сочинениях М. В. Ломоносова. Особое внимание уделено факторам, определяющим специфику ее функционирования в разных жанрово-стилистических и структурных типах контекстов. На основе выявленных особенностей предлагаются способы лексикографического описания славянизмов в «Словаре языка М. В. Ломоносова».

1. Формирование славянизма как стилистической категории происходит в русском языке на протяжении всего XVIII века в непосредственной связи с изменениями в литературном языке данного периода: взаимодействием русского и церковнославянского литературных языков, перестройкой жанрово-стилистической структуры и становлением русского литературного языка нового типа (Замкова 1975: 201; Виноградов 1982: 87—88, 95—98, 102—106; Копорская 1988: 15—20; Живов 1996: 185—186, 265—270). Перечисленные процессы получили отражение и в языке М. В. Ломоносова. При этом особый интерес к его сочинениям вызван, с одной стороны, тем, что

---

* Миляуша Габдрауфовна Шарихина — лаборант отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН. Электронная почта: justmilya@yandex.ru

они принадлежат к разным стилям и жанрам, с другой стороны, время их создания охватывает три десятилетия (с середины 30-х до середины 60-х годов XVIII века) и поэтому соотносится с периодом оформления стилистического статуса славянизмов.

Отдельной стороной изучения указанного вопроса является лексикографическое описание церковнославянской лексики в «Словаре языка М. В. Ломоносова». Основной проблемой на данном пути, как представляется, является выбор ведущего принципа описания — генетического или стилистико-функционального. Опыт совмещения указанных аспектов представлен в «Словаре русского языка XVIII века»¹. При этом функционально-стилистическая характеристика слова является ведущей: не отмечается соответствующей пометой церковнославянская лексика, являющаяся в русском языке основным средством обозначения тех или иных понятий (например, *время, превосходный, древо, древесный* и др.); кроме того, помета «выставляется при словах древне- и старорусского языка, которые в стилистико-функциональном применении XVIII в. уравнились со словами церковнославянскими и воспринимались современниками как славянизмы» (Сл. РЯ XVIII в. 1977: 113). Славянизм как «функциональное понятие» рассматривался также Л. Л. Кутиной (Кутина 1966: 251). Между тем при описании языка М. В. Ломоносова указанный подход не может быть последовательно применен. Связано это, прежде всего, с тем, что стилистическая функция славянизмов не всегда может быть выявлена на основе контекста.

На первый взгляд, представляется разумным при оценке языкового статуса славянизмов исходить из взглядов самого автора. Как известно, употребление церковнославянской лексики получило теоретическое осмысление в «Предисловии о пользе книг церковных». Так, в теории «трех штилей» М. В. Ломоносов рассматривал «речения славенские» с точки зрения их связи с церковнославянским языком (генетический аспект) и в качестве

¹ См.: (Сл. РЯ XVIII в. 1977: 112—113; Захарова, Петрова 2002: 26)..

средства создания «высокого штиля» (стилистический аспект) (Замкова 1975: 9). При этом функциональные ограничения, которые накладываются на употребление церковнославянских элементов, так же распространялись и на русизмы, вследствие чего маркированные (как и немаркированные) элементы возникали как среди первой, так и второй лексической группы. Как отмечает В. М. Живов, «у Ломоносова намечается два различных понимания славянизмов: как элементов стилистически нейтральных (для высоких и средних жанров) и как элементов специально “высоких”, употребление которых требует особого оправдания. Эта двойственность обусловлена <...> тем, что генетические параметры искусственно связываются со стилистическими» (Живов 1996: 338).

Стилистическая маркированность славянизма с большей степенью определенности устанавливается лишь в текстах, относящихся к художественному языку. В пределах других жанров, как, например, в текстах активно формирующегося в XVIII веке научного стиля, особая стилистическая функция церковнославянской лексики может нейтрализоваться². Рассмотрим данный процесс на примере использования М. В. Ломоносовым слова *прозябение*. Оно встречается в текстах М. В. Ломоносова достаточно редко (9 случаев). При этом 2 контекста принадлежат научному трактату «Первые основания металлургии или рудных дел»:

(1) *Тут бугры скудные прозябением на песчаном горизонтальном поле, там голые каменные луды на равнине песчаного дна морского* (5, 580);

(2) *И каменные голые горы часто показывают на себе зелень мху молодого, которая после чернеет и становится землею;*

² Ср. высказывание Л. Л. Кутиной: «Следует, однако, сказать, что в научном языке этого времени <первой трети XVIII века — М. Ш.> <...> нет достаточно определенной реакции на славянизм, ощущения его особого стилистического качества» (Кутина 1966: 251).

земля, накопясь долгою времени, служит после к произведению крупного мху и других растений. А как известно, что мох не токмо летом, но и зимою растет под снегом, и для того не дивно, что мелкое в прочем сие **прозябение** весьма высоко подымается, так что в некоторых местах и дна не досягают (5, 590).

В приведенных фрагментах слово прозябение, как представляется, совершенно лишено функционально-стилистической нагрузки, что прослеживается более отчетливо при сопоставлении примеров (1) и (2) и следующих контекстов из ораторской прозы:

(3) *Миновать бы мне надлежало солнечники, которые древних стихотворцев баснями больше славны, нежели утверждены верностию натуральной истории писателей, что они последуют течению солнца, которое свойство не всегда в них наблюдается; однако умножает в сем подобие правды других **прозябений** чудное с течением солнца согласие* (3, 27);

(4) *Кто древа плодоносныя и процветающия травы в пристойное время орошает, презирая плевры и токмо прохождением попирая, тот насладится изобилием древ плодоносных и красотю цветов возвеселится, которые усилившись иссушат тучность и соки негодных и вредных **прозябений**, прекратится тех ращение и корень истлеет* (8, 250).

Слово *прозябение* употребляется в большинстве случаев именно в научной ораторской прозе (7 из 9). В подобных контекстах сам жанр создает особое условие для появления у лексем стилистической маркированности. Кроме того, в примере (2) в смежной фразе встречаем синонимичное слову *прозябение* существительное *растение*, которое в научных сочинениях М. В. Ломоносова является более распространенным (всего 30 случаев). Приведем другие примеры из того же текста:

(5) *Но те мхов породы, что от других **растений** питаются и сльвут у ботаников паразитами, то есть прихлебальщиками, много других жирнее, как у нас амела, порода некоего деревца, которое растет обыкновенно на других больших деревьях, а особливо на липах* (5, 605);

(6) *Все сие показывает, что янтарь есть произвождение царства **растений*** (5, 610).

Возможной причиной употребления рассматриваемой лексемы в научном трактате (примеры (1) и (2)) является то, что «Первые основания металлургии» представляют собой раннее сочинение М. В. Ломоносова (написано в 1742 г.; 5, 688—689). В тот период стилистический статус церковнославянской лексикой, скорее всего, еще не был теоретически осмыслен и систематизирован М. В. Ломоносовым («Предисловие о пользе книг церковных» написано только в 1758 г.). Заслуживает внимания и то, что в его ранних переводах (в «Волфианской экспериментальной физике» 1744 г. и в статье «О сохранении здравия», переведенной до 1741 г.) трижды зафиксировано употребление в том же значении слова *планта*:

(7) *Жилочки, стерженек составляющие, происходят из ветви или стебла самой **планты**. Но сие в особливом рассуждении о плантах, из листов возвращенных, и в анатомии листов в ученых Лейтцигских записках 1723 года мы показали* (1, 501);

(8) *Химики чрез свои действия; огородники в поливании **плант**, пивовары, также и каменщики в приготовлении извести находят в воде великое разнствие* (11, 27).

Как показывают данные исторических словарей, в XVIII в. слово *прозябение* использовалось в качестве стилистического славянизма: в САР² оно сопровождается пометой *Сл.*, в САР¹ данная помета стоит при слове *прозябаю* (САР² V, 541; САР¹ III, 175). В языке М. В. Ломоносова стилистическая окраска данно-

го слова оказывается жанрово закрепленной, в ранних научных сочинениях она не проявляется. При этом в тех же ранних научных текстах под влиянием авторского стиля могут возникать контексты, нарушающие тенденцию к формализации элементов научного языка. Приведем в качестве примера фрагмент из «Первых оснований металлургии»:

(9) *Кто таковых ясных доказательств не принимает, тот пусть послушает, что говорят включенные в янтарь червяки и другие гадины:*

— *Пользуясь летнею теплотою и сиянием солнечным, гуляли мы по роскошествующим влажностью растениям, искали и собирали все, что служит к нашему пропитанию; услаждались между собою приятностию благорастворенного времени и, последуя разным благовонным духам, ползали и летали по травам, листам и деревьям, не опасаясь от них никакой напасти (5, 610).*

В приведенном примере славянизмы употреблены в особом контексте — вымышленной прямой речи, используемой для оживления высказывания. Использование славянизмов помогает созданию яркого и экспрессивного образа, который нужен Ломоносову для того, чтобы убедить читателя в правильности излагаемой им теории происхождения янтаря. Такой путь выбран автором в качестве альтернативы «ясным доказательствам», представленным в предшествующем контексте.

В качестве другого примера рассмотрим функционирование союза *аки*, который в середине XVIII века активно употреблялся в жанрах высокого слога³. В трудах М. В. Ломоносова данный союз также зафиксирован в оригинальной и переводной ораторской прозе:

³ Стилистическая функция данного союза охарактеризована в (Замкова 1975: 55).

(10) *Украшенная святым Ея усердием, аки невеста, в день брачный торжествующая, Российская церковь, блистая порфирю и золотом и паче радости сияя, возвышается (8, 242);*
 (11) *Что же увидишь, когда на замок взойдешь? Увидишь обливающееся море и аки пристающие предместья, и так город, с ними смешанный, тремя приятнейшими позорищами взор увеселяет (7, 134).*

В то же время отмечен один случай употребления союза в нейтральном контексте (в переводной «Лифляндской экономии»):

(12) *Ветр есть аки метла, которою элементы чистятся (11, 117).*

В примерах (10) и (11) союз *аки* выступает в качестве средства выразительности, его употребление жанрово обусловлено. Во фрагменте (12) жанровые и контекстуальные признаки, необходимые для формирования стилистической маркированности славянизма, отсутствуют. Подобная специфика функционирования характерна и для союза *аки бы (акибы)*. При этом важно заметить, что переводы (не связанные с ораторской прозой), в которых фиксируются данные союзы, были выполнены М. В. Ломоносовым в 40-х годах: «Волфианская экспериментальная физика» (1744 г.), «Описание в начале 1744 года явившаяся кометы» (1744 г.) и «Лифляндская экономия» (1747 г.). Кроме того, союз *аки* (и *акибы*) (всего 4 употребления) в перечисленных текстах ограничен в употреблении по сравнению с частотным синонимом *как (как бы)* (более 100 употреблений), например:

(13) *После того, когда тот же шар снова на уголье положишь, тогда пар из горлышка быстро побежит и, равно как ветр, легкие вещи, недалеко от горлышка повешенные, двигать*

будет (1, 458); (14) *И понеже воинское искусство старается, чтобы ему чрез употребление пороха от часу совершеннейшим и страшнейшим учиниться, что есть безопаснейший способ, чрез который неприятеля в страх и в уклонность привести можно, когда он тем, как некоторым огненным дождем, засыпан бывает* (11, 31).

Союз *аки* в нейтральном употреблении в рассматриваемый период переходит в разряд устаревшей лексики, что способствует усилению его стилистической маркированности.

Рассмотренные случаи функционирования церковнославянской лексики в ранних научных сочинениях М. В. Ломоносова (преимущественно переводных) свидетельствуют о том, что ее стилистический статус еще не оформился. В данном случае характер ее употребления может проявляться на фоне синонимических связей с другими лексемами.

2. Взаимодействие церковнославянской лексики с контекстами ее употребления (более широкими или узкими) формируют в языке М. В. Ломоносова различную степень проявления в ней стилистической маркированности.

Так, наивысший уровень реализации стилистического значения славянизма проявляется в произведениях высокого «штиля», где «он выступает как функционально единая и экспрессивно однородная стилистическая категория» (Замкова 1975: 16), например:

(14) *Увидев времена златья
Среди градов своих и сел,
Гласит спасенная Россия
К защитнице своих предел* (8, 67—68);

(15) *Произрастет здесь насажденное Петром, огражденное милостию и напоенное щедротою достойныя толикаго Ро-*

дителя Дицери прекрасное премудрости древо, возрастет и ветви свои распрострет по всей вселенной (8, 253).

Функциональная нагрузка славянизмов в текстах других жанров определяется прагматикой контекста (см. также пример (9)), который может быть структурно выделен. Приведем в качестве примеров речь княгини Ольги, обращенную к древлянам, и слова князя Святослава:

(16) *«Люба мне речь ваша, — сказала премудрая Ольга, — уже не воскресить мне своего супруга. В оказание моего благоизволения к вашему князю и к вам окажу вам честь и преимущество пред людьми своими. Ныне возвратитесь в судно ваше спокойно, а завтра умеете им показать свое преимущество»* (6, 231);

(17) *«Станем храбро и не посрадим своего отечества, не дадим себя в презрение трепещущим от нас народам. И если счастье мужеству нашему будет противно, положим свои голы: мертвые не стыдятся»* (6, 244).

В примере (16) славянизмы способствуют созданию подчеркнуто вежливого обращения, с помощью которого Ольга старается показать свою благосклонность и гостеприимство. Фрагмент (17) представляет собой боевой призыв Святослава. Кроме того, в данных контекстах церковнославянская лексика выполняет функцию архаизирующего средства, используемого для исторической стилизации. Указанная специфика употребления славянизмов прослеживается и в других фрагментах «Древней Российской истории», не связанных с прямой речью, например:

(18) *Древлянам показалось вдовство ея и младость Святослава по их силам, чтоб не токмо от подданства свободиться, но и князя своего возвести на владение киевское* (6, 230).

Отдельного рассмотрения требует использование славянизмов в «Российской грамматике» и в «Материалах к “Российской грамматике”». Так, уже упомянутые союзы *аки* и *акибы* приводятся М. В. Ломоносовым в качестве примеров наречий:

(19) *Наречия по разным обстоятельствам разные знаменования имеют. ... Уподобления: какъ, какъ-бы, подобно, подобно какъ, такъ, акибы, коль, толь* (7, 550).

В данном примере славянизм, стоящий в ряду русской лексики, никак не маркирован. Факты отсутствия разграничения между церковнославянской и русской лексикой в рассматриваемых сочинениях достаточно распространены. Реже встречаются другие случаи, например:

(20) *Послухъ, свидетель. ... Одного, а не одного. Единаго* (7, 625);

(21) *шал. 28. с. 5. Предпріятіе, начинаніе. Богъ славы возгремѣль. Истннть. ш. 28. ст. 6. Гласъ господа страшающаго пустыню. Обиліе. Гажденіе. шал. 30. ст. 14. Совѣщались, обещалъ. Отмещу, отметаю, отвергаю, откидываю, отбрасываю, отметаюсь, отвергаюсь, оттираюсь, отрицаюсь, отрекаюсь* (7, 662).

В приведенных примерах славянизмы характеризуются с точки зрения их происхождения без какого-либо уточнения их стилистического функционирования.

Особая сфера употребления церковнославянской лексики в трудах М. В. Ломоносова представлена цитатами из Священного Писания и святоотеческой литературы, например:

(22) *Дамаскин святой, глубокомысленный богослов и высокий священный стихотворец, в Опасном издании православный веры* (кн. 2, гл. 6), *упомянув разные мнения о строении мира,*

сказал: « ... **Се** три небеса, **яже** божественный рече апостол. **Аще** же и **седьмь** поясы **седьмь** небеса **приятн** **восхощеши**, **ничто** же слову истины **вреждает**» (4, 373);

(23) *Больше не остается, как только коротко сказать и повторить, что знание природы, какое бы оно имя ни имело, христианскому закону не противно; и кто природу исследовать тщится, бога знает и почитает, тот с Василием Великим согласится, коего словами сие заключается (беседа 6, о бытии светил): «**Аще** сим научимся, себе самую познаем, бога познаем, создавшему поклонимся, **владыце поработаем**, отца прославим, **питателя** нашего **возлюбим**, **благодетеля** почтим, **началовожду** жизни нашей **насуция** и будущия поклоняющагося не **престанем**» (4, 376).*

М. В. Ломоносов обращается к авторитету святых отцов для того, чтобы обосновать право на создание научных теорий, которые могут противоречить церковному учению. Благодаря привлечению аутентичного церковнославянского текста подчеркивается истинность высказывания. В данном случае на первый план выдвигается генетическая характеристика славянизмов.

3. Рассмотренные в настоящей статье случаи употребления славянизмов в сочинениях М. В. Ломоносова позволяют сделать вывод о разнообразии их роли. Стилистический статус церковнославянской лексики находился в процессе становления, что обусловило неустойчивость ее функционирования в произведениях разных жанров. В связи с этим авторский коллектив словаря не может брать на себя ответственность за исчерпывающую стилистическую оценку всего лексического массива. В данной ситуации генетический принцип, положенный в основу лексикографического описания данного пласта лексики, как представляется, может быть проведен более последовательно, чем стилистико-функциональный. Указание на

принадлежность церковнославянской лексики к определенным стилистическим слоям может даваться в «Словаре М. В. Ломоносова» опосредованно. С одной стороны, стилистическая нагрузка славянизмов, которая (как было показано выше) получает предельную реализацию в текстах, принадлежащих к высоким жанрам, может быть отражена в словаре с помощью соответствующих жанровых помет, указывающих на сферу их употребления (например, *в ораторской прозе, в одической поэзии*). Семантические сдвиги, вызванные особым употреблением лексемы, могут быть показаны с помощью принятой системы стилистических помет (например, *в аллегорическом контексте, мтф.* — метафорический перенос). С другой стороны, сведения о стилистической характеристике лексики XVIII в. будут приводиться в Справочном отделе «Словаря» по сведениям основных источников справочной базы данных Словаря («Словаря русского языка XVIII века», «Словаря Академии Российской», «Словаря церковно-славянского и русского языка» А. Х. Востокова и пр.).

Библиография

Источники

Ломоносов 1950—1983 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л., 1950—1983.

Словари

САР¹ — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный: в 6 ч. СПб., 1789—1794.

САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806—1822.

Сл. РЯ XVIII в. 1977 — Словарь русского языка XVIII века. Проект / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977.

Научная литература

Виноградов 1982 — *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. М., 1982.

Замкова 1975 — *Замкова В. В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке середины XVIII в. Л., 1975.

Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Захарова, Петрова 2002 — *Захарова Е. А., Петрова З. М.* Церковнославянская лексика в «Словаре Академии Российской» (1784—1794) и в «Словаре русского языка XVIII века» // Словарь Академии Российской. 1789—1794. Т. 3. М., 2002. С. 20—28.

Копорская 1988 — *Копорская Е. С.* Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988.

Кутина 1966 — *Кутина Л. Л.* Формирование терминологии филологии в России: период предломоносовский: первая треть XVIII века. М.; Л., 1966.

M. Sharikhina. Lexicographical description of slavonicisms in the Dictionary of M. Lomonosov (preliminary observations)

The paper investigates the use of words derived from Church Slavonic in the M. L. Lomonosov's works. Special attention is paid to the factors that determine the specific functioning of these words in different stylistic and structural types of contexts. On basis of revealed peculiarities this paper suggests a method of the lexicographical description of slavonicisms in the Dictionary of M. Lomonosov.

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ МЕТАЯЗЫКОВОГО СЕМИНАРА
ИЛИ РАН
2014 ГОД**

Верстка *П. Д. Заславской*
Дизайн обложки: *Е. О. Шваревой*

Сдано в набор 17.07.2015. Подписано в печать 00.10.2015.
Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 12,9. Тираж 100 экз. Заказ № 07-09

Институт лингвистических исследований РАН.
199053, Россия, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9.

Издательство «Геликон Плюс».
199053, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 28.
Отпечатано в типографии издательства «Геликон Плюс».
199053, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 28,
<http://www.heliconplus.ru>.